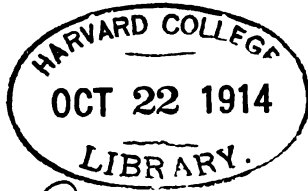

Educ 6170.5

*

Great fund

Печатать дозволяется. 6 ноября 1901 г.

Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Дмитрій.*

Кієвокая Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.

(Рѣчь, произнесенная 26 сентября 1901 г. на торжественномъ актѣ Кіевской Духовной Академіи).

Ваше Высокопреосвященство

и М.М. Г.Г.!

Двѣсти лѣтъ тому назадъ, 26 сентября 1701 года, нашей *Almae Matris* впервые въ официальномъ документѣ, Высокомонаршей грамотѣ, усвоено было названіе *Академіи*. Событіе это для историковъ Кіевской Академіи служить основаніемъ начинать съ означеннаго времени новый періодъ ея историческаго прошлаго. Двухсотлѣтіе сего событія, падающее на нынѣшній день,—день торжественнаго акта нашей Академіи,—служить для меня побужденіемъ перенестись мыслию къ этому прошлому. Я имѣю честь предложить Вашему просвѣщенному вниманію рѣчь на тему о томъ, чѣмъ была наша Академія двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Послѣ кончины приснопамятнаго фундатора кієво-могилянской коллегіи, митрополита Петра Могилы, ея матеріальныя средства и научныя силы быстро стали умаляться. Для коллегіи невознаграждаима была уже самая утрата науколюбиваго митрополита, неусыпно заботившагося объ ея процвѣтаніи

и щедро надѣлявшаго ее матеріальными средствами. Но еще ббльшій ударъ благосостоянію коллегіи нанесли начавшіяся послѣ сего смуты и „междоусобныя брани“ въ Малороссіи, причемъ Кіеву нерѣдко приходилось испытывать на себѣ всю тяжесть бурнаго времени. Междоусобныя брани не прекратились и послѣ воссоединенія Малой Россіи съ Великою. Во время одной изъ такихъ браней (1658 г.) уничтожена была пламенемъ значительная часть „города Кіева“ (Подола), а при этомъ и Братскій монастырь съ находившимися здѣсь церквами и коллегіею ¹⁾. „*Ни единого имѣть покоя плоть наша*—заявляетъ тогдашній ректоръ кіево-могилянскон коллегіи Іоаннѣкій Галятовскій—*внѣ уду брани, внутрѣ уду страхи* ²⁾.—Къ этимъ стихійнымъ несчастіямъ присоединились столкновения помянутаго Галятовскаго съ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи мстиславскимъ епископомъ Меѳодіемъ Филимоновичемъ,—человѣкомъ по тому времени довольно образованнымъ, но преслѣдовавшимъ исключительно личные интересы, которые не всегда сходились съ интересами кіевскихъ ученыхъ. Вслѣдствіе „оскорбленій и гоненій“, воздвигнутыхъ Меѳодіемъ на Галятовскаго, послѣдній вынужденъ былъ удалиться въ Галицію и скитаться по разнымъ, отдаленнымъ отъ Кіева городамъ, а коллегія, въ это тяжелое для нея время, около двухъ лѣтъ оставалась безъ ректора ³⁾. Но самый смертельный ударъ коллегіи рѣшилось было нанести московское правительство. Утомленное продолжительною борьбою съ Польшею изъ-за обладанія Малороссіею, видя во многихъ малороссіянахъ „шатость“ и „перелетство“, а въ средѣ кіевскихъ ученыхъ несочувствіе къ сосредоточенію церковной власти въ рукахъ московскаго патріарха,—московское правительство, въ то время еще съ недоувѣріемъ относившееся къ западной наукѣ, опасалось, что въ кіево-могилянскон коллегіи, гдѣ въ основу преподаванія положены были латино-польскіе образцы, культивируются симпатіи, чуждыя московскимъ воззрѣніямъ. Поэтому, когда получено было въ

Москвѣ „челобитье“ о возобновленіи, т. е. о поддержаніи склонившихся къ „послѣднему оскудѣнію“ кіевскихъ школъ,— московское правительство дало знать тогдашнему кіевскому воеводѣ, боярину Шереметеву, что *лучше бы тѣхъ школъ не заводили*, если то „кіевскимъ жителямъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе“ ⁴⁾.—Но представители кіевской учености и вообще интеллигентные малороссы разсуждали объ этомъ иначе. Они смотрѣли на свою коллегію, какъ на свѣточъ, разсѣвавшій долго царившую въ Россіи тьму невѣжества и приравнивали ее „ко вторымъ Аѳинамъ“, которыя милосердый Богъ рукою митрополита Петра Могилы воздвигнулъ „на благо православной церкви и всего народа Россійскаго“. Въ Кіевѣ ревнители православія не о закрытіи школъ помышляли, но всемѣрно заботились о томъ, чтобы (какъ они выражались) „не угасла искра“ отъ возженнаго Петромъ Могилою свѣтильника науки и „сѣмя сей науки не было искоренено“ ⁵⁾. Такое настроеніе въ средѣ образованныхъ малороссіянъ, разумѣется, хорошо было извѣстно воеводѣ Шереметеву, и онъ на сдѣланное ему московскимъ правительствомъ предложеніе о возможности закрытія кіевскихъ школъ категорически отвѣчалъ: „Въ Кіевѣ школа (т. е. кіево-могилянская коллегія) заведена до пріѣзду моего... и перевезть (т. е. упразднить) тое старую школу *никоторыми мѣры не лѣзъ, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе*“ ⁶⁾. Московское правительство должно было признать справедливость этого мнѣнія. Оно настаивало только, чтобы въ означенныхъ школахъ обучались кіевскіе жители, а „изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ“ никто въ нихъ принимаемъ не былъ, дабы отъ сего не произошло „*смуты и всякаго дурна*“ ⁷⁾.—Такимъ образомъ мрачная туча, угрожавшая было самому существованію коллегіи, миновала ее. Но тяжелыя раны, нанесенныя ей матеріальному благосостоянію, залечивались медленно.

Избранный, послѣ Галятовскаго, на ректуру въ коллегіи и соединенное съ нею кіево-братское игуменство, Варлаамъ Ясинскій былъ, по выраженію его учителя Лазаря Барановича, *плодоносною вѣтвію* (могилянскаго) *винограда* ⁸⁾,— былъ человѣкъ высокообразованный, дѣятельный, всецѣло преданный интересамъ вѣрренныхъ его управленію и попечительству учреждений, всецѣло заботившійся о приведеніи ихъ къ благоустройству. Но ему приходилось дѣйствовать среди непрекращавшихся бурь политическихъ и нестроеній церковныхъ. Ясинскій неоднократно обращался съ просьбами о коллегіи и въ Польшу ⁹⁾ (въ то время еще неизвѣстно было подъ чьею властію окажется Кіевъ), и къ Московскому правительству, и ко многимъ вліятельнымъ лицамъ ¹⁰⁾; но выхлопанные имъ у польскаго короля грамоты, подтверждавшія права коллегіи и укрѣплявшія числящіяся за нею и монастыремъ помѣстья, реальнаго значенія не имѣли (такъ какъ Кіевъ навсегда остался во владѣніи московскаго государства), московское же правительство къ многочисленнымъ петиціямъ Ясинскаго отнеслось довольно холодно, предоставивъ обращаться съ этими петиціями (съ большинствомъ петицій) къ малороссійскому гетману ¹¹⁾,—и хотя послѣдній надѣлилъ кіево-братскій училищный монастырь довольно доходнымъ помѣстьемъ, удовлетворилъ нѣкоторыя и другія просьбы ректора ¹²⁾, но всѣ эти гетманскія милости далеко не соответствовали понесеннымъ коллегіею потерямъ. Поэтому монастырскія и училищныя зданія воздвигались съ большими трудностями, богослуженіе очень долгое время отправлялось въ единственномъ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара 1658 г., маломъ трапезномъ придѣлѣ ¹³⁾ и только въ началѣ 1670 г.г. сооружена была въ обители небольшая деревянная церковь во имя Богоявленія Господня.

Тяжкое бремя, возложенное въ это трудное время на Ясинскаго, усугублялось двойственностью его положенія—какъ ректора коллегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ игумена монастыря.

Какъ человѣкъ образованный и науколюбивый, онъ гораздо болѣе принималъ къ сердцу интересы коллегіи, чѣмъ монастыря. Это вызывало неудовольствія со стороны братіи, тяготившей къ монастырю; неудовольствія перешли въ открытый ропотъ послѣ извѣстнаго несчастнаго случая—убіенія поляками въ братскомъ имѣніи Новоселкахъ трехъ братій, неблагоприятно посланныхъ туда Ясинскимъ ¹⁴),—и онъ—съ болью въ сердцѣ—долженъ былъ отказаться отъ ректуры и игуменства (1673 г.) ¹⁵).

Ближайшіе преемники Ясинскаго по своей заботливости о нуждахъ монастыря и коллегіи во многомъ уступали своему предшественнику, и хотя добрыя начинанія послѣдняго, направленные къ подъему учебной стороны коллегіи, стали приносить ожидаемые плоды ¹⁶), но матеріальное ея положеніе, несмотря на прояснявшійся политическій горизонтъ и непрекращавшіяся жертвы со стороны благотворителей, продолжало оставаться крайне бѣдственнымъ. „Монастырь—пишетъ очевидецъ, Ѳеоданъ Прокоповичъ, бывший въ означенное время питомцемъ коллегіи—монастырь, во время младыхъ моихъ лѣтъ, при Головичѣ и Гугуревичѣ и другихъ ректорахъ,... былъ жаждень, и гладень, и хладень, и, чудо воистинну, какъ устоялъ!“... „А которая таковой бѣдности могла быть причина?“—ставитъ вопросъ Прокоповичъ, и отвѣчаетъ: „Незнаніе экономіи и не одно того незнаніе, но къ тому противные, разорительные поступки, начальныхъ нерадѣніе, лѣность, оспалость, гнусность, да еще при пособіи шумныхъ дневнощныхъ забавокъ, а подначальныхъ, наипаче посельскихъ старцевъ, иныхъ—непросыпляемое пьянство, а другихъ—прилѣжныя кражи и должныхъ обществу доходовъ хищенія“ ¹⁷)... Особенно неблагоприятно должно было быть для коллегіи ректорство въ ней Ѳеодосія Гугуревича, человѣка не безъ дарованій, но въ нравственномъ отношеніи быстро опускавшагося по наклонной плоскости, печально закончившаго свою жизнь

и еще болѣе печальную память оставившаго о себѣ въ потомствѣ ¹⁸⁾).

Съ начала 90-хъ г.г. XVII столѣтія для кіево-могилянско-й коллегіи наступають лучшія времена, и она быстро начинаетъ обновляться и внѣшне и внутренне. Въ 1690 году, послѣ кончины митрополита Гедеона Святополка-Четвертинскаго, на первосвятительскую кафедру кіево-могилянско-й митрополіи вступилъ бывший питомецъ кіево-могилянско-й коллегіи и одинъ изъ достойнѣйшихъ ея ректоровъ, упомянутый Варлаамъ Ясинскій. Хорошо знакомый съ причинами „нестроеній“, подрывавшихъ благосостояніе коллегіи, новый митрополитъ, никогда неперестававшій участливо и сердечно относиться къ ней, озаботился о замѣщеніи освободившейся въ коллегіи ректуры лицомъ, способнымъ, по его выраженію, быть ея *благоразумнымъ и благочиннымъ строителемъ*. Таки-мъ избранникомъ оказался состоявшій въ то время на-стоятелемъ кіево-никольскаго монастыря Іоасафъ Кроковскій, тоже бывший питомецъ коллегіи, довершившій свое образо-ваніе въ заграничныхъ академіяхъ, человекъ большихъ даро-ваній и большой учености, много лѣтъ потрудившійся уже для воспитавшей его школы въ качествѣ профессора риторики, философіи и богословія ¹⁹⁾). Кроковскій вполне оправдалъ оказанное ему довѣріе и явился дѣйствительнымъ строите-лемъ коллегіи и кіево-братскаго монастыря. Немедленно по вступленіи на ректуру онъ твердою рукою началъ приводить въ порядокъ распатаннаго экономическія дѣла и, точно опре-дѣливъ имущественную наличность монастыря, позаботился объ ея укрѣпленіи путемъ официальнымъ, что, въ виду по-стоянныхъ столкновеній и споровъ изъ-за нѣкоторыхъ по-мѣстій, являлось дѣломъ неотложнымъ ²⁰⁾). Въ надежныя руки передано было имъ и наблюденіе за монастырскими дохода-ми ²¹⁾). Но главною заслугою Кроковскаго для коллегіи было исходатайствованіе для нея передъ правительствомъ *правъ высшаго учебнаго заведенія*. Правами этими кіево-могилян-

ская коллегія при польскомъ владычествѣ не пользовалась или, точнѣе, пользовалась недолго, къ тому же *tacite*, не имѣя на то соответствующей грамоты ²²). Привилеемъ короля, даннымъ православнымъ на сеймѣ 1635 года, въ коллегіи разрѣшалось обученіе свободнымъ наукамъ не далѣе логики и діалектики ²³). Поэтому преподаваніе богословія сливалось здѣсь съ курсами философскими, не было представляемо самостоятельною кафедрою. Затѣмъ среди бушевавшихъ волнъ политической и церковной бури коллегія не только не могла мечтать о расширеніи у себя преподаванія, но послѣднее, по временамъ, должно было сокращаться въ ней до *minimum*'а. Но съ половины 80-хъ г.г. XVII стол., несмотря на указанныя экономическія нестроенія въ коллегіи, научныя ея силы стали замѣтно возрастать. Въ ряду средствъ къ поднятію научнаго уровня коллегіи, предпринятыхъ Ясинскимъ въ бытность его здѣсь ректоромъ, было отправленіе „монастырскимъ коштомъ“ способныхъ „студентовъ“ для завершенія образованія за-границу ²⁴). Къ указанному времени эти даровитые юноши стали возвращаться на родину и занимать въ воспитавшей ихъ школѣ профессорскія должности, вслѣдствіе чего найдено было возможнымъ не только расширить курсы философскіе, но и ввести преподаваніе богословія, и когда послѣднее окончательно упрочено было въ коллегіи, Кроковскій нашелъ благовременнымъ обратиться къ московскому правительству съ ходатайствомъ о дарованіи ей болѣе широкихъ правъ.

Съ ходатайствомъ объ этомъ Кроковскій лично отправился въ Москву ²⁵). Митрополитъ и гетманъ снабдили его рекомендательными письмами къ вліятельнымъ лицамъ и обширными челобитьями на имя государей о нуждахъ коллегіи. Въ челобитной гетмана, между прочимъ, выставлялось на видъ, что отъ упроченія и расширенія правъ коллегіи воспослѣдуетъ не только „вѣщее примноженіе хвалы Божіей“, но и „великимъ государямъ, ихъ царскому Величеству, все-

народная слава": ибо Кіевъ—„исконная отчина“ ихъ Величества.—Кроковскій принятъ былъ въ Москвѣ ласково, и 11 января 1694 года получилъ двѣ высокомонаршія грамоты, изъ коихъ одною укрѣплялись за кіево-братскимъ училищнымъ монастыремъ принадлежавшія ему помѣстья и угодыя въ границахъ, указанныхъ въ челобитной, а другою—*опредѣлялись права коллегіи*. За нею утверждалось право имѣть не только низшіе классы, но и высшіе—философіи и богословія; разрѣшалось обучать не только дѣтей російскаго народа всякихъ чиновъ, но и „изъ иныхъ странъ приходящихъ“ („благочестивой греко-російской вѣры“); она ограждалась отъ притязаній и стѣсненій со стороны военныхъ чиновъ и городского управленія, и сверхъ того ей назначалось опредѣленное царское вспомоществованіе по 50 рублей и 50 четвертей ржи въ годъ²⁶). Но *Академію* въ этой грамотѣ кіево-могилянская коллегія еще не названа; не сказано здѣсь въ достаточно опредѣленныхъ выраженіяхъ и о предоставленіи ей собственнаго суда надъ учащимися. Последнее обстоятельство служило поводомъ къ частымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между коллегіатами и представителями свѣтской власти, въ особенности съ кіевскою ратушею. Въ 1699 году кіевскій войтъ, лично бывшій въ Москвѣ, занесъ жалобу на коллегіатовъ и выхлопоталъ государеву грамоту, предоставлявшую кіевскимъ мѣщанамъ право „приводить въ приказную избу“ безчинствующихъ студентовъ, т. е. судить ихъ за проступки свѣтскимъ судомъ²⁷),—чѣмъ вскорѣ мѣщане и воспользовались, засадивъ провинившагося студента въ свою ратушную тюрьму, а отсюда препроводивъ для суда въ избу приказную. Обстоятельство это произвело сильное волненіе въ средѣ коллегіатовъ. Вся коллегія in corpore, т. е. какъ профессора, такъ и студенты, вошли къ митрополиту съ прошеніемъ, гдѣ, съ подробностями рассказавъ объ упомянутомъ случаѣ, заявляли, что учрежденіе, въ которомъ они учатъ и учатся, есть *Ака-*

демія и ей съ самага основанія присущи тѣ права свободы, т. е. самоуправленія и суда, которыми пользуются академія „во всѣхъ государствахъ иноземскихъ“, поѣтому посягательства „мірскихъ властей“ на эти права составляютъ для нихъ, просителей, „тяжкую обиду“. Притомъ кіево-могилянская Академія находится подъ властію своего архипастыря (митрополита) и ему подсудна, мірскимъ же людямъ вступаться въ суды духовные есть дѣло съ одной стороны очень неприличное, а съ другой— „противное правиламъ святымъ и самому правилодавцу Богу“. Поѣтому профессора и студенты, припадая къ архипастырскимъ стопамъ, просили митрополита войти съ ходатайствомъ „къ пресвѣтлѣйшему монаршему престолу объ огражденіи ихъ отъ указанныхъ безчиненій и дерзости кіевскихъ мѣщанъ“ и другихъ свѣтскихъ лицъ, именно „чтобъ студентамъ, аще бы какая вина и случилась за ними, судъ былъ въ Академіи“²⁸).

Митрополитъ Варлаамъ Ясинскій горячо отнесся къ этому: немедленно отправилъ челобитную на имя государя, а вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ нѣсколько просительныхъ писемъ, къ разнымъ вліятельнымъ при дворѣ лицамъ²⁹). Особенно большія надежды кіевскій митрополитъ (и не безъ основанія) возлагалъ на содѣйствіе въ данномъ случаѣ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, тѣсными узами соединеннаго съ кіевскими учеными и въ то время, по своему общественному положенію, близко стоявшаго къ государю и придворнымъ сферамъ. „Всеусердно прошу—писалъ кіевскій митрополитъ рязанскому—благоволи святыня Ваша быти ближайшимъ ходатаемъ до пресвѣтлѣйшаго престола царскаго, якоже и Христось Господь бѣ ходатайствуя между Богомъ и человѣкомъ, и умоли благочестивѣйшаго государя, царя, премилостивѣйшаго монарха въ подаяніи *полномощной грамоты и крѣпости...*, чтобъ не имѣли отнынѣ мѣщане кіевскіе и господинъ генераль-губернаторъ верх-

няго города Кіева надѣ студентами власти и воли, но
 аще бы каковъ студентъ провинился, чтобъ искали
 управы въ надлежащемъ судѣ и правѣ школъ братскихъ
 кіевскихъ, у ректора и префекта“.—Варлаамъ Ясинскій
 благопріятному рѣшенію своей просьбы придавалъ чрезвы-
 чайно важное значеніе. „Только тогда—писалъ онъ тому
 же Яворскому—кіевскія школы, на недвижимомъ камени
 блаженныя памяти (митрополитѣ) Петрѣ Могилѣ основанныя,
 не поколеблятся отъ противныхъ вѣтровъ“; только тогда
 это мѣсто, нѣкогда „орошаемое кровными каплями Вашей
 святыни (намекъ на профессуру въ коллегіи Яворскаго) и
 среди несчастій процвѣтавшее какъ роза“, не прораститъ,
 запусъвая, „терній и подчцевъ“³⁰⁾.

Стефанъ Яворскій, всегда доброжелательно и участливо
 относившійся къ воспитавшей его школѣ, поспѣшилъ испол-
 нить просьбу кіевского митрополита относительно ходатайства
 предъ государемъ по данному дѣлу и, главнымъ образомъ,
 благодаря этому ходатайству выдана была нашей Академіи
 упомянутая мною въ началѣ рѣчи жалованная государева
 грамота, датированная 26-мъ сентября 1701 года³¹⁾.

Въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи, посвя-
 щавшіе свои труды изученію прошлаго нашей Академіи, не
 придаютъ особеннаго значенія этой грамотѣ. Они говорятъ,
 что грамота 1701 года подтверждаетъ только то, что уже
 дано было коллегіи предшествующей грамотою государей
 1694 года, и въ грамотѣ 1701 года коллегія не называет-
 ся Академіею: это названіе усвоятъ ей только сами про-
 фессора и студенты въ своей челобитной, отчасти приведен-
 ной въ грамотѣ³²⁾.

Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія.

Мы упомянули уже, что въ царской грамотѣ 1694
 года, подтверждающей и дарующей разныя права кіево-мо-
 гиліанской коллегіи, въ недостаточно опредѣленныхъ выра-

женіяхъ, говорится о предоставленіи ей самоуправленія и суда. Правда, послѣднее какъ-бы само собою подразумѣвается: вытекаетъ изъ общаго характера дарованныхъ коллегіи правъ. Но это—уже толкованіе грамоты, съ которымъ можно было и не соглашаться и съ чѣмъ дѣйствительно не соглашались не только „мірскія власти“ города Кіева, но и само московское правительство, нашедшее возможнымъ выдать кіевскимъ мѣщанамъ жалованную грамоту, предоставлявшую имъ право привлекать студентовъ коллегіи къ свѣтскому суду. Поэтому на грамоту, данную кіево-могилянскою коллегіею 26 сентября 1701 года, слѣдуетъ смотрѣть дѣйствительно, какъ на грамоту, по выраженію митрополита Ясинскаго, „*полномощную*“, т. е. расширяющую права коллегіи предоставленіемъ ей собственнаго суда надъ студентами,—допустимъ даже, что можно смотрѣть на нее, какъ на *толкованіе* предшествующей грамоты 1694 года, но *толкованіе, согласное съ пониманіемъ и желаніемъ коллегіатовъ*. А какое важное значеніе придавали этому коллегіаты и кіевскій митрополитъ, намъ уже извѣстно.

Что касается до названія кіево-могилянскою коллегіею Академіею, то мы видѣли, что оно впервые употреблено коллегіатами въ челобитной на имя митрополита въ видѣ объясненія или, лучше сказать, въ качествѣ доказательства законности ихъ правъ имѣть собственный судъ надъ студентами, подобно тому, какъ это право принадлежитъ и другимъ однороднымъ учрежденіямъ, академіямъ иноземнымъ. Даруя коллегіе это право *по соображеніямъ* (основаніямъ), *указаннымъ въ челобитной коллегіатовъ*, и при этомъ, согласно послѣдней, называя ее, притомъ называя неоднократно, *Академіею*, царская грамота. очевидно, тѣмъ самымъ и признаетъ за нею это наименованіе.

Къ концу XVII столѣтія, одновременно съ улучшеніемъ матеріальнаго благосостоянія, кіево-братскій монастырь и коллегія начинаютъ благоукрашаться. Этимъ они преимущественно обязаны щедротамъ малороссійскаго гетмана Мазепы, бывшаго великимъ благотворителемъ духовенства, церковей и монастырей. Великолѣпная Богоявленская церковь, доселѣ служащая лучшимъ украшеніемъ нашего монастыря, построена была (въ началѣ 1690-хъ годовъ) на средства Мазепы³⁸). На его же средства сооруженъ былъ (1703—1704 г.г.) для академическихъ аудиторій обширный каменный корпусъ, въ которомъ мы въ настоящее время находимся³⁹).—Что касается до Богоявленской церкви, то она въ архитектурномъ отношеніи переиѣнамъ не подвергалась, и поэтому нарочитыя рѣчи о ней излишни. Но Мазепинъ корпусъ былъ перестраиваемъ неоднократно. Въ первоначальномъ видѣ онъ изображенъ на панегирикѣ-гравюрѣ, поднесенной студентами Академіи бывшему ея ректору, въ то время настоятелю кіево-никольскаго монастыря, Прокопію Колачинскому. Къ сожалѣнію, на гравюрѣ большая часть зданія заслонена группою студентовъ и изображеніемъ Паллады со знаменемъ въ рукѣ, помѣщенныхъ впереди академическаго корпуса. Впрочемъ, и видимыя части зданія даютъ достаточно отчетливое представленіе объ его архитектурѣ, и оно можетъ быть восстановлено въ полномъ видѣ. Архитектура красивая. Зданіе двухъ-этажное. Лицевая его сторона имѣетъ галлерей съ многочисленными довольно изящными столбами (въ нижнемъ этажѣ) и колоннами (въ верхнемъ); на двухъ-скатной крышѣ—три башенки.—Въ 1735 году архіепископъ Рафаилъ Заборовскій, одинъ изъ архипастырей, наиболѣе участливо относившихся къ Академіи, надстроилъ верхній этажъ Мазепина корпуса по плану архитектора Штейна, причемъ лицевая средняя часть верхняго этажа украшена была огромною колонадою въ тосканскомъ стилѣ. Къ сѣверо-восточной стѣнѣ корпуса пристроена была небольшая каменная церковь, по-

лучившая название конгрегационной. Изображение этого реставрированного корпуса находится на панегирической гравюрь, поднесенной въ 1739 году архіепископу Заборовскому студентомъ Кіевской Академіи Даміаномъ Галяховскимъ³⁵). Въ послѣдній разъ корпусъ передѣлываемъ былъ во второй половинѣ 19-го столѣтія, причемъ галереи и колонада были уничтожены, и зданіе совершенно утратило свой первоначальный видъ.

Для болѣе яснаго представленія о трактуемомъ предметѣ, позволяю себѣ предложить Вашему вниманію два рисунка *). На первомъ рисункѣ изображенъ Мазепинъ корпусъ до реставраціи его архіепископомъ Заборовскимъ. Тѣ части корпуса, которыя въ упомянутой панегирической гравюрь, поднесенной *Колачинскому*, заслонены изображеніями студентовъ и Паллады, на рисункѣ возстановлены на основаніи видимыхъ на гравюрь частей зданія и въ архитектурномъ соответствіи съ ними.—Второй рисунокъ представляетъ реставрированный Заборовскимъ корпусъ, какъ онъ изображенъ на упомянутой гравюрь Галяховскаго (на рисункѣ возстановлена только передняя—алтарная—часть конгрегационной церкви, на гравюрь, за недостаткомъ мѣста, не воспроизведенная). Что касается теперешняго вида стараго академическаго корпуса, то онъ у всѣхъ передъ глазами.

*) Изображенія Мазепина корпуса до реставраціи и реставрированного Заборовскимъ возстановлены по указаннымъ гравюрамъ инженеромъ *Е. О. Ермаковымъ*, которому мы и приносимъ *глубокую благодарность*. Изображенія эти (рисунки) помѣщены въ концѣ сей рѣчи. На первомъ рисункѣ (помѣченномъ цифрою I) изображенъ Мазепинъ академическій корпусъ до реставраціи его Заборовскимъ, на второмъ (помѣченномъ цифрою II)—послѣ означенной реставраціи.

Обращаюсь къ бытовой сторонѣ академической жизни за разсматриваемое время.

Ректоръ Академіи (совмѣщавшій съ сею должностію и настоятельство въ кіево-братскомъ монастырѣ) былъ *выборный*. Въ выборахъ его участвовали не одни профессора Академіи, но и все ученое духовенство города Кіева (члены „консистоіума“, настоятели кіевскихъ монастырей)³⁶). Участвіе сихъ лицъ въ выборахъ объясняется ихъ тѣсными связями съ Академіею, такъ какъ всѣ они, за рѣдчайшими исключениями, здѣсь начинали свою служебную карьеру: были профессорами, а многіе и ректорами Академіи, — всѣ они были, какъ иногда выражались о нихъ, *emeritissimi professores, rectores*, и никогда не прерывали тѣснаго общенія съ своею *Alma Matre*³⁷). — О результатахъ выборовъ немедленно сообщалось митрополиту, который въ свою очередь увѣдомлялъ объ этомъ малороссійскаго гетмана, такъ какъ Мазею испрошено было у московскаго правительства распоряженіе, чтобы высшія духовныя должности безъ его гетманскаго согласія не замѣщались, что неуклонно подлежащими органами и исполнялось³⁸). По полученіи отъ гетмана благопріятнаго отвѣта происходило *возведеніе* избранника въ ректоры, торжественно совершавшееся по *особому чину* въ церкви; затѣмъ новому ректору выдавалась митрополитомъ соотвѣтствующая ставленная грамота³⁹).

Ректора обычно избирались изъ среды академическихъ профессоровъ: это было для наиболѣе потрудившихся и достойнѣйшихъ изъ нихъ — наградою за ихъ долготѣтную службу въ Академіи, было вѣнцомъ ихъ учебной карьеры здѣсь и переходною ступенью къ высшимъ почестямъ. Уклоненія отъ этого общаго правила были рѣдкія и вызывались исключительными обстоятельствами⁴⁰).

Префектъ Академіи (первое лицо послѣ ректора), профессора и преподаватели утверждались по представленіямъ

ректора митрополитомъ ⁴¹⁾. Всѣ они были лицами монашесствующими (за рѣдкими исключеніями и то для преподавателей въ низшихъ классахъ ⁴²⁾). Прочно установившійся обычай при замѣщеніи каедръ былъ слѣдующій. Даровитѣйшіе студенты Академіи, изъявившіе согласіе принять впослѣдствіи монашество и послужить родной школѣ, отправлялись для довершенія образованія за границу, по возвращеніи откуда и принятіи монашества, имъ и предоставлялось преподаваніе извѣстныхъ предметовъ, начиная съ низшихъ, или даже (смотря по обстоятельствамъ) съ среднихъ классовъ; затѣмъ, по окончаніи пройденнаго курса, они виѣстѣ съ своими, усвоившими предметъ, питомцами переходили въ слѣдующій, высшій классъ ⁴³⁾. Такъ, напр., по окончаніи пнтики профессоръ переводился въ классъ риторическій, по окончаніи риторики—въ классъ философскій, а если затѣмъ избирался ректоромъ, то занималъ каедру богословія. Разумѣется, отъ этого обычнаго порядка бывали отступленія, завистьшія отъ разныхъ причинъ и особенно усилившіяся въ рассматриваемое нами время (въ самомъ началѣ XVIII ст.) вслѣдствіе участившихся вызововъ профессоровъ Академіи въ Москву; но общій принципъ оставался неизмѣннымъ.

Такимъ образомъ преподаваніе въ Академіи не было постоянною профессіею для лицъ занимавшихся имъ: оно было временнымъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ „послушаніемъ“ ученаго монашества. Вслѣдствіе этого составъ профессоровъ мѣнялся весьма часто.

Каково было матеріальное обезпеченіе академическаго учащаго персонала?

Историки Кіевской Академіи утверждаютъ (имѣя въ виду и рассматриваемое нами время), что оно было крайне бѣдственное. „Профессора и учителя—говоритъ преосв. Макарій, а вслѣдъ за нимъ и другіе—не получали никакого жалованья, а довольствовались изъ монастыря однимъ пропи-

таніемъ и одѣяніемъ—самымъ простымъ, *какъ и прочая братія до послѣдняго*: они служили мѣсту своего воспитанія, посвящали ему свои способности, труды и знанія изъ *одной благодарности*“⁴⁴). Намъ кажется, что мнѣніе это не вполне соответствуетъ дѣйствительности. До нашего времени сохранился любопытный документъ—жалоба префекта и профессоровъ Академіи къ митрополиту по поводу неудовлетворительнаго содержанія, даваемого имъ монастыремъ, и отвѣтъ на эту жалобу ректора, какъ настоятеля монастыря. Изъ этого отвѣта, съ большими подробностями перечисляющаго издержки монастыря на преподавателей и профессоровъ, видно, что пищевое продовольствіе ихъ было отнюдь не скудное и далеко превосходившее содержаніе рядовой монастырской братіи, а профессоровъ высшихъ классовъ, въ особенности префекта, даже преизобильное. Вотъ сокращенная выдержка изъ документа, гдѣ говорится о продовольствіи, даваемомъ префекту. „Отцу префекту рыбы дается по четыре порціи... и кромѣ рыбнаго дается борщъ, каша или другія кушанья, какія въ трапезѣ соборной братіи представляются. Хлѣба дается два на день: одинъ ситный соборный въ 8 фунтовъ, а другой братерскій въ 8 же фунтовъ, въ праздничные же и воскресные дни кромѣ того хлѣба дается по четыре булки. Пива дается по семи квартъ на день, пива же дается въ ледовню по двѣ куфы (большія бочки)... Олѣи дается въ среду полкварти, въ пятюкъ полкварти; масла дается въ скоромные дни по полфунта. Отъ Воскресенія (Христова) до сентября мѣсяца дано на келію его отца префекта *двѣ салъ*. Водки дается отцу префекту по флягѣ гарцовой (большая глиняная посуда) въ начатіи школь, въ праздники Рождественскій и Воскресенскій, также при окончаніи школь, да не возбраняется и тогда, когда было бы ему надобно. Префектовская же фуниція—ядовито добавляетъ ректоръ—такими лѣкволами обыкновенно всегда богата есть. Меду дается по квартъ, когда онъ въ трапезѣ поставляется.

Свѣчь дается пять сотъ на годъ; соли—по пяти гусокъ на тыждень (недѣлю); сыра и яиць, когда надобно и когда то есть въ палатѣ. Вариво дается всякое, когда востребуеть онъ, отецъ префектъ. Дровъ дается столько, сколько надобно.—Блюда и тарелки даются. Коляска съ лошадьми префекту (равно какъ и всѣмъ учителямъ) невозбранна⁴⁵⁾.

Приведенный документъ относится къ нѣскольکو позднѣйшему времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, но въ немъ констатируются *давнiе* академическіе обычаи.

Денежнаго жалованья за обученіе, въ рассматриваемое время, профессора и преподаватели дѣйствительно не получали; но они имѣли другіе источники доходовъ. Такъ, будучи „постриженцами“ какого-либо монастыря, они числились въ составѣ его братіи и имъ шли кружечные „братскіе подѣлы“. Нѣкоторыя суммы—въ переводѣ на теперешній счетъ, рублей по 150—200, они получали отъ такъ называемой *паничевой консольяціи*, кромѣ добротныхъ приношеній отъ состоятельныхъ родителей тѣхъ же паничей жизненными припасами⁴⁶⁾. Ректоръ, а иногда и профессора, приглашались въ высокаторжественные дни (на государевы именины, и др.) на молебны въ Кіево-Софійскій соборъ и за это получали изъ кіевскихъ доходовъ вознагражденіе по опредѣленной для подобныхъ случаевъ таксѣ⁴⁷⁾. Оплачивалось иногда и произнесеніе проповѣдей въ томъ же соборѣ⁴⁸⁾. У ректора же и префекта были и другіе сторонніе источники доходовъ⁴⁹⁾.

Не самое содержаніе преподавателей было неудовлетворительное, *скудное*, (этого сказать нельзя, въ особенности если принять во вниманіе, что преподаватели были лица монашествующія, безсемейныя),—неудовлетворительны были условія, коими обставлено было полученіе означеннаго содержанія (разумѣемъ, преимущественно, пищевое), ставившее учащій персоналъ въ зависимость отъ монастыря,—отъ чего возникали нерѣдко крупныя недоразумѣнія. Хорошій въ мона-

стырѣ экономъ—и у коллегіатовъ „преизобильное во всемъ довольство“: „въ съѣстныхъ и питейныхъ припасахъ *достатки не только чернеческіе, но и господскіе*“⁵⁰); дурно ведутся экономическія дѣла—умалняется и содержаніе преподавателей, а это—хотя бы „скудости“ и не ощущалось—вело къ естественнымъ въ подобныхъ случаяхъ волненіямъ, нарушавшимъ обычное теченіе жизни.—Въ добрыхъ отношеніяхъ съ академическою корпораціею находится ректоръ,—онъ же настоятель монастыря,—и заботливость о пищевомъ продовольствіи преподавателей простирается до того, что они ежедневно (человѣка по два) а въ нѣкоторые дни (постные) и *in согроте* приглашаются къ ректорскому столу. Нарушаются эти добрыя отношенія,—„отсѣкается“ и означенный обычай, что опять вело къ недовольству и нареканіямъ со стороны преподавателей, а со стороны ректора хотя и къ резоннымъ, но отнюдь не пріятнымъ замѣчаніямъ по адресу ихъ: „ректоръ-де не обязанъ по должности учителей кормить при столѣ своемъ, ибо всякій учитель имѣетъ свою порцію... да и не пригоже весьма того требовать за должность, что получаемъ мы за одинъ гуманитетъ“⁵¹).

Что извѣстно объ учащихъ въ Академіи за разсматриваемое время?

Вслѣдствіе бѣдствій, обрушившихся въ 50-хъ годахъ XVII стол. на кіево-могилянскую коллегію, она—по выраженію Лазаря Барановича⁵²)—*умалилась, стала какъ малый Закхей*“, что должно быть понимаемо, какъ въ смыслѣ сокращенія въ ней преподаванія, такъ и весьма значительнаго уменьшенія числа ея питомцевъ. Но за этимъ временнымъ, хотя и довольно продолжительнымъ затишьемъ, съ 1680-хъ годовъ въ коллегіи начинается большее оживленіе: съ возрастаніемъ ея научныхъ средствъ усиливается притокъ въ нее жаждущей просвѣщенія молодежи; притокъ послѣ полученія коллегіею извѣстной намъ царской грамоты

1694 года, приравнивавшей ее къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ и позволявшей принимать дѣтей всего російскаго народа, всякихъ чиновъ и изъ иныхъ странъ приходящихъ,— притокъ этотъ усиливается и къ началу XVIII столѣтія достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Въ началѣ 1700 г.г. число обучающихся въ Кіевской Академіи достигло *болѣе 2000* чело-вѣкъ⁵³). Составъ ихъ былъ самый разнообразный, такъ какъ Академія радушно открывала свои двери для всѣхъ сословій. На ряду съ сыновьями тогдашней знати (стольниковъ, полковниковъ, знатныхъ козаковъ и т. п.) здѣсь воспитывались,— притомъ составляя большинство,—и бѣдняки, не имѣвшіе дневного пропитанія. Заботы объ этомъ пропитаніи и составляли для Академіи постоянную злобу дня, сообщивъ бытовой сторонѣ жизни большинства ея питомцевъ характерныя черты.

Часть бѣдности жила въ такъ называемой бурсѣ, существовавшей при Академіи, часть,—не безъ большихъ хлопотъ, а иногда и непріятностей,—размѣщалась въ домахъ при кіевскихъ церквахъ, съ обязательствомъ помогать причту при отправленіи богослуженія⁵⁴); нѣкоторые, обладавшіе хорошимъ голосомъ, принимались въ братскій пѣвческій хоръ и жили въ особомъ, предназначенномъ для него домѣ...⁵⁵) Но давъ помѣщенія, хотя бы то и убогія, нужно было позаботиться и о хлѣбѣ насущномъ. Наибольшую помощь въ данномъ случаѣ оказывали существовавшія при академіи *студенческія конгрегаціи*.

Конгрегаціи эти учреждены были, въ соотвѣтствіе подобнымъ конгрегаціямъ католическимъ, еще Петромъ Могилою, преимущественно съ цѣлями нравственно-педагогическими; но въ тяжелыя для коллегіи времена они прекратили свое существованіе. Возобновителемъ ихъ явился упомянутый ректоръ Іоасафъ Кроковскій⁵⁶). Помимо религіозно-воспитательнаго значенія, при возстановленіи этихъ учреждений имѣлось въ виду создать чрезъ привлеченіе пожертвованій фондъ

для вспомошествованія нуждающимся ученикамъ коллегіи. Членами конгрегаціи были сами воспитанники: обучавшіеся въ классахъ высшихъ (богословскомъ и философскомъ) носили названіе *sodales Majoris Congregationis*, въ низшихъ — *sodales Minoris Congregationis*. Поступленіе въ конгрегацію обставлено было торжественно: давалась присяга, въ которую, между прочимъ включались „клятвы и обѣты оное святое мѣсто (кіево-братскій монастырь) блажити и о немъ памятовати, въ коемъ бы чинѣ онъ (дающій обѣщаніе) Божією милостію ни пребывалъ“⁵⁷). Заправленіе дѣлами конгрегацій предоставлялось выбраннымъ закрытою подачею голосовъ лицамъ, каковыя выборы тоже обставляемы были весьма торжественно. Избирались обыкновенно, для каждой изъ конгрегацій по пяти должностныхъ лицъ: *префектъ, два вице-префекта, нотаріусъ и вице-нотаріусъ*⁵⁸). Въ ихъ вѣдѣніи находились книги для сбора пожертвованій; на нихъ возлагалась обязанность производить и самыя сборы. Вѣроятно, въ видахъ ббльшей успѣшности послѣднихъ на означенныя должности избирались студенты изъ состоятельныхъ классовъ (тогдашней аристократіи). Конгрегаціи пользовались правами юридически признаннаго учрежденія: имѣли собственную печать (съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы) составляли акты, вступали въ денежныя сдѣлки, подавали прошенія въ суды и т. п.⁵⁹).

Но на конгрегаціонныя сборы содержались только ученики, жившіе въ академической бурсѣ, далеко не вмѣщавшей всѣхъ нуждающихся въ насущномъ кускѣ хлѣба. Бѣдноты оставалось еще очень много, и она должна была питаться чуть не Христовымъ именемъ. Ежедневно въ обѣденное время передъ окнами зажиточныхъ гражданъ можно было встрѣтить учениковъ младшихъ классовъ Академіи, распѣвавшихъ различные канты въ надеждѣ получить что-либо изъ съѣстнаго. Вечеромъ для той же цѣли отправлялись воспитанники и старшихъ классовъ: они распѣвали уже цѣлые концерты.

Въ большіе праздники, въ особенности во время святокъ, бѣднота цѣлыми толпами ходила по домамъ со звѣздами и вертепами, принося поздравленія наиболѣе состоятельнымъ гражданамъ или же разыгрывая комедіи ⁶⁰).

Но спѣваніями и вертепами дѣло не ограничивалось. Бѣднота наталкивала иногда учащихся, при добываніи пропитанія, и на проступки. „Въ Кіевѣ школьниковъ очень много“—пишетъ бывший здѣсь проѣздомъ въ 1701 году московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ,—„да и воруютъ много; попущено имъ отъ митрополита... нѣтъ на нихъ суда... попущено воровать пуще московскихъ солдатъ“ ⁶¹). Разумѣется, въ этомъ отзывѣ Лукьянова, въ особенности если привести его въ полномъ видѣ, много преувеличеннаго. Лукьяновъ говоритъ, очевидно, со словъ кіевскихъ мѣщанъ, отношенія которыхъ къ Академіи въ данное время были самыя обостренныя; но въ отзывѣ много и справедливаго. Неглушая исторія отрицать этого не можетъ. Но едва-ли изъ ея устъ должно ожидать и суровыхъ порицаній по адресу безпріютной, съ подведенными отъ голода желудками, молодежи!

Школьные порядки и обычаи, существовавшіе въ древней нашей Академіи, съ особенною обстоятельностью изложены преосв. Евгеніемъ въ приложеніяхъ къ извѣстному его труду—„Описанію Кіево-Софійскаго собора“ ⁶²). Я не буду утомлять Ваше вниманіе подробнымъ перечисленіемъ этихъ порядковъ и обычаевъ. Отмѣчу наиболѣе существенное.

Учебный годъ въ Академіи начинался около 1-го сентября, заканчивался въ первыхъ числахъ іюля. Занятія были до-обѣденныя и послѣ-обѣденныя. Въ *нижнихъ* классахъ („школахъ“) для провѣрки заданныхъ наставникомъ уроковъ назначались способнѣйшіе воспитанники тѣхъ же классовъ съ присвоеніемъ имъ названія *аудиторовъ*. Они, до прихода

наставника, обяаны были выслушивать уроки своихъ товарищей и заносить въ особыя тетради (*Notata, Errata*) свѣдѣнія о степени ихъ познанія, отмѣчая противъ каждаго имени: *scit*, или *nescit, erravit, non tota, prorsus nescit*, и т. п. Самый лучший по успѣхамъ ученикъ выслушивалъ самыхъ аудиторовъ, почему и назывался *auditor auditorum*. По приходѣ въ классъ наставникъ просматривалъ нотаты и провѣрялъ занесенныя въ нихъ отмѣтки, вызывая нѣкоторыхъ учениковъ для отвѣтовъ,—послѣ чего дѣлалъ объясненія для слѣдующаго урока. По субботамъ были генеральныя провѣрки всего пройденнаго въ теченіе недѣли (*sabbativa*). Обычно къ этому времени приурочивались и наказанія за лѣность. Въ классѣ ученики садились на опредѣленныя имъ мѣста: лучшіе занимали передніе столы—передъ наставникомъ (это былъ *senatus*); другіе—средніе; худшіе—задніе. Чтобы возбудить въ юныхъ питомцахъ соревнованіе, дозволялось на задаваемыхъ письменныхъ упражненіяхъ (*екзерциціяхъ, оккупаціяхъ*) дѣлать надписи или прилагать особыя записки, съ выраженіемъ желанія конкурировать съ указываемыми товарищами *de calligraphia, de diligentia, de loco*, и т. п. Съ цѣлію приучить достаточно ознакомившихся съ латинскимъ языкомъ питомцевъ постоянно говорить между собою на этомъ языкѣ, въ грамматическихъ классахъ вводился въ обращеніе такъ называемый *calculus*—длинный, вкладывавшійся въ небольшой деревянный футляръ, листъ. Этотъ *calculus*, тщательно скрывааемый, передавался отъ одного ученика къ другому за отвѣты не на латинскомъ языкѣ или и по-латыни, но съ ошибками. Считался нерадивѣйшимъ тотъ, у кого *calculus* оставался на ночь, что и отмѣчалось на немъ: *perno-cavit apud dominum* (такого-то).

Въ среднихъ и высшихъ классахъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ къ успѣшному усвоенію воспитанниками изучаемыхъ предметовъ, а также развитію въ нихъ діалектическихъ способностей служили диспуты. Они были частныя,

такъ сказать, домашніе и публичные. Первые бывали довольно часто, почти еженедѣльно, послѣдніе не менѣе двухъ разъ въ году и отличались торжественною обстановкою⁶³). На нихъ присутствовалъ митрополитъ, собиралось духовенство, мѣстная знать и множество гражданъ. Диспутъ начинался рѣчью съ частыми обращеніями къ митрополиту, гетману и другимъ лицамъ, участливо относившимся къ Академіи (обращенія обычно состояли изъ благодарностей); затѣмъ указывался предметъ состязаній. Диспуты касались вопросовъ богословскихъ и философскихъ и обязательно велись на латинскомъ языкѣ. Участіе въ нихъ принимали лучшіе студенты, разумѣется старательно къ тому подготовленные подъ руководствомъ профессоровъ⁶⁴). Не менѣе торжественными днями въ Академіи были такъ называемыя *майскія рекреации*. Къ этому времени профессоромъ поэтики или, подъ его руководствомъ, коллективно студентами составлялись комедіи, трагедіи и вообще драматическія произведенія (характера религіознаго), которыя гдѣ-либо за городомъ (обычно на Щекавицѣ и Глубочицѣ), при многочисленныхъ зрителяхъ и разыгрывались академическими воспитанниками. Иногда драматическія произведенія разыгрываемы были студентами и въ академическомъ зданіи и даже,—какъ есть основаніе предполагать,— въ *церкви*⁶⁵).

Торжествами *религіозными* были братскіе праздники. Ихъ въ году было шесть: въ дни воспоминаній и чествованій—Богоявленія Господня, Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Трехъ Святителей, апостола Андрея Первозванного (*въ замѣнъ прежняго праздника въ честь Воздвиженія честнаго креста Господня*), равноапостольнаго князя Владиміра и святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба⁶⁶). Съ особенною торжественностію праздновалось Богоявленіе Господне—главный престольный праздникъ монастыря. Въ этотъ день было обычное хожденіе на рѣку для водоосвященія, привлекавшее массы народа, причемъ въ процессіи участвовали

и войска, снабженныя отъ казны „зѣльемъ для палубы“⁶⁷). Къ означеннымъ праздникамъ монастырь имѣлъ право изготовлять, а въ самые праздники безпошлинно продавать *медъ* стекавшемуся къ торжествамъ народу⁶⁸).—Изъ религиозныхъ церемоній (традиционно продолжающихся до настоящаго времени) отмѣтимъ великопостныя пассіи, съ произнесеніемъ на нихъ проповѣдей, и торжественную панихиду въ день кончины (31 декабря) фундатора коллегіи митрополита Петра Могилы, обычно сопровождавшуюся похвальнымъ ему словомъ, произносимымъ однимъ изъ членовъ академической корпораціи⁶⁹).—Для приданія ббльшей торжественности богослуженію въ означенное время въ Академіи еще въ полной силѣ сохранялся слѣдующій, обязанный своимъ происхожденіемъ „братскимъ порядкамъ“ въ юго-западной Россіи, обычай: воспитанники „подъ часъ службы Божіей на процессіи *херувимской* (вѣроятно, и во время чтенія Евангелія) съ pochodнями (факелами) и свечами честно (на середину церкви) выходили“. Такъ же торжественно обставляемы были и „иншія процессіи и акты публичныя“⁷⁰).

Торжественною обстановкою *церковныхъ церемоній* имѣлось въ виду возгрѣвать въ сердцахъ питомцевъ тѣ религиозно-нравственныя, въ духѣ православія, начада, забота объ укрѣпленіи которыхъ съ самаго основанія коллегіи всегда стояла здѣсь на первомъ планѣ. По мысли основателя коллегіи, она имѣла своимъ назначеніемъ поднять не только умственный, но и *религиозно-нравственный* уровень южно-русскаго общества, должна была служить „утѣшеніемъ“ *православному* народу, представлять собою надежный оплотъ для *православной* церкви. Поэтому Петръ Могила заботился не только о томъ, чтобы въ основанной имъ коллегіи процвѣтали науки, но въ *особенности и прежде всего* („тымъ бардзѣй и надъ все“) желалъ, чтобы *благочестіе* („побожность“) въ сердцахъ молодежи было посѣяно и укрѣплено („засѣвано и вспаяно“). Съ этою цѣлю онъ самъ написалъ

обширное сочиненіе (Анеологіонъ, 1636 г.), заключающее подробныя наставленія, какъ должны вести себя воспитанники дома, въ церкви, во время прогулокъ и т. п., какъ должны относиться къ обрядамъ и установленіямъ церкви, съ какимъ благоговѣніемъ приступать къ исповѣди и причащенію св. Таинъ, и т. п.—Разумѣется, въ этихъ наставленіяхъ рисуется поведеніе *идеальныхъ* питомцевъ; идеалы же, какъ извѣстно, рѣдко достижимы. Но о приближеніи къ этимъ идеаламъ Академія и въ рассматриваемое нами время (какъ и всегда) всемѣрно заботилась, доказательствомъ чего служатъ сохранившіеся отъ того времени катехизисы „содалесовъ“, ихъ клятвенныя обѣщанія, поученія, инструкціи ⁷¹⁾, и т. п.

Перехожу къ вопросу, что въ образовательномъ отношеніи Академія давала своимъ питомцамъ?

Извѣстно, что фундаторъ кіево-могилянскон коллегіи митрополитъ П. Могила устроилъ ее по образцу польскихъ коллегій, гдѣ въ основу обученія положенъ былъ латинскій языкъ и науки преподавались по схоластическому методу. Преподаваніе пяттики и риторики сводилось къ фокусничеству въ стихоплетствѣ, діалектическимъ тонкостямъ и мишурному блеску по части древне-классической древности, не говоримъ уже о панегиризмѣ и сервилизмѣ, переходившихъ за столбы геркулесовы. Въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи Тома Аквинатъ. Тотъ обликъ, то устройство и направленіе, которые положены были П. Могилою при фундаціи имъ своей коллегіи, сохраняли въ ней свои основныя черты и въ рассматриваемое время. Правда, въ началѣ XVIII столѣтія, Теофанъ Прокоповичъ,—этотъ „величайшій умъ своего времени“,—внесъ было въ академическое преподаваніе новую струю ⁷²⁾, но она скоро затерялась въ общемъ потокѣ. Объ учебныхъ недостаткахъ древней нашей

школы, какъ насквозь проникнутой схоластикой, говорилось и доселѣ говорится много, и недостатки эти сомнѣнію не подлежатъ. И при всемъ томъ заслуги этой школы въ дѣлѣ просвѣщенія были для своего времени весьма велики. При всѣхъ недостаткахъ, схоластическое образованіе того времени было все-таки въ своемъ родѣ *образованіемъ научнымъ* и открывало для даровитыхъ питомцевъ широкіе горизонты.

Школа давала своимъ питомцамъ основательное знаніе латинскаго языка, открывая тѣмъ широкую дверь въ сокровищницу тогдашней науки, почти исключительно сосредоточенной на этомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи древняя школа далеко оставила за собою школы нашего времени, несмотря на царящую (или, теперь можно уже сказать, *царившую*) въ нихъ классическую систему воспитанія.—Какъ, повидимому, ни безплодны были упражненія въ стихоплетствѣ и утонченномъ риторическомъ витійствованіи,—они не проходили безслѣдно для литературнаго развитія языка, хотя бы только въ стилистическомъ отношеніи; не говоримъ уже о томъ, что изученіе поэтики и риторики не обходилось безъ знакомства съ лучшими поэтическими и ораторскими произведеніями классической древности ⁷³).—Схоластикой вѣсть отъ тогдашнихъ курсовъ философіи, но они имѣли громадное вліяніе на формальное развитіе учащихся: приучали ихъ къ умственной работѣ, къ послѣдовательному мышленію, точнымъ опредѣленіямъ, отчетливости въ словахъ.—Схоластическіе приемы, господствовавшіе въ богословскихъ курсахъ, давали возможность питомцамъ Академіи при борьбѣ съ латино-папскою наукою поражать ее собственнымъ ея оружіемъ, притомъ приемы эти одушевляемы были жизненностію истины, тѣсно связаны были съ широкими свѣдѣніями по литературамъ свято-отеческой и церковно-исторической, хотя бы еще и недостаточно повѣренными научною критикою ⁷⁴).

Но важнѣйшею заслугою нашей *Almae Matris* въ научномъ отношеніи, съ самаго ея основанія, было то,

что она пробуждала въ обществѣ любовь къ просвѣщенію, уничтожала тупую ненависть ко всему иновемному и тѣмъ прокладывала дорогу къ дѣйствительному просвѣщенію, къ дѣйствительной наукѣ. Съ этой стороны посмотрѣлъ на кievскую Академію и великій преобразователь земли русской Петръ I, реформы котораго совпали съ разсматриваемымъ нами періодомъ въ исторіи Академіи; и хотя преобразовательныя цѣли, преслѣдуемыя Петромъ Великимъ, его направленіе и образъ мыслей далеко не всегда согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей кievскихъ ученыхъ, тѣмъ не менѣе онъ, и не безъ основанія, видѣлъ въ нихъ болѣе подготовленныхъ исполнителей своихъ предначертаній. Съ этого времени, съ самаго начала XVIII столѣтія, просвѣтительное вліяніе Академіи сильно расширяется, постепенно распространяясь и на Русь сѣверную. Кievскіе ученые постоянно вызываются въ Москву, а затѣмъ Петербургъ, и имъ даются самыя разнообразныя порученія ⁷⁶); наиболѣе же талантливыхъ изъ нихъ царь ставитъ въ самыя близкія къ себѣ отношенія и вручаетъ имъ наиболѣе отвѣтственные іерархическіе посты. Прибывшій въ Москву (1700 г.) Стефанъ Яворскій, по распоряженію Петра, прямо поставляется митрополитомъ и назначается мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Теофанъ Прокоповичъ, обратившій на себя вниманіе государя, въ бытность его въ Кіевѣ, блестящею проповѣдью, вызывается въ Петербургъ и возводится въ санъ епископа. Съ этого времени онъ является самымъ неутомимымъ истолкователемъ передъ обществомъ Петровыхъ реформъ. Талантливое и бойкое перо Теофана всегда было въ полномъ распоряженіи Петра. Одна изъ важнѣйшихъ реформъ того времени, составившая эпоху въ исторіи нашей Церкви— учрежденіе Св. Синода,— реформа эта выношена была Теофаномъ и проведена была при самомъ живомъ и дѣятельномъ его участіи. Вообще, на открывавшіяся архіерейскія мѣста обычно стали возводиться представители кievской учености, а такъ

какъ на архіереевъ того времени возлагалась обязанность заводить при кафедрахъ школы и они постепенно заводились то, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшія изъ нихъ устремился широкій потокъ кіевскихъ питомцевъ, который, развѣтвляясь, проникъ въ самыя отдаленнѣйшія окраины нашего отечества. „Изобиловала всегда—писалъ въ 1739 году смоленскій епископъ къ кіевскому архіепископу, прося у него прислать учителей изъ Академіи въ свою епархію—изобиловала всегда учеными людьми Академія Кіевская, и имѣла себѣ честь сидевую, что отъ нея, аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила“⁷⁶).

Ваше Высокопреосвященство

и М.М. Г.Г.!

Высокомонаршая грамота 1701 года, съ упоминанія о которой мы начали свою рѣчь, дана нашей *Almae Matris*, когда она вступила въ 86-й годъ своего существованія. При соединивъ къ этому начальному періоду ея исторіи двухсотлѣтіе, протекшее со времени выдачи означенной грамоты, мы увидимъ, что наша Академія находится почти наканунѣ многознаменательнаго для нея,—и не только для нея одной, но и для всей Россіи,—наканунѣ многознаменательнаго свѣтлорадостнаго событія *юбилея трехсотлѣтняго существованія*.

Длинень путь пройденный Академіею; не всегда совершался онъ при одинаково благопріятныхъ условіяхъ, не всегда съ одинаковыми силами; но всегда онъ направляемъ былъ къ одной цѣли—дать юношеству, сообразное съ возрѣніями времени, просвѣщеніе и, что главное, *просвѣщеніе въ духъ православія*.

Длинень путь, пройденный Академію, но и сѣмена, посѣянные при немъ, были обильны. Правда, многія изъ нихъ, не имѣя жизненныхъ зародышей, тотчасъ же и погибли; но многія, возрастая, приносили и продолжаютъ приносить неоскудѣвающіе плоды. Еще при жизни своего фунда-тора коллегія дала намъ систематическое изложеніе право-славнаго ученія, послѣ нѣкоторыхъ исправленій на яскомъ соборѣ, сдѣлавшееся символическою книгою всей православной церкви; дала намъ прекрасное церковно-литургическое сочиненіе, обнаружившее въ ея составителяхъ обширное зна-комство съ свято-отеческою литературою; дала, наконецъ, нѣсколько полемиическихъ сочиненій, не потерявшихъ значенія до настоящаго времени. — На рубежѣ XVII—XVIII вв., появляется, при нѣкоторомъ участіи бывшихъ коллегіатовъ, но преимуще-ственно составленное трудами бывшаго питомца коллегіи, *безсмертное произведение*, доставившее русскому благоче-стію неистощимый источникъ спасительнаго чтенія, а его автору (святителю Димитрію Ростовскому) такую „всероссій-скую извѣстность, какой никто изъ церковныхъ писателей не имѣлъ ни до ни послѣ него“. — Не перечисляю другіе много-численные духовные литературные плоды, возвращенные тру-дами родственныхъ Академіи лицъ.

Длинень путь, пройденный Академію, но за то и сколь многіе изъ шествовавшихъ по этому пути, своею плодотвор-ною дѣятельностію на пользу церкви и отечеству, увѣковѣ-чили въ потомствѣ свое имя! Уже стѣны сей обширной залы, отъ верху до низу увѣшанной портретами преимуще-ственно бывшихъ наставниковъ и питомцевъ Академіи, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ, хотя здѣсь мы видимъ только незначительную часть лицъ, достойныхъ такой чести.

Но несмотря на столь продолжительное, славное „осо-бенными заслугами для церкви и отечества“, вообще чре-ватое событіями прошлое нашей Академіи, она доселѣ еще

не имѣть *обстоятельной, строго научной исторіи*. Поэтому нашъ глубокоуважаемый отецъ ректоръ, преосвященный Димитрій, въ виду приближающагося трехсотлѣтняго юбилея нашей *Almae Matris*, выразилъ пожеланіе, чтобы подготовительныя научныя работы къ сему многознаменательному торжеству постепенно были начаты, имѣя въ виду, съ одной стороны, приведеніе въ извѣстность возможно большаго количества данныхъ, *уясняющихъ прошлое нашей Академіи*, а съ другой—научную провѣрку того, что вошло, въ качествѣ предположеній или утвержденій, въ историческіе труды о Кіевской Академіи, такъ какъ безъ такихъ предварительныхъ работъ *невозможна полная научная ея исторія*, а между тѣмъ, само собою понятно, составленіе послѣдней *есть первѣйшая обязанность*, возлагаемая на академическую корпорацію предстоящимъ юбилеемъ.

Пожеланіемъ успѣха въ этихъ благихъ предначинаніяхъ, а также добрымъ пожеланіемъ дожить намъ, здѣсь присутствующимъ, до свѣтло-радостнаго дня—трехсотлѣтія нашей Академіи,—я и заканчиваю свою рѣчь.

Примѣчанія.

1) Акты Ю. и З. Р. т. IV, № 98.—Подробнѣе: Москов. Архивъ Министерства Юстиціи. *Столбцы Малорос. приказа*. № 5921, л. 354 и слѣд.—Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что кіево-могилянская коллегія «пострадала» отъ пожара еще *въ августъ 1651 года*,—когда, во время нашествія на Кіевъ литовскаго гетмана Радзивилла, «Кіево-Подоль былъ выжженъ»,—послѣ чего коллегія якобы «и опустѣла» (Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка». Проф. Н. И. Петрова. Кіевъ,

1895 г., стр. 24—24). Но мнѣніе это не оправдывается историческими данными. 17 августа 1651 года, какъ видно изъ лѣтописи современника, на Подолѣ сгорѣло 200 домовъ и слѣдующіе церкви и монастыри: *Пречистенская* (Успенская) на рынкѣ, *Никола Добраю*, *Флоровскій двѣвичій монастырь* и *Бернадинскій кляшторъ* (Latorisiec Ierlicza, Warszawa, 1853 г. I. 126.—Извлечение изъ него см. въ Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ, 1874 г., отд. I, стр. 42—43).

Любопытныя замѣтки о *толовременномъ* (до пожара 1658 года) состояніи кіево-братскаго монастыря находятся у Павла Алеппскаго въ его *Описаніи путешествія въ Россію Антіохійскаго патріарха Макарія*, два раза—на пути въ Москву и на обратномъ пути оттуда—останавливавшася въ Кіевѣ (въ 1654 и 1656 г.г.). Въ недавнее время сдѣланъ прекрасный переводъ означеннаго Описанія съ *арабскаго подлинника* проф. Г. Муркосомъ. Замѣтки Павла Алеппскаго о кіево-братскомъ монастырѣ см. во II выпускѣ (Москва, 1897 г.) перевода г. Муркоса на стр. 78—79.

²⁾ См. первое изданіе *Ключа Разумнїя* (кіевское, 1659 г.), л. 253 об.

³⁾ О гоненїяхъ, воздвигнутыхъ Меводїемъ Филимоновичемъ на Іоанникія Галятовскаго, упоминается въ челобитной послѣдняго на имя государя, отъ 27 іюля 1669 года (по возвращеніи Галятовскаго въ Малороссію, гдѣ ему Лазаремъ Барановичемъ предоставлена была Черниговская архимандрія). «Упадаючи лицемъ—читаемъ въ означенной челобитной—до лица земли предъ престоломъ Вашего пресвѣтлаго царскаго Величества, прошу о прощеніе, же выѣхалемъ былъ з Кіева *нужды ради и скорби моея великой, понеже отецъ Меводій згло мене оскорбилъ и юнилъ*, Христость же Спаситель нашъ рече: «егда же гонять васъ въ градѣ семъ, бѣгайте въ другій»; сего ради и азъ, въ градѣ Кіевѣ гонимъ, изыдохъ до Львова, идѣже обитая, книзи печатовалемъ: *Ключъ Разумнїя и Небо новое*, и за помощію Божією сіе дѣло, церкви Восточной полезное, совершилемъ; сего же дѣла въ Кіевѣ, ради скорби моя великой, невозможно было мнѣ съвершити.

Послышавши же, яко не обрѣтается въ Кіевѣ отецъ Меѳодій, *азъ въ Кіевъ градъ наки возвратихся*, желая подѣ державою пресвѣтлаго Вашего царского Величества жити и умрѣти... и проч. (Рукоп. бібліотеки Импер. Общ. Исторіи и Древ. Рос. при Москов. Универ. № 92; а также Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос.*, № 5581, л.л. 695—691 (счетъ л.л. перепутанъ). Болѣе исправенъ, точнѣе, ближе къ малорос. подлиннику списокъ Общества).

Историки Кіевской Академіи, поставляя удаленіе Іоанникія Галятовскаго изъ Кіева въ связь съ разореніемъ, которому якобы подверглась кіево-могиллянская коллегія *въ 1665 году* (чего, въ данное время, на самомъ дѣлѣ не было; см. доказательства въ «Очеркахъ изъ исторіи Малороссіи XVII в.». В. О. Эйнгорна, стр. 323),—приурочивали это удаленіе къ означенному году, даже *ко второй ея половинѣ* (см. выше цитованное сочиненіе Н. И. Петрова, стр. 29). Но это удаленіе, безъ сомнѣнія, должно быть относимо ко времени болѣе раннему. Къ такому заключенію приводятъ слѣдующія данныя и соображенія. Извѣстно, что *Ключъ Разумѣнія* Галятовскаго изданъ былъ трижды: въ 1659 году въ Кіевѣ и въ 1663 и 1665 г.г. во Львовѣ. Львовское изданіе 1663 года (Слѣзки) есть перепечатка кіевского изданія, снабженная только обычнымъ посвященіемъ (луцкому епископу Гедeonу Четвертинскому) отъ издателя. Но третье изданіе Ключа Разумѣнія, вышедшее въ 1665 году, во время пребыванія во Львовѣ Галятовскаго, *гораздо полнѣе предшествовающихъ*, о чемъ даетъ знать самое его оглавленіе: «Ключъ... и проч. *зъ поправою и придаткомъ*»... Эти придатки, увеличивая третье изданіе Ключа на $\frac{1}{3}$ противъ прежнихъ изданій, состоятъ преимущественно въ присовокупленіи значительнаго количества новыхъ поученій, въ новой редакціи науки о сложеніи казанья и привнесеніи новаго отдѣла о чудесахъ Богородицы. Подобный трудъ требовалъ не мало времени и, безъ сомнѣнія, въ большей своей части есть плодъ занятій Галятовскаго во Львовѣ (нѣкоторыя новыя проповѣди, надо полагать, вызваны мѣстными храмовыми праздниками, какъ-то, напр., *двѣ* проповѣди на день св. великомученика Георгія, *памяти котораго былъ посвященъ кафедральный храмъ во Львовѣ*).—Затѣмъ, львовское изданіе Ключа Разумѣнія 1665 г. снаб-

жено было отъ автора посвятителною «предмовою» львовскому епископу Аванасію Желиборскому. Предмова эта тоже свидѣтельствуеть о довольно уже продолжительномъ пребываніи Іоаннікія Галятовскаго во Львовѣ и притомъ не лишена нѣкоторыхъ фактическихъ указаній, имѣющихъ важное значеніе для выясненія положенія Галятовскаго за указанный періодъ его жизни (періодъ, по словамъ его біографа, «темный въ томъ смыслѣ, что объ немъ почти ничего неизвѣстно»). Расточая, въ духѣ того времени, похвалы Желиборскому и, между прочимъ, упомянувъ объ его любви къ ближнему, Галятовскій (въ указанной предмовѣ) говоритъ о себѣ: «и я самъ дозналемъ (сей любви), гды подъ часъ небезпечный, подъ часъ внутренней войны домовои въ отчизнѣ нашей, мнѣ, отъ небезпеченства уходячому, не тылко въ Епархіи, але въ келіи своей мешканье далесь, гды на сеймѣ Варшавскомъ, предъ нанвысшимъ канцлѣромъ короннымъ, и въ Львовѣ, предъ ясневелможнымъ воеводою рускимъ, добрыми словы мене припоминалесь, гды въ намѣренномъ, а теперь ужъ совершенномъ дѣлѣ, на хвалу Велможному имени Бозскому и Родителцѣ (sic!) и Святымъ Божимъ руку помощи мнѣ подалесь»...

На основаніи сказаннаго можно полагать, что Галятовскій выѣхалъ изъ Кіева вскорѣ послѣ извѣстной Бѣлоцерковской бесѣды съ іезуитомъ Пекарскимъ и прибылъ въ Львовъ, если не въ концѣ 1663 года, то, по крайней мѣрѣ, въ началѣ слѣдующаго.—Мы сказали, что Львовское изданіе Ключа Разумнія 1663 года сдѣлано было Слѣзкою (извѣстнымъ типографомъ). Не знаемъ, было ли Слѣзкою испрошено у автора разрѣшеніе перепечатать его книгу или (что имъ дѣлалось нерѣдко) нѣтъ,—во всякомъ случаѣ *самый фактъ* изданія *Ключа во Львовѣ* (1663 г.) можетъ служить, до нѣкоторой степени, объясненіемъ, почему Галятовскій, вынужденный бѣжать отъ гоненій Мееодія, *направилъ свои стопы въ означенный городъ.*

4) Акты Ю. и З. Р. т. VI, № 34.

5) Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столицы Малорос. приказа*, №№ 5582, 5921.

6) А. Ю. и З. Р. VI. № 34.

7) Ibid.

8) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ 1865 г. (письмо 30). «Я въ восторгѣ—писалъ Барановичъ кіевскимъ коллегіатамъ—отъ *единодушнаго избранія*, на которомъ Духъ Святой послалъ Вамъ свои языки на пречестнаго отца Ясинскаго,—плодоносную вѣтвь моего винограда. Поздравляю его вашимъ ректоромъ. Въ немъ вы нашли сокровище, скрытое въ полѣ»... и т. д. Издатель отнесъ это письмо къ 7 янв. 1668 года. Безъ сомнѣнія, онъ введенъ былъ въ заблужденіе *опечаткою*, вкравшеюся въ «Краткое свѣдѣніе о началѣ Кіевской Академіи, ея прежнихъ учрежденіяхъ»... и проч., напечатанное въ *прилож.* къ «Описанію Кіево-Софійскаго собора» преосв. Евгенія, гдѣ значится, что Варлаамъ Ясинскій избранъ былъ ректоромъ 13 ноября 1669 года (слѣдуетъ читать: 1665 года), подобно тому, какъ введены были этою *опечаткою* въ заблужденіе и историки Кіевск. Академіи преосв. Макарій и В. Аскоченскій ¹⁾, хотя *опечатка* легко могла быть исправлена на основаніи того же труда преосв. Евгенія (см. 208 страницу Описанія Кіево-Соф. собора, гдѣ говорится, что Варлаамъ Ясинскій былъ ректоромъ кіево-могилянскои коллегіи съ 1665 года). Преосв. Евгеній, съ *точностію* (съ обозначеніемъ *мѣсяца* и *числа*) указывая на время избранія на ректуру Ясинскаго, очевидно, пользуется спискомъ ректоровъ, пресфектовъ и преподавателей Академіи, составленномъ во второй половинѣ XVIII вѣка (во время ректорства Самуила Миславскаго). Въ настоящее время часть этого списка (за XVII столѣтіе) напечатана въ *прилож.* къ сочиненію проф. Н. И. Петрова: «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII стол.» (см. стр. 129—133). Хотя списокъ этотъ, не говоря о существенныхъ пробѣлахъ, переполненъ крупнѣйшими ошибками и довѣрчивое пользованіе имъ можетъ при-

¹⁾ Преосв. Макарій относитъ начало ректуры Ясинскаго къ 1669 году, а В. Аскоченскій и издатель писемъ Барановича къ 1668 г. Разногласіе произошло отъ того, что послѣднимъ двумъ извѣстна была напечатанная въ Памят. Кіев. Коммис. грамота, данная В. Ясинскому, какъ *ректору* коллегіи, 25 апрѣля 1669 г.

нести (и принесло) болѣ вреда, чѣмъ пользы,—гѣмъ не менѣ свѣдѣнія, сообщаемыя въ немъ относительно ректуры Ясинскаго, носятъ слѣды документальности, а потому и достовѣрности. Объ избраніи на ректуру Ясинскаго здѣсь говорится слѣдующее: *«Игуменъ братскаго кіевскаго монастыря и ректоръ Варлаамъ Ясѣнскій избранъ отъ всего консистору митрополіи кіевскія 1665 юда ноября 13 дня. Произведенъ игуменомъ и ректоромъ отъ Мееодія Філімоновича, епископа Мстиславскаго и Оршанскаго, блюстителя кафедр Митрополітанской Кіевской, 1666 юда января 6 дня».* Что *въ началѣ 1666 юда* В. Ясинскій дѣйствительно былъ уже ректоромъ Академіи, это подтверждается тогочасными документальными данными. Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій, всегда участливо относившійся къ кіево-могилянской коллегіи, *29 февраля 1666 юда* писалъ своему «куму и добродію» гетману Брюховецкому: «Благодареніе Богу, что, пріѣхавъ въ Кіевъ, услышалъ и увидалъ потѣшную новину въ монастырѣ Братскомъ, въ которомъ, чтобы искра та не угасла и сѣмя не было искоренено... къ наставленію дѣтемъ православно російскимъ, обрали на правительство человѣка отъ людей добрыхъ и почтеннаго, отца Варлаама Ясинскаго, который уже знатно почалъ строение въ монастыре братцкомъ исправляти и людей ученыхъ на мастерство прибирати, только не имѣетъ достойнаго корму на мастеровъ и на поновленіе монастыря». (Далѣе слѣдуютъ просьбы о воспособленіи монастырю и коллегіи и высказывается пожеланіе, чтобы гетманъ явился вторымъ ктиторомъ сихъ учреждений, еще большимъ, чѣмъ какимъ, въ свое время, былъ гетманъ Сагайдачный). См. Москов.Арх.Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5872. Тамъ же находится коллективная челобитная государю кіевскаго духовенства, отъ *4 марта 1666 юда*, о дозволеніи избрать митрополита, подписанная между прочими, *«ректоромъ и игуменомъ Брацкимъ»* Варлаамомъ Ясинскимъ.

Въ рукописномъ сборникѣ Московской Синодальной Типографской бібліотеки подъ № 390 (прежніе №№ 442, 3792) находится, на ряду съ доселѣ неизвѣстными письмами Симеона Полоцкаго къ Варлааму Ясинскому и другимъ представителямъ кіевской учености, поздравительное письмо Ясинскому съ избра-

ніемъ ею на ректуру. По обыкновению витієвато выражая свою радость по этому случаю, Полоцкій упоминаеть, что Ясинскій (о чемъ, надо полагать, извѣстилъ его самъ онъ или прибывшій въ Москву, въ 1666 г., кієво-кирилловскій игумень Мелетій Дзикъ) былъ *fugax* означеннаго званія. Переносясь мыслію къ положенію новаго ректора и сравнивая оное съ своею жизнію въ Москвѣ (куда уже переселился на жительство) Полоцкій пишеть: «*Szczesliwyś Wmć, miedzy takowemi żyjąc, z ktoremi de postum sapientiae cibum zawsze ruminować możesz; ia biedny, lubo iako inter densas silvas w mnoŝtwie krorych widzę chodiaszczych, mieszkam, iednakże arborem Porphirianam nie tylko speculari nie mogę, ale y słyszeć o niey zaledwie się godzi*» (л. 109 об.).

⁹⁾ Памятники, изд. кієвскою комиссією для разбора древнихъ актовъ. Изданіе 1898 г. съ дополненіями т. II, №№ XXIX, XXX.

¹⁰⁾ В. Ясинскій обращался съ просьбами о пособіяхъ коллегіи и монастырю: къ московскому патріарху (Московская Синод. Библ. *Славянскія грамоты*, №№ ²⁸/₂ и 31; первая грамота датирована 23 янв. 1670 г. вторая—12 янв. 1671 г.; обѣ заключаютъ прошенія «пожаловать» кієво-братскую «нищетную» обитель «и своею милостынею и словомъ ходатайственнымъ до его царскаго пресвѣтлаго Величества»), къ малороссійскому гетману Многогрѣшному, кієвскому полковнику Дворецкому, черниговскому архієпископу Лазарю Барановичу (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столицы Малорос*, № 5921), Симеону Полоцкому (Московская *Типогр.* Синодал. Библіотека, № 390, л. 108 и др.) и вообще ко всѣмъ «начальствующимъ и христолюбивымъ людемъ» (Памятники, изд. кієв. ком. для разбора древнихъ актовъ, Кієвъ, 1898 г., т. II, № XXX, см. также *ibid.* № XXVII, гдѣ помѣщено письмо кієвск. митрополита Юсифа Нелюбовича-Тукальскаго къ ректору В. Ясинскому съ заявленіемъ обѣ уступкѣ въ пользу коллегіи мѣстечка Стаскъ съ перевозомъ, что, безъ сомнѣнія, было вызвано петицією ректора).

¹¹⁾ Въ началѣ 1670 года отправлено было въ Москву отъ нѣкоторыхъ кієвскихъ монастырей многочисленное посольство,

въ томъ числѣ и отъ кіево-братскаго училищнаго. Отъ послѣдняго посланы были (точнѣе *прибыли* въ Москву): «іеромонахъ Гилевскій префектъ и маистеръ школь кіевскихъ, іеромонахъ, Поліевктъ уставникъ и маистеръ, монахъ Антоній екклесіарха, монахъ *Генадій*, да служки трое» (изъ собственноручнаго челобитья Гилевскаго къ государю «о кормѣ»; см. въ Москов. Архивѣ въ Минист. Юстиціи *столбцы Малорос. приказа*, № 5921, л. 231. Изъ помѣщаемой ниже (въ извлеченіяхъ) челобитной В Ясинскаго видно, что предположенный сначала составъ посланцевъ впоследствии былъ нѣсколько измѣненъ). Посланцы снабжены были просительными письмами къ государю отъ разныхъ лицъ,—именно, отъ іерусалимскаго патріарха Паисія, недавно передъ тѣмъ (въ сентябрѣ 1669 года) останавливавшася на пути изъ Москвы въ Кіевъ и въ это время посѣтившаго кіево-братскій монастырь, кіево-печерскаго архимандрита Іоанникія Гизеля, ректора Варлаама Ясинскаго, гетмана и другихъ.

«Смирение наше—читаемъ въ грамотѣ патріарха, датированной 20 сент. 1669 г.,—достигши отчины Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, богоспасаемаго града Кіева, и благодарение Богу воздавши въ соборной митрополіи Кіевския церкви Премудрости Божия, се есть святяя Софіи, прежде иныхъ монастырей и церквей посетихомъ обитель премудростнаго ученія, Ставропигіонъ патриаршеское, монастырь святыи Братскій кіевскій Богоявленскій, благоразумный, искусный и общежителный, идѣже от премудрыхъ учителей і труждающихся въ православнои учении юностнаго возраста и проповеди слова Божия, с наставникомъ и многотруднымъ ректоромъ, да игуменомъ братскимъ, Варлаамомъ Ясинскимъ многолюбезныи привѣ[тствіа] пастырству нашему зело благоугodne воспріа[хомъ] с представлениемъ намъ учениковъ ихъ довольны[ми] премудрыми риторскими словесы насъ благопривѣтствующихъ, о чесомъ зело радостнымъ сердцемъ Бога благодарихомъ, яко вторые здѣ Афины, вмѣсто оныхъ грѣческихъ древнихъ, в Росіи воздвиже, тщаниемъ блаженныя памяти преосвященнаго митрополита кіевского киръ Петра Могилы на укрепленіе и утверждение православно восточныя вѣры, к защищению еи отъ близъ сущихъ

имъ иновѣрныхъ. О семъ же вмѣсто благодарствія нашего вѣпросихомъ учителей тѣхъ богомудрыхъ, аще чесо от смиренія нашего требуютъ, яко наше сущее дѣло исправляющіи (sic!), понеже, по апостолу, подобаетъ епископу быти учителну, якоже и, по проку, архипастырь нашъ премудрый самъ Господь глаголетъ: дамъ вамъ пастырей по сердцу моему, иже упасуть васъ разумомъ и учениемъ. Паче же, яко и сами видѣхомъ, велия в нихъ оскудѣнія и сожжѣнія во время брани ихъ великия церкви святыхъ Богоявленій и другія Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, такожде училищъ и всего монастыря. Тѣмъ же молившимъ имъ смиренія нашего о ходатайство вашему царскому пресвѣтлому Величеству в нужде, в скудости и въ ихъ убожествахъ толь тяжкихъ, яко близкимъ быти ко престанію от того учения, церкви Божіей благопотребнаго, но и ко оставленію самыя службы Божія и богомолия за ваше царское пресвѣтлое Величество,—дерзаемъ ходатайственная о нихъ моленія наша смиренная къ пребогатой милости вашего царскаго пресвѣтлаго Величества приносить: пожалуй, богомудрый царю, милостынею своею всещедрою собрание то премудростнос, во еже создати имъ церкви, училища и монастырь, и питатися имѣти чѣмъ; они же купно с нами до дне жизни своя отработывати должны будутъ всегдашними молитвами, с ними же и мы со благословеніемъ архиерейскимъ превеликой милости вашего царскаго пресвѣтлаго Величества смиренно себе вручаемъ». (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921. л.л. 264 — 266).

Челобитная Иннокентія Гизеля (датированная 23 января 1670 года) начинается «смирненнымъ благодареніемъ» архимандрита «со всею о Христѣ братією» за «премногая благодѣянія, подаваемая отъ царскаго пресвѣтлаго Величества обители Печерской Кіевской». Затѣмъ идутъ рѣчи о кіево-братскомъ монастырѣ. «А понеже—пишетъ Гизель—попечению моему врученъ духовницею и остатнею волею отъ отца въ Духу моего, блаженныя памяти преосвященнаго митрополита Петра Могила, великаго ревнителя церкви Божей, и монастырь, созданный отъ него, братскій кіевскій Богоявленскій, бывшій съ двоими храмами

Божіими, Богоявления Господня и Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и с школами учительными, ими же христіанскимъ юношамъ благоугодное учение і всѣмъ православнымъ утверждение преподается, гонителямъ же вѣры каѳолическия и волкомъ, хуликомъ стада Христова, отгнание и постыждение бываетъ, а церкви Божіей украшение и хвалы его святыя примножение происходитъ; сей же толико благопотребный учительный монастырь, въ немъ же и азъ благодатіею Божіею потрудихся, нынѣ до послѣдняго оскудѣнія. чрезъ лютость различныхъ ратныхъ приходитъ, въ немъ же и церкви обои сожжены и деревня ихъ, юже едину токмо имѣша, разорена, а наипаче нынѣ отъ богомерзкихъ бусурманъ татаръ, иже отнюдь хлѣба ихъ и всего пропитанія лишиша, а обаче многотрудная въ немъ о Христѣ братія, ни пищи ниже одежды имуше, священники и проповѣдники Слова Божія, доселѣ отъ богоугоднаго своего труда не престають, но, сами алчни и жадни суще, юношъ православныхъ млекоу разума воспитываютъ, и брашномъ учения ко творенію воли Божіей утверждаютъ, и всѣхъ въ вѣрѣ святой православной каѳолической глаголомъ Божіимъ укрѣпляютъ, ниже служение церковное и моление за Ваше царское пресвѣтлое Величество оставляють, уповающе несумнѣнно на могущую ихъ отъ того послѣдняго оскудѣнія и паденія воздвигнути ревностную, ко умноженію хвалы Божией чрезъ учение православное, неоскудную Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества милость, пачеже обѣщанную имъ въ грамотѣ жалованной, юже за моего еще въ томъ монастырѣ настоятельства дати имъ богомудрый и великомилостивый монархъ изволилъ еси, повелѣвая самъ приѣзжати или присылати имъ во нарекованное время (еже уже и преиде) ко всещедрой ти деснице по милостыню; держающимъ убо нынѣ имъ приступати с челобитьемъ ко престолу благодати Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, державъ и азъ ходатайственное о нихъ смиренное моленіе мое до Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества приносить, яко да приймутъ милость и благодать обрящуть»... и проч. (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л.л. 271—274).

Челобитная самага Варлаама Ясинскаго обильнѣе фактическими данными, но такъ какъ они съ большою обстоятельностью изложены въ ниже помѣщаемомъ документѣ, то мы ограничиваемся здѣсь только наиболѣе характерными (преимущественно въ литературномъ отношеніи) выдержками изъ нея. «На поклонение»,—такъ, по титулѣ, начинается челобитная,—«ко небесному родшуся Царю, богатому по милости Богу, во Внелиемѣ, въ домѣ хлѣба, свѣтлая привела волхвовъ звѣзда: ко премилостивому же царю земному, Вашему царскому пресвѣтлomu Величеству, свѣтящая Божему миру Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества прещедрая милостыня, горящая любовію ко Богу и ко благолѣпію дому Его, наче же изобразительная намъ въ грамотахъ царскихъ жалованныхъ приводитъ здѣ, въ домъ препитанія нищихъ, нашу худость, иже, надше, поклоняемся Вашему царскому пресвѣтлomu Величеству (чрезъ сіе смиренное наше челобитье) отъ упадающаго за скудость и послѣднее разорение монастыря нашего, сущаго подъ именемъ Троическаго поклоненія, Богоявленскаго киевскаго Братскаго, всей церкви святой Православной Восточной нуждаго, отъ блаженныя памяти преосвященнаго митрополита киевскаго Петра Могила ко ученію благопотребному на защищеніе православныя вѣры отъ близъ сущихъ иновѣрныхъ основаннаго,—на его же болѣзненное паденіе сице предъ Вашимъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ сѣтуемъ: яко защититель обители нашея Богоявленія самъ исъ крестивыйся во Иерданѣ нагъ обретається, чрезъ немалое уже время сѣтуя на насъ: *яко нагъ есмь, и не одѣяте мя; страненъ есмь, і въ домъ церкви не введосте мя,*—и яко се Сынъ Человѣческой не имать гдѣ главы преклонити; понеже за сожженіемъ града Кисва, во время брани при боярине и воеводѣ киевскомъ при Васильѣ Борисовичѣ Шереметеве, сожжена есть намъ великая соборная благоуукрашенная церковь Богоявленія Господня, при ней же и другая церковь Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы со всѣми сосудами церковными и ризами, и весь монастырь со училищами сожженъ, яко разве въ трапезномъ маломъ каменномъ оставшемъ предѣле Божественную службу и моленіе за Ваше царское пресвѣтлое Величество бѣ-

дне совершаемъ, не имуще гдѣ и іконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы Вышегородскія, казвившея исдревле на Днепрѣ татаръ и много иныхъ чудесъ творящя, угодно поставити... Указавъ затѣмъ на другія бѣдствія, испытанныя за послѣднее время кіево-братскимъ монастыремъ, В. Ясинскій продолжаетъ: «Того ради якожъ самъ крестивыйся Христосъ Богъ нагъ явлься на рецѣ Иерданстей, разве покрывшеся сѣнию крыль Духа Святаго голубиныхъ, сице и монастырь нашъ Богоявленскій, обнаженный отнюдь, являющяся при рекахъ слезныхъ, немый и нагъ, притекаетъ разве под сѣни крыль орлихъ Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества, і в крове крылу милости твоея ужъ обѣщанное въ грамотахъ, данныхъ намъ жалованныхъ, надѣется, и слезно челомъ бьетъ чрезъ сие плачевное писание и чрезъ нашихъ посланныхъ со всечестнымъ иеромонахомъ Феодосиемъ Васковскимъ, игуменомъ Межигорскимъ кіевскимъ, *нашимъ же намѣстникомъ бывшимъ, проповѣдникомъ и учителемъ*, чрезъ иеромонаха Виктора префекта и учителя школнаго, си есть начальника училищъ и самаго учителя, иеромонаха Полиевкта уставника и учителя, и монаха Антонія еклизиарха, и монаха Епадиа крылошанина и іконома, и слугу монастырскаго Феодора Поповскаго. Блаженъ еси, премилостивый царю, разумѣвая на нища и убога ..» и т. д. (Москов. Арх. Мин. Юстици. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л.л. 345—350).

Петиціи, съ которыми обратились къ государю посланцы отъ кіево-братскаго монастыря, были многочисленны. Изъ челобитной на ния государя, составленной въ *Малороссійскомъ приказѣ* на основаніи инструкцій, данныхъ въ Кіевѣ (притомъ челобитной *еще не вполнѣ сохранившейся*) видно, что «великому государю» кіево-братскіе уполномоченные били челомъ о слѣдующемъ:

«Во время воеводства боярина Василья Борисовича Шереметева въ ихъ монастыре церкви Богоявления Господня, да другая Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы погорѣли со всею утварю церковною и с ризы, и колоколя с колоколы, и часовня с часы, весь монастырь с кельями и со училищами.

Кіевск. Академія въ концѣ XVII и нач. XVIII стол.

Во время воеводства князя Юрья Никитича Борятинскаго приготовлено было у нихъ на создание церквей и монастыря нѣсколько тысячъ лѣсу и на училища, и тотъ весь лѣсъ князь Юрій Никитичъ у насъ взялъ на городовое строение и на колодези, а обѣщался отдать намъ великаго государя жалованемъ, денгами, и того не исполнилъ, денегъ и лѣсу не отдалъ; и от тое то скудости и по се время великие церкви Богоявления Господня не построено и Благовѣщение Пресвятые Богородицы. И не имѣемъ гдѣ поставити иконы Пресвятые Богородицы Вышгородские, казнившие на Днепрѣ татаръ, хотящихъ пленити державу царскую. И великому государю бѣеть челомъ игумень Варлаамъ Ясинскій з братьею, чтобъ имъ за тотъ лѣсъ заплатить деньги, или чтобъ его великаго Государя указъ в Киевъ къ воеводѣ посланъ былъ, чтобъ великаго Государя ратные люди киевские имъ лѣсу вывезли на созидание церквей великия и малыя, и на строение монастыря и училища, какъ обещался имъ воздати именемъ государскимъ онъ князь Юрья Никитичъ.

Да онъ же князь Юрья Никитичъ ихъ монастырскую деревню Новоселки разграбилъ и разорилъ, а ихъ де отъ хлѣба лишилъ больше 1000 четвертей, и всякого скота и лошадей, такъ же и иныхъ неисчетныхъ движимыхъ вещей и украшеній церковныхъ.—Великому государю игумень Варлаамъ з братьею бѣеть челомъ о милостивомъ судѣ и о воздаяніи тѣхъ убытковъ.

Онъ же игумень з братьею бѣеть челомъ великому государю на пропитание монастырю, в мѣсто разоренные деревни Новоселки, на сей сторонѣ Днепра о Муравске или о церкви пустой в Острѣ с угодами святаго Михаила.

Да онъ же игумень з братьею великому Государю бьютъ челомъ, чтобъ ихъ пожаловалъ своимъ великаго Государя хлѣбнымъ жалованемъ отъ глада умирающихъ ис киевскихъ хлѣбныхъ запасовъ, и о томъ въ Киевъ къ воеводѣ послать свой государскою указъ, потому что нынѣшние зимы въ ихъ монастырской деревне Новоселкахъ татаръ 5 мурзъ стояло многое время и хлѣбъ весь, тамъ будучи на 1000 копъ въ снопахъ и

такво же число молоченово поѣли и коньми потравили, и всю скотину от насъ отобрали, и крестьянъ в полонъ поимали, и отнюдь де имъ до нового хлѣба пропитатца нѣчимъ, разве распустить монастырь и училище.

Бьютъ челомъ великому Государю онъ же игумень зъ братьею, чтобъ выкупить митру архиерейскую, которая в закладе въ печерском монастыре, а ту митру отказаль имъ преосвященный митрополить Петръ Могила, стронтель и основатель ихъ, и заложена та митра въ 7 тысячахъ золотыхъ полскихъ, а прямого долгу 3000 золотыхъ, а 4000 за 20 лѣтъ росту. Великій Государь пожаловаль бы ихъ на окупъ того долгу 8000. И они, ту митру выкупа, имѣли бъ нужду и продать на пропитание монастырское, аще бы изволилъ и самъ великій Государь в свою Государскую казну заплатити.

Бьютъ челомъ великому Государю онъ же игумень зъ братьею о сосудехъ церковныхъ, и о ризахъ, да о книгахъ о прологе во весь годъ, да минеі на августъ мѣсяць, потому что у нихъ то пограблено.

Бьютъ челомъ великому Государю о грамоте, чтобъ их монастырю скудному в ъпомочь поволно было въ Києве на посаде медъ ставити и продавать в тѣ праздники, ихъ же храми суть къ монастырю нашему, какъ описано отъ боярина Петра Васильевича Шереметева в памяти, от него данной намъ противу универсала Богдана Хмельницкого, какъ и инымъ священникомъ каноны сытитъ и продавать волно въ праздники тѣхъ храмовъ, при нихъ же служение церковное совершають.

Они жъ бьютъ челомъ о грамоте на 2 каді меду из села Петровецъ по древнимъ привилиямъ и по универсалу Богдана Хмельницкого, и сверхъ того далъ имъ память Иванъ Ивановичъ Чаодаевъ и бояринъ Петръ Васильевичъ.

Да имъ же дана была великого Государя грамота, что владѣть имъ езуицкими маетностями Ксаверовымъ и иными в державе Полской. А ныне имъ тѣми маетностями владѣть не можно, і чтобы великого Государя грамота (имъ данная) не вотще (была), бьютъ челомъ, чтобъ на обмѣнъ въ Государе-

вой Державе, дабы Государское слово непремѣнно было, и имъ умирающимъ отъ глада помочь дати.

Да о грамоте на утверждение училищъ словенскимъ, греческимъ и латинскимъ языки, для латыни на рубеже живущихъ къ защищенію православныя вѣры, отъ святыхъ памяти митрополита Петра Могилы основанныхъ и отъ древнихъ гетмановъ запорожскихъ, наченше отъ славнаго гетмана Петра Коношевича Сагайдачнаго.

Они же бьютъ челомъ, чтобъ великій государь указалъ написать въ ихъ синодикъ преставльшуюся о Господе благовѣрную Государыню Царицу і великую княгиню Марию Ильиничну и благовѣрнаго Государя Царевича и великаго князя Семиона Алексѣевича, понеже родъ Государской у нихъ въ ихъ сенокосе написанъ есть и ныне они на сорокоусте поминаютъ, и бьютъ челомъ о милостивомъ жалованье.

Книгу *Ключъ Разумнїя* далъ имъ на вспомоgetельство монастырю тоя книги издатель, — Великій Государь пожаловалъ бы ихъ: велѣлъ за тѣ книги изъ своей Государской казны имъ заплатить»... (Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л. л. 385—389).

Приведенная челобитная—какъ нами замѣчено—не вполнѣ сохранилась (не достаетъ конца). Надо полагать, что въ нее занесены были и другія петиціи, предьявленныя кїево-братскимъ монастыремъ московскому правительству. По крайней мѣрѣ, объ одной изъ такихъ петицій имѣются данныя несомнѣнныя. Въ то время, когда посольство отъ кїевскихъ монастырей было ужъ на пути въ Москву и временно задержалось въ Черниговѣ, Варлаамъ Ясинскій, извѣстившійся объ этомъ отъ межигорскаго игумена Θεодосія Васьковскаго (стоявшаго во главѣ всего посольства), немедленно послалъ ему (4 февр. 1670 года) письмо, въ которомъ заявлялъ, что онъ «запамятовалъ въ наказной памяти (инструкціи) доложить того, что церковь Трехъ Святителей на горѣ привилеями утверждена къ монастырю братскому», а между тѣмъ «ныне держитъ ее господинъ воевода кїевскій». Поэтому Ясинскій проситъ внести въ данную имъ своимъ посламъ инструкцію соотвѣтствующее дополненіе и ходатайствовать предъ

государемъ, чтобы означенная церковь, равно какъ и церковь Воздвиженія честнаго креста Господня, съ принадлежащими къ нимъ угодьями, были укрѣплены за кіево-братскимъ монастыремъ (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Столб. Малорос. Приказа*, № 5921, л. 329; срав. *Ibid.* л. 326).

Но Московское правительство, какъ мы сказали, отнеслось къ челобитьямъ кіево-братскаго монастыря довольно холодно. На просьбу—оказать вспомошествованіе при возстановленіи церквей и монастырскихъ зданій,—последовала резолюція: «*о строгости и помочи битъ челомъ гетману Демьяну Инатовичу*». По поводу жалобы на воеводу князя Барятинскаго о неотдачѣ заимообразно взятыхъ изъ монастыря 600 бревень, о разореніи имъ деревни Новоселокъ и вообще о причиненныхъ обители уронахъ,—данъ былъ отвѣтъ: «*поговоритъ съ ними, а въ то время была война и взять того неидѣ*». На просьбу, взысканіи разоренныхъ Новоселокъ, дать деревню Муравку или остерскія угодья, находящіяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра,—состоялась резолюція: «*битъ челомъ о томъ гетману*». Съ челобитьями къ последнему предоставлено было обратиться кіево-братскому монастырю и о выкупѣ митры, и о «церковныхъ сосудехъ», и о продажѣ меду, и (относительно) маетности взысканіи іезуитской, и о училищахъ.—Просьба о покупкѣ пожертвованныхъ кіево-братскому монастырю,—надо полагать, въ довольно значительномъ количествѣ,—экземпляровъ *Ключа Разумнія*, была отклонена подъ тѣмъ предлогомъ, что «тѣ книги» печатаны не московскомъ «реченіемъ». На просьбу о занесеніи въ братскій синодикъ «преставльшихся» царицы Марья Ильиничны и царевича Симеона Алексѣевича, что обычно соединялось съ дачею болѣе или менѣе щедрой милостыни,—данъ былъ отвѣтъ уклончивый: *укажь-де о томъ будетъ впрредь*. (Архивъ Минист. Иностранныхъ Дѣлъ. *Дѣла Малорос.* 1669—1670 г.г., № 26).

Изъ петицій, съ которыми обращались къ московскому правительству кіево-братскіе посланцы исполнены были (всецѣло или отчасти) сравнительно немногія. Именно, дано было монастырю обычное государево жалованье—сорокъ соболей цѣною въ 30 рублей, «Прологъ во весь годъ», «Минѣя августъ мѣсяць»,

«ризы камчатые праздничные съ оплечемъ бархатнымъ», одинъ пудъ ладону и пять ведеръ церковнаго вина.—Кромѣ того послана была (7 марта 1670 года) «великаго государя грамота» кievскому воеводѣ, чтобъ онъ «очистилъ» Трехсвятительскую церковь; но «о томъ, что къ той церкви належитъ» (т. е. относительно приписныхъ къ ней угодій), опять-таки рекомендовано было обратиться съ челобитьемъ къ гетману (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л.л. 322, 326, 296—300).

Разумѣется, Варлаамъ Ясинскій не могъ быть доволенъ результатами своего посольства въ Москву. Особенно былъ непріятенъ отказъ возвратитъ монастырю взятыя у него кievскимъ воеводою 600 бревень, приготовленныхъ для сооруженія церкви. Послѣднее обстоятельство побудило Ясинскаго въ началѣ слѣдующаго (1671) года обратиться къ московскому правительству съ новою челобитною о возвращеніи означенныхъ бревень. Къ челобитной приложены были: во 1-хъ, «свидѣтельства рукописныя отъ властей достовѣрныхъ духовнаго и мирскаго чина» (отъ настоятелей кievскихъ монастырей, отъ черниговскаго архимандрита Іоанникія Галатовскаго, — въ бытность котораго ректоромъ киево-могилянскоѣ коллегіи и игуменомъ братскаго монастыря заготовленъ былъ лѣсъ для сооруженія церкви, — отъ войта и другихъ чиновъ кievскоѣ ратуши), въ коихъ удостовѣрялся фактъ забранія кievскимъ воеводою княземъ Бяратинскимъ помянутаго лѣса на государственныя потребности, — и во 2-хъ, «Сказаніе о иконѣ Пресвятыя Богородицы Вышегородцкой чудотворной, припльвшей въ Кіевъ съ агаряниномъ и ставшей противу монастыря Братцкаго Кіевскаго, въ ней же нынѣ прославляется». Кромѣ челобитной отъ имени Ясинскаго, очевидно, по его просьбѣ, послано было ходатайственное письмо къ государю за киево-братскій монастырь и отъ черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, въ которомъ онъ молить, «да не тощи вспять возвратятся (посланники братскаго монастыря), но съ полученіемъ желаемыя вашего царскаго пресвѣтлаго Величества пребогатыя отеческія милости..., понеже тотъ монастырь единъ точию таковъ вашего царскаго пресвѣтлаго Величества подѣ

высокою рукою въ Малой Россіи, въ немъ же Божественныхъ письменъ училище, отъ него же премудрые, церкви нашей православной нужны на всякую противу противниковъ благочестивыя наша вѣры выходятъ люди на оборону»... Сей училищный монастырь не только составляетъ *украшеніе и охраненіе* святой восточной церкви, но отъ него и вашего царскаго пресвѣтлаго Величества государскому имени *отъ рода и въ родъ во всей вселенной возрастаетъ слава*.—Въ данное время просьба Ясинскаго была уважена: кіевскому воеводѣ (22 февр. 1671 г.) посланъ былъ отъ имени государя указъ—навозить для монастыря взятое у него количество бревенъ *наступающею весною*, послѣ исполненія каковаго указа и приступлено было къ сооруженію Богоявленской церкви (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Книга Малорос. Приказа*, № 9, л.л. 734 об. и слѣд.—Срав. В. О. Эйнгорна «Очерки изъ исторіи Малорос. XVII в.» стр. 783.—Списокъ со «Сказанія о иконѣ Пресв. Богородицѣ» переданъ мною для напечатанія о. Θ. И. Гитову. О судьбѣ построенной Ясинскимъ Богоявленской церкви подробности изложены въ нашей статьѣ: о *Гедеевѣ Одорскомѣ*, помѣщ. въ Трудахъ Кіев. Дух. Академіи за 1900 г.; см. № 12, стр. 618).

12) Гетманомъ Многогрѣшнымъ дано было кіево-братскому монастырю село Мураска (Муравка) на лѣвой сторонѣ Днѣпра (Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Столбцы Малорос. Приказа*, № 5921, л. 296), впослѣдствіи замѣненное мѣстечкомъ Карпиловкою съ приселками, а гетманъ Самойловичъ, универсаломъ отъ 7 іюля 1672 г., даннымъ на имя ректора и игумена В. Ясинскаго, дозволилъ безпошлинно сытить медъ къ шести праздникамъ въ году (Памятники, изд. кіев. комис. для разбора древ. актовъ, Кіевъ 1898 г., т. II, № XXXII). Многогрѣшный общалъ было «и церковь братскую *каменную* соорудити и школы для ученія построити», для каковой цѣли собирались «съ міру» деньги «въ скарбъ войсковой»; но по низложеніи его съ гетманства (въ мартѣ 1672 г.) въ означенномъ «скарбѣ» никакихъ денегъ не оказалось. (А. Ю. и З. Р. т. IX, № 155).

¹³⁾ Каменная трапеза устроена была въ кіево-братскомъ монастырѣ, по всей вѣроятности, на средства гетмана Сагайдачнаго, бывшаго *великимъ благодѣтелемъ* для означеннаго монастыря (см. Вѣрши на жалобный погребъ зацного Рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана... и проч., изд. въ Кіевѣ, 1622 г., и исполнѣ перепечатанныя въ приложеніяхъ къ нашему изслѣдованію: «Исторія Кіев. Духовной Академіи», выпускъ I, 1886 г., № прилож. VI, стр. 17—40). Придѣлъ въ братской трапезѣ былъ во имя *святыхъ Бориса и Глѣба* О трапезованіи здѣсь Мелетія Смотрицкаго упоминается въ предисловіи къ Desiderosus'у (изд. 1625 г.), составленномъ Кассіаномъ Саковичемъ. Любопытное описаніе означенной трапезы (священныхъ картинъ, изображенныхъ здѣсь въ олтарной абсидѣ) находится у Павла Алеппскаго (Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. См. по переводу Г. Муркоса, вып. II, стр. 78—79).

¹⁴⁾ Извѣстна «*ляментация*» кіево-братскихъ иноковъ, исполненная укоризнъ, неназываемому по имени, *ректору* коллегіи, но по времени составленія (есть рѣчи о разореніи Новоселокъ) относящаяся къ послѣднимъ годамъ ректорства Варлаама Ясинскаго (см. *Кіев. Старину* за 1884 г., № 10, стр. 353—356). Что она вышла изъ среды «неученаго или, по крайней мѣрѣ, неучащаго монастырскаго братства»,—это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію (Соображенія см. у И. И. Малышевскаго въ его рецензійи на сочиненіе Н. И. Петрова, помѣщ. въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи, 1896 г., № 11, *протоколы*, стр. 148—149).

¹⁵⁾ Лазарь Барановичъ въ письмѣ къ В. Ясинскому называетъ оставленіе имъ ректуры въ кіево-могилянской коллегіи *добровольнымъ*; но надлежащее освѣщеніе этого факта дается тѣмъ же письмомъ: «*Перетань же говорить*—читаемъ здѣсь,—*что тебя заставили отказать*, ибо ты самъ подалъ объ этомъ голосъ и на словахъ и на бумагѣ, а я, какъ первосвятитель, не хотѣлъ дѣлать вопреки твоей доброй воли»... и проч.—Барановичъ утѣшаетъ Ясинскаго тѣмъ, что матеріальное его положеніе съ оставленіемъ ректуры не пострадало (ему предоставлена долж-

ность проповѣдника въ кіево-печерской лаврѣ), «Въ *седо*,—пишетъ онъ, играя словами согласно съ тогдашними школьными традиціями и привычками,—ударилъ однажды громъ, разбилъ *с*, осталось *едо*. *Наказующая тебя* десница Господня, любя тебя, и послѣ отказа твоего, оставляетъ при тебѣ *едо*. (Письма Барановича, Черниговъ, 1865 г., письмо 113).—В. О. Эйнгорнъ оставленіе Ясинскимъ ректуры ставить въ тѣсную связь съ его донесеніемъ кіевскому воеводѣ объ укрывательствѣ въ кіево-братскомъ монастырѣ Василя Многогрѣшнаго (брата измѣнника гетмана), чѣмъ якобы должны были остаться крайне недовольны братскіе иноки и, вслѣдствіе чего, пребываніе среди нихъ Ясинскаго сдѣлалось для него «совершенно невыносимымъ» (Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. Москва, 1899 г., стр. 856—857). Но Ясинскій въ данномъ случаѣ исполнилъ только «крѣпкій заказъ» кіевского воеводы, князя Козловскаго, чтобы мѣстные игумены «немедленно сообщили ему, воеводѣ, если бы кто изъ сродниковъ измѣнника-гетмана объявился въ какомъ-либо монастырѣ». Неисполненіе этого «крѣпкаго заказа», безъ сомнѣнія, навлекло бы тяжкую кару не только на Ясинскаго, *но и на управляемый имъ монастырь*.

¹⁶⁾ Имѣемъ въ виду постепенное возвращеніе изъ-за-границы посланныхъ туда В. Ясинскимъ для завершенія образованія наиболѣе даровитыхъ воспитанниковъ коллегіи и поступленіе ихъ здѣсь на преподавательскія должности, а также сохранившіеся отъ того времени школьные труды.

Существуетъ мнѣніе, что во время ректуры въ коллегіи Ясинскаго преподавателемъ философіи здѣсь былъ (*съ 1672 года*) извѣстный *Паисій Лигаридъ* (мнѣніе это высказано было преосв. Филаретомъ черниговскимъ въ его «Обзорѣ рус. духовной литературы», см. изд. 1884 г. стр. 241, и поддерживается проф. Н. И. Петровымъ съ указаніемъ, что читанныя въ коллегіи лекціи Паисія хранились въ бумагахъ профессора Барсова; см. «Кіевск. Акад. во второй половинѣ XVII в.», стр. 34, 139). Но мнѣніе это не можетъ быть принято. Паисій Лигардъ, *впервые выѣхавшій изъ Москвы въ Кіевъ 1 марта 1673 года* и при-

бывшій сюда 28 мая означеннаго года (см. Архивъ Минист. Иностранн. Дѣлъ. *Дѣла греческія*, № 1, г. 7181 сентяб. 7—марта 4), встрѣченъ былъ кievскими учеными не особенно благосклонно (ему даже закрытъ былъ доступъ къ коллегіатской библіотекѣ), и хотя впослѣдствіи—въ виду обоюдныхъ интересовъ—между ними и Паисіемъ воспослѣдовало сближеніе, но оно выразилось въ порученіи послѣднему перевести на латинскій языкъ рукописный трактатъ извѣстнаго греческаго богослова первой половины XVII стол. Георгія Корезія (*Γεώργιος Κορέσιος*) подъ заглавіемъ: «*Διάλογοι περὶ τοῦ παναγίου καὶ ζωαρχικῆς πνεύματος*»,—ознакомленіе съ каковымъ трактатомъ для кievскихъ ученыхъ (плоховато знавшихъ греческій языкъ) было чрезвычайно важно, въ виду надѣлавшаго много шума полемическаго сочиненія Циховскаго (*Cichovius*): *Tribunal s.s. Patrum Orientalium... et caet.* (1658 г.), направленнаго противъ догмата объ исхожденіи Духа Святаго отъ одного Отца, а въ частности *и противъ кievскихъ коллегіатовъ*, имѣвшихъ по данному вопросу, еще въ 1646 году, трехдневный диспутъ съ Циховскимъ (диспутъ этотъ тенденціозно описанъ тѣмъ же Циховскимъ въ изд. 1649 г. брошюрѣ: *Colloquium Kijoviense*. Въ основу Tribunal'a положена эта брошюра).—Означенный трудъ (переводъ) Паисія сохранился до настоящаго времени: онъ находится въ Синодальной Типографской Библіотекѣ, по каталогу рукописей № 1771/4057. Переводъ начать былъ Паисіемъ въ Кіевѣ, къ концу его *перваго* пребыванія здѣсь, а оконченъ въ Москвѣ, куда онъ неожиданно, по указу государя, былъ вызванъ (выѣхалъ изъ Кіева 17 сентября 1675 г.). Съ Паисіемъ отправленъ былъ въ Москву префектъ кievо-могилянскій коллегіи Виссаріонъ Шулковскій, принимавшій участіе въ означенномъ трудѣ Паисія (участіе это выражалось въ томъ, что онъ, будучи хорошимъ каллиграфомъ, переписывалъ черновики перевода Паисія). Переписанная Шулковскимъ рукопись перевода снабжена нѣсколькими замѣтками и приложеніями (есть посланіе кievскихъ ученыхъ къ патріарху), которыя, въ связи съ нѣкоторыми другими рукописными данными, восполняютъ наши свѣдѣнія, какъ о Паисіи, такъ и о кievо-могилянскій коллегіи разсматриваемаго времени. Но обо

всемъ этомъ—рѣчи въ другомъ мѣстѣ Теперь же ограничиваемся замѣчаніемъ, что указанная данная не подтверждаютъ мнѣнія о преподаваніи Паисіемъ какого-либо предмета въ коллегіи.

17) Письмо Теофана Прокоповича къ кіев. архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 8 марта 1786 года (напеч. въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 г., № 4, и *Трудахъ Кіев. Дух. Академіи* за 1865 г.; см. октябрь, стр. 274—279).

18) Θεодосій Гугуревичъ избранъ былъ на ректуру въ кіево-могилянскою коллегію послѣ однолѣтняго его настоятельства въ кіево-михайловскомъ монастырѣ и (передъ тѣмъ) около пятилѣтняго въ батуринскомъ. Краткія свѣдѣнія объ этомъ, равно какъ и о послѣдующей судьбѣ Гугуревича, находятся въ *Діаріумѣ* святителя Димитрія Ростовскаго. Именно здѣсь, въ ряду замѣтокъ, сдѣланныхъ подъ 1690 годомъ, читается и слѣдующая: «Декабря 25, въ самый день Рождества Христова, по вечерни, преставился въ монастырѣ нашемъ іеромонахъ Θεодосій Гугуревичъ, бывшій игуменъ въ разныхъ монастыряхъ, а именно: въ монастырѣ семъ Батуринскомъ (когда писалась эта замѣтка святитель состоялъ игуменомъ означеннаго монастыря) лѣтъ пять, въ Михайловскомъ Золотоверхомъ Кіевскомъ годъ одинъ, въ Братскомъ Кіевскомъ лѣта три, въ Максаковѣ одинъ годъ, а въ *бѣдахъ и скорбехъ*, послѣ Максаковскаго игуменства, страдалъ также цѣлый годъ». (Сочиненія святаго Димитрія, митрополита Ростовскаго. Кіевъ, 1824 г., ч. I, стр. 332). Н. И. Петровъ, имѣя въ виду эту замѣтку св. Димитрія Ростовскаго, говоритъ: «По разсчету времени выходитъ, что Кіево-Михайловскимъ игуменомъ Гугуревичъ былъ въ 168⁴/₆ году, а Кіево-братскимъ игуменомъ и ректоромъ,—съ 168⁵/₆ учебнаго года до конца 1688 гражданскаго года». А въ примѣчаніи къ приведенному мѣсту заявляетъ: «по наборѣ сего, мы нашли документъ, подписанный Михайловскимъ игуменомъ Θ. Гугуревичемъ еще 20 *апрѣля 1680 юда* (Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в., стр. 45). Но съ документомъ, очевидно, вышло какое-то недоразумѣніе. Время избранія Гугуревича на кіево-михайловское игуменство состоялось значительно позже: оно съ точностью опредѣляется на

основаніи того же Діаріуша святителя Дмитрія Ростовскаго. Здѣсь подѣ 1682 *юдомъ* читаемъ: «февраля 7, во вторникѣ послѣ утрени, на память преподобнаго отца Парвонія, преставился блаженныя памяти отецъ Мелетій Дзикъ, игумень Михайловскій Кіевскій: вѣчная ему память! *На ея мѣсто избранъ отецъ Θεодосій Гугуревичъ, игумень Батуринскій*; а въ Батуринскій монастырь на Гугуревичево мѣсто меня Богъ сподобилъ.—Марта 1-го, на память св. Евдокеи, въ среду первой недѣли великаго поста, отецъ Θεодосій Гугуревичъ здалъ мнѣ съ себя игуменство монастыря Батуринскаго, въ церкви святителя Христова Николая: *а самъ тою же дня выѣхалъ изъ монастыря въ путь свой въ Кіевъ. Боже, ему поспѣши!*» (Сочиненія св. Дмитрія митроп. Ростовскаго. Кіевъ, 1824 г., ч. I, 317—318).

Н. И. Петровъ справедливо замѣчаетъ, что Гугуревичъ «постепенно спускался внизъ по іерархической лѣстницѣ»; то же самое говоритъ и О. И. Левицкій, но послѣдній полагаетъ, что пошатнулася служебная карьера Гугуревича только съ переводомъ его въ «малозначительный монастырь черниговской епархіи—Максаковской»; что же касается до избранія его ректоромъ кіево-могилянскій коллегіи, то оно признается г. Левицкимъ *повышеніемъ* по службѣ, при чемъ дѣлаются предположенія, кому Гугуревичъ обязанъ былъ столь почетнымъ и важнымъ постомъ. (Кіев. Старина, 1901 года, сентяб., стр. 402, 403, 405, 406). Но такое пониманіе невѣрно. Въ разсматриваемое время, въ ряду іерархическихъ ступеней кіево-михайловское игуменство *стояло выше ректуры въ кіево-могилянскій коллегіи* и обычно предоставлялось лицамъ, много уже потрудившимся для коллегіи и, между прочимъ, ректорамъ послѣдней (припомнимъ Юсифа Кононовича Горбачкаго, Мелетія Дзика, Сильвестра Головчича). Такимъ образомъ, карьера Гугуревича *пошатнулася* ранѣе, чѣмъ предполагаетъ упомянутый изслѣдователь.

Причины, побудившія Гугуревича оставить кіево-михайловское игуменство, до настоящаго времени остаются *невыясненными*. Къ уясненію ихъ можетъ служить слѣдующая замѣтка, сохранившаяся въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа: «іюля въ 29 день (1683 *юда*) къ великимъ государямъ писалъ гетманъ съ посланцомъ

своимъ Васи́лемъ Кочубеемъ, что кириловскаго монастыря про игумена про Иннокентія *разыскивано и сужено духовнымъ судомъ, и рассмотрѣно, что ево, Иннокентія Монастырскаго, шуменъ бывшій Михайловскій Θεодосій Гугуревичъ зависти ради ослася измѣнническими преступленіями*, и кириловскаго монастыря чернецъ Давидъ на него, Иннокентія, чинилъ *ложныи свои свидѣтельства, и за то Михайловскаю монастыря шуменъ Θεодосій Гугуревичъ отставленъ*, а каковъ въ томъ дѣлѣ былъ розыскъ и судъ—съ того дѣла прислалъ онъ, гетманъ, списокъ». (Москов. Арх. Министер. Юстиціи. *Дѣла Малорос. Приказа*; № книги 53, л. 19—20). Изъ этой замѣтки видно также, что Гугуревичъ послѣ *вынужденнаю* оставленія имъ кіево-михайловскаго игуменства не тотчасъ избранъ былъ на ректуру въ коллегію. Но объ этомъ избраніи—рѣчи въ другомъ мѣстѣ.

Поступки и преступленія Гугуревича, омрачившіе его имя, съ откровенностію судебныхъ актовъ изложены и констатированы въ древней актовой книгѣ Борзенской ратуши. Отрывки изъ этой книги, касающіеся преступленій Гугуревича, напечатаны А. М. Лазаревскимъ въ его книгѣ «Описаніе старой Малоросціи» (т. II. 153—156), а въ литературной обработкѣ съ ними знакомитъ О. И. Левицкій въ печатаемыхъ имъ «Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII стол.» (См. очеркъ 30-й: «Грѣшный игуменъ», въ сентябр. книжкѣ Кіев. Старини, за 1901 г., стр. 401—410).

¹⁹⁾ О началѣ ректуры (вторичной) Іоасафа Кроковскаго, относительно чего были мнѣнія неустойчивыя, см. нашу статью: *Гедѣонъ Одорскій*,—гдѣ по сему вопросу даются опредѣленные (документальныя) указанія (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 598 и слѣд.). Здѣсь, между прочимъ, было упомянуто нами о неизвѣстной дотолѣ грамотѣ митрополита Варлаама Ясинскаго, выданной по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора кіево-могилянскій коллегіи. Грамота эта—одинъ изъ цѣнныхъ документовъ, относящихся къ прошлому нашей Академіи, а потому мы приводимъ его здѣсь въ полномъ видѣ:

«Варлаамъ Ясинскій, милостию Божією православный архієпископъ, митрополитъ Кіевскій, Галицкій и малыя Росіи.

Извѣстно творимъ всѣмъ, сіе писаніе чтущимъ и слышащимъ, что мы пастырь, увѣщани суще первѣе словеса апостола глаголющаго: *епископу подобаетъ быти учителну*, посемъ монаршескими ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества и патріашескими грамотами, при посвященіи на митрополию намъ данными, въ которыхъ пространно написано, дабы есмы о школахъ ко ученію свободныхъ наукъ попеченіе имѣли, по должности нашей пастырской стараясь о томъ, чтобъ монастырь Братскій Кіевскій, со училищами въ немъ сущими, безъ надлежащаго своего ректора и игумена не приходилъ въ кое нестроеніе: нынѣ по благоволенію Божію, по нашему же пастырскому благословенію, *а по соизволенію, данному на письмъ ясневельможного его милости господина Ивана Мазепы, гетмана войскъ ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества запорожскихъ, особливою тому монастырю Братскому обновителя, промыслинника и благодѣтеля, и по совѣту пречестныхъ ихъ милостей въ Бозѣ отцевъ соборныхъ митрополіи Кіевской, такожде и по изволенномъ обраніи честныхъ отецъ Братскаго монастыря*, вручили есмы началъ ректорства и игуменства Братскаго Кіевского пречестному въ Бозѣ отцу Іоасафу Кроковскому, игумену монастыря Пустынно-никольскаго Кіевского, яко человѣку благоразумному и побожному, *въ томъ же монастырѣ Братскомъ четырехлѣтнимъ ученіемъ философіи и единоплѣтнимъ ученіемъ Божіословіи, кромѣ нижайшихъ съ початку нѣскольколѣтнихъ ученій въ школахъ, явно въ славу Божію потрудившемуся*, который за помощію Божію можетъ вмѣстительно игуменство монастыря Пустынно-Никольскаго и ректорство со игуменствомъ монастыря Братскаго Кіевского благочинно устроивати, сохраняя давняя строительныя грамоты и права, отъ святой памяти ясне преосвященнаго его милости отца Петра Могилы архієпископа митрополита Кіевскаго, архимандрита Печерскаго, строителя тому Братскому монастырю, наданья, и всемошно желая по Бозѣ за помощію ясневельможного его милости господина гетмана нынѣшняго, строителя и обновителя того жъ монастыря Братскаго Кіевскаго, такожде и призрѣніемъ всѣхъ ихъ милостей господь

начальныхъ малороссійскихъ, дабы могли разширяться науки свободныя, дабы помножились ученія къ защищенію церкви православной восточной, и житіе въ монастырь по чину иноческаго сколько мощно обще по даннымъ правамъ, прежнимъ ректорамъ даннымъ, и по увѣщанію строительской духовной дабы строено было; а понеже вручается нынѣ то ректорство вмѣстѣ съ игуменствомъ Никольскимъ пречестному отцу Іоасафу Кроковскому, подвигнуло насъ и то, чрезъ его заслуги, къ сему, что и прежде сего въ монастырь Братцкомъ, послѣ нѣскольколѣтнего честнаго начала префектовскаго и маистровскаго философіи, ему учащему *Богословію*, блаженные памяти предокъ нашъ ясне въ Бозѣ преосвященный киръ Гедсонъ князь Четвертенскій, митрополитъ Кіевскій, вручилъ было вмѣстѣ со игуменствомъ Никольскимъ и ректорство Братцкое, разсуждая, что тѣ оба монастыри Никольскій и Братцкій и при здравствованіи строителя Могилы подъ единымъ владѣніемъ такова жъ учительнаго и заслуженнаго, послѣ превысокихъ маистровствъ училищныхъ, игумена Микольскаго пребывали; а понеже тогда *недолго* ректорвалъ пречестный сей отецъ Іоасафъ игумень Никольскій, то нынѣ дабы тожъ ректорство совершалъ, тако изволися Духу Святому и нашему смиренію со всѣми на то сонзвояющими; о чемъ вѣдая всѣ о Христѣ братія монастыря Братцкаго Кіевскаго, дабы его пречестнаго отца Іоасафа Кроковскаго, игумена Пустынно-Никольскаго Кіевскаго, яко соизвольнымъ избраніемъ ихъ обраннаго и отъ насъ пастыря съ послушанья церкви Христовой принужденнаго, за надлежащаго себѣ ректора и игумена отца и наставника, содержащаго съ игуменствомъ Пустынно-Никольскимъ совершенную власть начальства ректорскаго, имѣли, и ему, яко могущему по нашей власти митрополитанской исправляти весь чинъ церковный и монастырскій, всякое чинили послушаніе, пастырски желаемъ и для лучшей чести и крѣпости даемъ наше се писаніе со обыклою печатью митрополитанскою, съ подписомъ руки нашей. Изъ монастыря Святософейскаго катедральнаго Кіевскаго, 1692, мѣсяца генваря въ 20 день, *рукою своєю*. (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, связ. № 94).

20) См. Памят. Кіев Комм. для разбора древ. актовъ, изд. 1898 г., т. II, № XXXV; срав. Кіево-братскій училищный монастырь», Н. Мухина (Кіевъ, 1893 г.), *прилож.* № XXI, стр. 372 и слѣд.

21) Экономомъ въ кіево-братскомъ монастырѣ въ данное время былъ *Пароеній Родовичъ* (Арх. Минист. Иностр. Дѣль. *Дѣла Малорос.* св. № 94),—человѣкъ, по отзыву О. Прокоповича, «трезвый, дѣльный, трудолюбивый, догадливый и по всему того (должности эконома) достойный» (*Труды Кіев. Дух. Академіи*, 1865 г., № 10, стр. 276).—Родовичъ,—что доселѣ, кажется, остается неизвѣстнымъ,—былъ и преподавателемъ въ коллегіи. Намъ извѣстны школьные труды изъ класса поэтики отъ 1689 года, составленные «sub Reverendo Parthenio Rodovio (*Helicon bivertea*; см. рукоп. Синод. Типогр. Библ., № 1769, л. 1; см. тамже л. 131 и слѣд., гдѣ помѣшено руководство, составленное «in schola Poeseos sub Reverendo Patre Parthenio Rodowicz, anno Domini 1689».

22) По заслуживающему полного довѣрія свидѣтельству униатскихъ писателей (*Dzieje y prawa kościoła Polskiego*, Т. Ostrowskiego. Warsawa, 1793 г., т. III, стр. 485), П. Могила на коронаціонномъ сеймѣ 1633 года исходатайствовалъ у короля привиллегію для своей коллегіи, какъ *высшаю учебнаю заведенія*; но къ этой привиллегіи и канцлеръ коронный и подканцлеръ *отказались приложить свои печати*.

23) Привилегія напеч. въ *прилож.* къ сочиненію Н. И. Петрова: «Кіев. Академія во второй половинѣ XVII в.»—см. стр. 127—129.

24) См. упомянутую ляментацию кіево-братскихъ иноковъ на ректора (Варлаама Ясинскаго).

25) Подробныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ и результатахъ ея находятся въ обширномъ дѣлѣ, хранящемся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣль въ Москвѣ и *далеко изслѣдователями еще неиспользованномъ*. (*Дѣла Малорос.* 1693 г. св. 94.

Здѣсь, впрочемъ кое-чего не достасть; но въ Москов. Арх. Минист. Юстиціи есть хорошо сохранившаяся копія съ этого дѣла).

Извлекаемъ изъ этого дѣла одну бытовую картинку,—именно о церемоніалѣ, бывшемъ при первомъ приѣмѣ государемъ Іоасафа Кроковскаго и его свиты,—церемоніалѣ, заранѣе установленномъ и *состоявшемся* (на проэктѣ церемоніала отмѣчено: *было по сему*):

«201 года, іюля въ 10 день, великій Государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указаль быть у себя, великого Государя, на дворѣ на приѣздѣ преосвященнаго Варлаама, митрополита Кіевскаго и Галицкаго и малыя Росіи, присланному Іоасафу Кроковскому, игумену Николаевского Пустынного и ректору и игумену жъ Братцкаго монастырей Кіевскихъ, со всѣми при немъ будущими людьми.

А какъ онъ къ великому Государю войдетъ въ палату, и сво явить великому Государю челомъ ударить думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову, а говорить: «Великій Государь царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! Вашего царского Величества богомольца преосвященнаго Варлаама, митрополита Кіевскаго и Галицкаго и малыя Росіи, присланной Іоасафъ Кроковскій, игумень Николаевского Пустынного и ректоръ и игумень же Братцкаго монастырей Кіевскихъ, со всѣми при немъ будущими людьми, тебѣ, великому Государю, вашему царскому Величеству, челомъ ударилъ».

А потомъ присланной великому Государю его царскому Величеству говорить рѣчь.

А изговоря рѣчь, подасть великому Государю листъ и объявить святыню.

И думной дьякъ говорить: «Вашего царского Величества богомолецъ, преосвященный Варлаамъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и Малыя Росіи, тебѣ, великому, Государю челомъ бьетъ святынею:

Животворящій Крестъ Господень рѣзной на кипарисѣ.

Образъ святаго великаго князя Владимира.

Стихи въ рамахъ печатаны на похвалу страстей Христовыхъ, да не въ рамахъ тѣхъ же 10 листовъ на бумагѣхъ.

И великій Государь, его царское Величество, укажетъ у присланнаго листъ и святыню принять и митрополита спросить о спасеніи.

И думной дьякъ говоритъ: «Присланной! великій Государь, его царское Величество, жалуетъ богомольца своего, пресвященнаго Варлаама митрополита Кіевскаго и Галицкаго и Малыя Росіи: велѣлъ спросить о спасеніи».

А послѣ того великій Государь пожалуетъ присланнаго къ рукѣхъ.

И думной дьякъ говоритъ: «великій Государь, его царское Величество, жалуетъ тебя, игумена, и при тебѣ будущихъ къ своей царскаго Величества рукѣхъ».

А потомъ великій Государь игумену велитъ сказать свое великаго Государя жалованье въ стола мѣсто кормъ.

И думной дьякъ говоритъ: «игумень Іоасафъ! великій Государь, его царское Величество, жалуетъ васъ своимъ царскаго Величества жалованьемъ въ стола мѣсто кормъ и питье».—А сказавъ, отпустить ихъ на подворье.

26) Памятники Кіев. Комм. для разбора древнихъ актовъ, изд. 1898 г., т. II, №№ XXXV, XXXVI. Наиболѣе важное значеніе, разумѣется, имѣла грамота, данная «на школы». Къ ней привѣшена была *большая юсударственная печать* въ серебряномъ ковчегѣ. «202 года, декабря въ 18 день, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Росіи самодержцы, указали сдѣлать къ своей великихъ государей жалованной грамотѣ на Государственную большую печать ковчегъ серебрянной, которую велѣно дать киевскаго Богоявленскаго братскаго монастыря игумену и ректору Іоасафу Кроковскому з братею на школы. А на дѣло того ковчеха дано серебрянаго дѣла мастеру иноземцу Якову Буду четырнадцать ефимковъ из Новгород-

ского приказу, и о томъ дать въ тотъ приказъ указъ». (*Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ*. Выше цит. дѣло 1693—1694 г.г.). Подлинникъ этой грамоты хранится въ Музеѣ при Кіев. Дух. Академіи.

27) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Дѣла правит. Сената, по М. Э.* кн. № 5/1722. Въ этомъ дѣлѣ сторону кіевскихъ мѣщанъ сильно поддерживалъ патріархъ Адріанъ, подозрительно относившійся и къ кіевской коллегіи и къ кіевскимъ ученымъ. Сохранилась грамота этого патріарха къ кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, писанная по поводу жалобъ кіевского войта какъ на коллегіатовъ, такъ и на самаго митрополита. Характерныя выдержки изъ нея сдѣланы нами въ упомянутой статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 604—605). Указавъ на безчинство студентовъ (о чемъ см. въ упомянутой выдержкѣ), патріархъ пишетъ: «и отъ того имъ (кіевскимъ мѣщанамъ) великая обида и разореніе чинится, а унять ихъ отъ того не кому, и ты, въ Дусѣ Святѣмъ сыне и сослужителю нашея мѣрности... о мирѣ между людьми потыся... и студентомъ, когда они творять пакости людемъ, въ церковныхъ жилищахъ жити не вели, зане могутъ быти при школахъ во особыхъ домѣхъ и у мѣщанъ стояти, идѣ кому придется» (Ibid. л.л. 205 - 208).

28) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Дѣла правит. Сената по Малорос.* Экспед. № кн. 5/1722; л.л. 129—134.

Приводимъ эту челобитную въ полномъ видѣ:

«Академія наша Кіево-Могилянская,—писали коллегіаты,—отъ прежняго своего основанія будучи равными привилегіями, какъ обыкновенно есть инымъ академіямъ во всѣхъ государствахъ иноземскихъ правосвободность имѣти, утверждена, нынѣ не-свободна есть, но подѣ игомъ тяжкой обиды пребывающая, прибѣгаетъ къ Вашей пастырской милости, прося слезно о помощи отъ господъ мѣщанъ кіевскихъ, которыхъ ради, прошлаго году, ставъ за одного невѣрнаго жидовина, привели на наши школы Кіевскія съ разбоемъ войско вооруженное изъ вышняго города и много сдѣлали кровопролитія, многимъ малороссій-

скимъ дѣтемъ учащимся подѣлали раны, гоня за оными, гдѣ, какъ злодѣевъ, въ приказъ многихъ взяли невиноватыхъ студентовъ и въ чеши посажали, а кромѣ того дерзають многожды мѣщане не къ праву школьному и Вашему пастырскому начальству, но *въ свою ратушную тюрьму студентовъ брати, а оттуду въ верхній городъ отдають въ приказъ безо всякаго разсмотрѣнія;* какъ и недавними времени въ свѣтлую недѣлю, когда нашихъ студентовъ изо всякихъ школъ много раненныхъ и битыхъ было отъ мѣщанъ напрасно, били челомъ мы о управѣ его милости господину генералу, надѣясь, что намъ съ ними дастъ управу такую, какъ и надъ ними даетъ, и его милость господинъ генералъ посланныхъ *отцовъ учителей нашихъ,* вмѣсто управы, обесчестилъ, и то сказалъ, что не имѣю я власти надъ мѣщанами, *а надъ школами власть имѣю студентовъ въ тюрьму брать;* а такъ, когда и мѣщане имѣють власть студентовъ въ тюрьму брать и господинъ генералъ смиряти, пришло къ послѣдному отсюду обижденной *Академіи нашей* разоренію, аще Ваша пастырская милость не подастъ руку помощи, и особымъ своимъ не удержитъ попеченіемъ, а наипаче, что слова его милости господина генерала очень намъ суть нестерпимы, что надъ учащимися и учителями, подъ властію духовною Вашей пастырской милости пребывающими, дѣлается быти властителемъ, котораго власть мирская чтобъ имѣла дѣло къ духовной паствѣ, *очень есть неприлично, и противно правиломъ святымъ и самому правилодавицу Богу.* Бьемъ челомъ, какъ наипокорнѣе Вашей пастырской милости, падъ у стопъ архіерейскихъ, о семь милосердіи, чтобъ Ваша пастырская милость честнымъ святымъ своимъ челобитьемъ къ пресвѣтлѣйшему монаршему престолу его царскаго пресвѣтлаго Величества потщался намъ умолити освобожденіе, и отъ илѣненія тѣхъ словесъ его милости господина генерала и отъ такого безчинія и дерзости мѣщанъ Кіевскихъ, *чтобъ студентамъ, аще бы какая и случилась вина, судъ былъ во Академіи,* и кромѣ суду духовнаго Вашей пастырской милости не брали къ мирскому присуду, въ ратушу и въ приказъ: *не намъ то сдѣлаешь Ваша пастырская милость, но ко умноженію чрезъ ученіе*

православія святаю въ честь и хвалу самому Богу, вся премудростію сотворшему.

Преосвященства Вашего, намъ премного милостиваго въ Духу Святомъ отца и пастыря и великаго благодѣтеля, нижайшіе слуги:

Академіи его царскаго пресвѣтлаго Величества кievской префектъ школъ, учитель наукъ философскихъ и богословскихъ іеромонахъ *Иннокентій Поповскій* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихъ отцевъ учителей.

Его царскаго пресвѣтлаго Величества стольникъ *Кононъ Зотовъ*, во Академіи Кievской учащійся. *Григорій Новицкій*, префектъ конгрегации. *Семень Мировичъ* вице-префектъ. Намѣстникъ префекту, полковниченко Переяславскій *Семень Лизогубъ*. Полковниченко Черниговскій *Семень*.—*Василій, Павелъ* полковниченки Прилуцкіе. *Павель Павловскій. Яковъ Лисица. Григорій Голубъ* именемъ и прочихъ всѣхъ учащихся во Академіи Кievской».

Къ уясненію этой челобитной изъ напечатанныхъ матеріаловъ укажемъ на «челобиты» кievскихъ мѣщанъ на студентовъ Академіи «за князя Хованскаго» (1701 г.). См. «Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ актовыхъ книгъ Кievск. Центрального Архива». *И. Каманина и М. Истомина*. Кievъ, 1890 г.

²⁹⁾ Изъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ Ясинскій упоминаетъ объ «ясневельможномъ его милости господинѣ адмиралѣ».

³⁰⁾ Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла прав. Сената по Малорос. жспед.*, № кн. 5/1733; д.л. 97—108.

³¹⁾ Памятники кiev. комм. для разбора древн. актовъ. Кievъ, 1898 г. т. II, № XXXVII.—Въ грамотѣ говорится, что она пожалована кievо-братскому ректору и шумену *Прокопію Колачинскому* съ братією; но несомнѣнно, въ то время ректоромъ коллегіи и кievо-братскимъ игуменомъ былъ уже *Гедеонъ Одорскій*.

Объясненіе этого анахронизма дано нами въ статьѣ о «Гедеонѣ Одорскомъ» (см. Труды Кіев. дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 571—572).

³²⁾ Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. Проф. *Н. И. Петрова*, стр. 125. Основательныя возраженія относительно высказываемаго здѣсь мнѣнія по данному вопросу сдѣланы покойнымъ проф. И. И. Малышевскимъ въ весьма содержательной рецензіи на это сочиненіе (см. Труды Кіевск. дух. Академіи, 1896 г., № 12, *протоколы*, стр. 166—168).

Слѣдуетъ замѣтить, что и послѣ жалованной государевой грамоты отъ 26 сентября 1701 г. Кіевская Академія нерѣдко называлась (сохраняя наименованіе *Академіи*) и *коллегією* и даже просто *школами* (кіевскими, кіево-могилянскими). Дѣлалось это и *по традиціи* (Академія дорожила всѣмъ, что напоминало ей времена *Мошлянскія*) и потому, что въ разсматриваемое время она продолжала быть не только учрежденіемъ, открывавшимъ свои двери для всѣхъ сословій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденіемъ *общеобразовательнымъ*: совмѣщала въ себѣ *школы* и низшія, и среднія, и высшія.—Нами констатируется фактъ, съ какого времени кіево-могилянской коллегіи усвоено было въ *официальномъ* документѣ (Высокомонаршей грамотѣ) названіе *Академіи*.

³³⁾ Документальныя данныя о постройкѣ Братской (Мазепиной) церкви см. въ нашей статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. дух. Акад., 1900 г., № 12, стр. 613—614).

³⁴⁾ Рукоп. бібліотеки Кіево-Соф. собора, № 219, гдѣ, на ряду съ другими замѣтками современника, близко стоявшаго къ Академіи, находится и слѣдующая: «*Fodem vege (то есть—какъ видно изъ предшествующихъ замѣтокъ—anno 1704) coeperunt aedificari lapideae scholae in collegio, ipsa vero fundamenta adhuc avitumno iacta fuerunt*». Другія замѣтки напеч. въ упомянутой нашей статьѣ о Гедеонѣ Одорскомъ, гдѣ есть рѣчь и о соотвѣтствіи ихъ съ историческими данными. Исправляемъ вкрадшія здѣсь недосмотръ (на стр. 621). У насъ сказано: былъ (авторъ упомянутыхъ замѣтокъ) инспекторомъ двадцати учени-

ковъ; слѣдуетъ читать: былъ инспекторомъ учениковъ въ теченіи *двадцати мѣсяцевъ*.

³⁵⁾ Гравюра эта находится, между прочимъ, и въ Музѣѣ нашей Академіи. Она описана и переиздана въ извѣстныхъ трудахъ Д. А. Ровинскаго.

³⁶⁾ См. напечатанную нами грамоту митрополита В. Ясинскаго, выданную по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора (см. выше *примѣч. 19*), и выдержку изъ списка ректоровъ, префекторовъ и преподавателей, составленнаго во второй половинѣ XVIII вѣка (см. выше *примѣч. 8*).

³⁷⁾ См., напр., гравюру-панегирикъ, поднесенную студентами Академіи *бывшему* ея ректору, а въ то время настоятелю кіевониколаевскаго монастыря Прокопію *Колачинскому*, гдѣ онъ титулуется: *Rector emeritissimus*.—Подробное описаніе гравюры и подписи къ ней см. во 2 № *Кіев. Старины* за 1882 г. (стр. 437—440) и въ соч. Д. А. Ровинскаго: *Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XX в.в.* Посмертное изданіе съ фототипіями и цинкографіями. Спб. 1895 г. т. II, столб. 1236 (здѣсь невѣрно прочтена только фамилія Колачинскаго: называется *Катажинскимъ*).

³⁸⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, 1693 г., св. 94.—Сравн. упомянутую грамоту м. В. Ясинскаго, выданную по случаю утвержденія Кроковскаго въ должности ректора, и извлеченіе изъ письма гетмана Мазепы по сему же случаю, напечатанное нами въ статьѣ о *Гедеонѣ Одорскомъ* (Труды Кіевск. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 603).

³⁹⁾ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. *Дѣла Малорос.*, св. № 94, 1693 г.—Обычай возведенія (благословенія) на ректуру по особому чину въ церкви—обычай довольно давній въ юго-западной Россіи: восходитъ ко времени устроенія здѣсь братскихъ школъ, большаю частію при монастыряхъ. Одновременно съ ректоромъ-игуменомъ принимали святительское благословеніе на успѣшное веденіе порученнаго имъ дѣла и учителя и вообще «вся братія»

училишнаго монастыря. Въ библіотекѣ Кіево-Соф. собора въ числѣ рукописей (по кат. № IV/77) находится Чиновникъ Архіерейскій, написанный «повеленіемъ Ясне въ Богу Превелебнѣйшаго его милости Отца Куръ Діонисія Балабана, Холмскаго и Белзскаго, Володымерскаго, Берестійскаго и Кременецкаго Епископа Православнаго, року Божія 1650, мѣсяца октобрія 25 дня». Здѣсь, между прочими, помѣщенъ «Чинъ благословенія *ректора или иужена училищныя обители*, и учителей въ ней въ училища отсылаемая, и всей братіи монастырской, *отъ Архіерея подаемое*».

Предлагаемъ описаніе сего Чина и нѣкоторыя извлеченія изъ него.

«По Божественной литургіи архіерей предъ святою трапезою стоя, начинаеть: Благословенъ Богъ нашъ. Священници же, въ олтари сущи, тихимъ и равнымъ гласомъ поють на гласъ 6: Царю Небесный. *Благословеніе же пріемляй* съ учителями и братією предъ царскими стоятъ благоговѣнно откровенными главами».—За симъ: Отче нашъ; возгласъ; тропари на гласъ 8: «Яко посредѣ ученикъ твоихъ, пришелъ еси, Спасе, миръ дая имъ; прійди къ намъ и спаси насъ»... и проч. Ектенія великая, со включеніемъ примѣнительныхъ къ случаю прошеній: «О еже низпослати... духа премудрости и разума, совѣта же и страха своего *въ сердца, въ умъ, и въ устехъ ихъ*»... «О еже подати *всѣмъ имъ согласное единомысліе, и единосовѣтіе, кромъ всякаю разногласія и междособною раздѣленія*», и проч. «По ектеніи святителю обращающа къ людемъ и ставшу въ царскихъ дверехъ, діакону же рекшу: Господу помолимся... святитель (надъ колѣнопреклоненными) глаголетъ молитву велегласно: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, всегда благая и полезная о рабѣхъ твоихъ промышляяя, и образы къ спасенію предлагаяя, и всякому доброму предложенію благопоспѣшествуяя, въ ветсѣмъ завѣтѣ рабу твоему законоположнику Моисею избрати мужа мудры, и художы, и разумичны, и поставити я обладати людемъ твоимъ повелѣвый; самъ же собою въ новой благодати дванадесять апостолъ и седмдесятъ учениковъ избравый, и Духомъ твоимъ святымъ въ видѣніи огненныхъ языкъ съшедшимъ умудривый,

и тѣми весь миръ просвѣтивый, и къ познанію Тебе, истиннаго Бога, съ Отцемъ и Духомъ твоимъ святымъ въ единомъ существѣ сущаго обративый: Ты и нынѣ, смиренно молимъ тя, *избери и благослови раба твоего сею честнаю іеромонаха* (имя рекъ) и *Духомъ твоимъ Святымъ просвѣти и укрѣпи умъ ея, въ еже мудро и твоему челоуколюбію благоугодно святуя обитель и училища сія къ умноженію великолѣпныхъ славы всесвятаю имени твоего правити, строити же и окормляти, и смиренномудрно въ всякой любви, святини жъ и кротости святому твоему стаду, въ святой обители сей въ имя твое собранному, началствовати, и во всѣхъ добродѣтелехъ, благочестіи же и страси твоемъ, тѣхъ обучати и предводити»...* и проч. По окончаніи молитвы, ликъ: Аминь. Архидіаконъ: Главы ваша Господеви преклоните. Ликъ: Тебѣ Господи. Святитель глаголетъ молитву тайно: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, вселившийся въ сердца дванадесяти апостолъ твоихъ нелицемѣрно благодатію Святаго Духа, съшедшаго въ виденіи огненныхъ языкъ, и сихъ премудривый глаголати инѣми странными языки: самъ и нынѣ послѣ въ сердце и въ уста раба твоего іеромонаха (имя рекъ) духа премудрости, разума»... и проч. Молитва заканчивается возгласомъ: «Ты бо еси просвѣщение»... и проч.—«*Посемъ абіе колѣнопреклонивый встанетъ, и станетъ предъ святителемъ. Святитель же, возьмъ посохъ шуменскій, дасть ему, маюля: «Прими жезлъ сей, брате, мною отъ руки Христовой тебе подаемый, имъ же опасно со всякимъ вниманіемъ блюди преданную ти мною службу»...* и проч. Послѣ сего «возмъ (святитель) правила иноческаго, подасть ему, глаголя: Прими, брате, правила и законы иноческаго общежительнаго устава, и виждь яко отъ руки Христовы мною тебѣ и всему святому собранію святыхъ обители сея преподаются»... и проч.—Чинъ заканчивается сугубою ектенією, въ которую тоже включены соотвѣтствующія случаю прошенія.

⁴⁰⁾ Съ такимъ исключеніемъ встрѣчаемся почти въ самомъ началѣ XVIII столѣтія: Гедеонъ Одорскій до избранія своего на ректуру въ кіево-могилянскою коллегію *не состоялъ въ ней преподавателемъ* (не былъ и воспитанникомъ коллегіи; подробности о немъ см. въ упомянутой нашей статьѣ: *Гедеонъ Одорскій*).

41) Объ этомъ свидѣтельствуя въ довольно значительномъ количествѣ сохранившіяся (въ кievскихъ архивахъ: консисторскомъ, кievо-выдубицкаго монастыря и друг.) представленія ректоровъ Академіи кiev. митрополитамъ. Они обычно дѣлались въ началѣ каждаго учебнаго года, причемъ иногда указывалось нѣсколько кандидатовъ, способныхъ занять ту или иную каеэдру. Иногда такихъ кандидатовъ намѣчалъ и *прилашалъ* къ занятію каеэдры самъ митрополитъ (см. письмо митроп. Варлаама Ясинскаго къ Прокопію Колачинскому, отъ 24 іюня 1695 г., напечатанное въ *Лѣтописи Самоила Величко*, изд. 1855 г., въ Кіевѣ, т. III, стр. 348—352). О заботливости Варлаама Ясинскаго при замѣщеніи академическихъ каеэдръ въ самомъ началѣ XVШ стол., когда участвовавшіе вызовы въ Москву преподавателей Академіи ставили ее въ затруднительное положеніе, свидѣтельствуеетъ письмо сего митрополита къ Стефану Яворскому отъ 29 марта 1701 года (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Дѣла Малорос. Приказа*, № кн. 83, л. 471).

42) Объ этомъ свидѣлствуютъ упомянутыя въ предшествующемъ примѣчаніи представленія ректоровъ митрополитамъ.

43) Однако дѣлать изъ констатированнаго факта (что съ переходомъ наставника на другую высшую каеэдру переходили вмѣстѣ съ нимъ и оказавшіе хорошіе успѣхи воспитанники) *широкія обобщенія и выводы*, отъ общаго къ частному, должно съ большою осторожностію, во избѣжаніе ошибокъ. Одна изъ такихъ ошибокъ, и именно вслѣдствіе указаннаго широкаго обобщенія, допущена въ не-разъ упомянутомъ сочиненіи проф Н. И. Петрова: *Кiev. Академія во второй половинѣ XVШ стол.* «Въ 164⁸/1 учебномъ году—читаемъ здѣсь—профессоромъ реторики въ кievо-братскоѣй коллегіи былъ Лазарь Барановичъ. По естественному порядку вещей, въ слѣдующихъ 164⁷/8 или 164⁸/8 учебныхъ годахъ, Лазарь Барановичъ долженъ бы былъ перейти на каеэдру философіи; но этого на самомъ дѣлѣ не случилось, потому что непосредственный ученикъ Лазаря Барановича по инфимъ и реторикъ Іоанникій Галятовскій уже не былъ ученикомъ его въ философскомъ классѣ. Слѣдовательно философію въ 1647—1648 г.г.

преподавалъ кто-либо другой...» (дальше дѣлаются предположенія кто могъ быть этотъ другой, куда выбылъ изъ Кіева Барановичъ и т. п.; см. стр. 22—23).—Но тотъ фактъ, что Галятовскій, будучи ученикомъ Барановича въ инфимѣ и реторикѣ, не слушалъ его лекцій по философіи, отнюдь не даетъ основанія для категорическаго утвержденія, что послѣдній и не преподавалъ философіи, ибо передвиженіе наставниковъ изъ одного класса въ другой не всегда сопровождалось такимъ же передвиженіемъ *и всѣхъ, даже даровитыхъ*, ихъ слушателей (послѣдніе могли заблѣвать, отправляться для образованія за-границу и т. п.). А что это имѣло мѣсто и въ данномъ случаѣ,—существовать свидѣтельство несомнѣнное.

Извѣстіе, что Іоанникій Галятовскій былъ ученикомъ Лазаря Барановича въ инфимѣ и реторикѣ, имѣетъ своимъ первоисточникомъ заявленіе самаго Галятовскаго. Посвящая Барановичу свое сочиненіе: *Stary Kościół Zachodni nowemu Kościolowi Rzymskiemu Pochodzenie Ducha Ś. od Ojca samego pokażcie...* et сает. (1678 г.),—онъ въ обширной посвятительской предмовѣ, распространившись о благодѣянїяхъ, оказанныхъ ему Барановичемъ, отмѣчаетъ между послѣдними и то, что «когда онъ—Галятовскій—началъ учиться въ кїевскомъ коллегіумѣ, велебный милостивый панъ (т. е. Л. Барановичъ) былъ его первымъ магистромъ въ инфимѣ и грамматикѣ, а потомъ его профессоромъ и въ реторикѣ»... Но *въ этой же посвятительской предмовѣ*, только нѣсколько выше, гдѣ рѣчь идетъ о высокихъ дарахъ, коими надѣленъ отъ Господа Барановичъ,—дарахъ, которые онъ въ землю не зарылъ, а щедро надѣляетъ ими и другихъ людей,—говорится, между прочимъ, и *объ его преподаваніи въ кїевской коллегіи философіи*. «Первѣе всего—читаемъ здѣсь—тѣ дары ты раздавалъ съ каедръ школьной, въ то время, когда *въ кїевской коллегіи*, собравшимся сюда для изученія свободныхъ наукъ, молодымъ людямъ преподавалъ философію. (Te dary .. naprzod z Cathedry szkolney, ucząc w Collegium Kiiowskim, młodzi, dla dostapienia wyzwolonych nauk zromadzoncy, podawales, gdy *Philosophią tradowales...*»).

44) Исторія Кіевскої Академіи. Соч. воспитанника ея ієромонаха *Макарія Булакова* (впослѣдствіи митрополита московск.). Спб. 1843 г., стр. 52.

45) Акты кієво-братскаго монастыря и Академіи, собранныя В. Аскоченскимъ (рукоп. библи. Кіев. Академіи), т. II, № 5.— Этотъ интересный документъ легъ въ основу статьи, помѣщенной нами въ апрѣл. книжкѣ *Кіевской Старины* за 1889 г., подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи Кіев. Академіи за XVIII столѣтіе».

46) Ibid.

47) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повѣтъя*; № кн. 38, л. 27 и слѣд.; *Ibid.* № кн. 42, л.л. 36—40. Срав. *Ibid.* № кн. 8, л. 17 об.; *Ibid.* № кн. 12, л. 36; *Ibid.* № кн. 14, л.л. 4—5.—Всѣхъ торжественныхъ молебновъ, соборне духовенствомъ совершаемыхъ, къ концу XVII стол. было одиннадцать. Обычная плата за нихъ была такая: митрополиту по 5 рублей, игуменомъ по полтинѣ, намѣстникомъ по полуполтинѣ, ієромонахомъ и ієродіакономъ по гривнѣ у молебна». (*Ibid.* *Дѣла Прав. Сената по Малорос. экспедиціи*, № кн. 5/1732, л. 229). Но съ 1697 года дача за молебны была убавлена. Въ только что процитованномъ документѣ—указѣ отъ имени государя (отъ 12 февр. 1703 г.), посланномъ въ Кіевъ въ отвѣтъ на челобитную кіевскаго духовенства,—читаемъ: «Съ пріѣзду въ Кіевъ боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго съ товарищи, дается имъ игуменомъ, ієромонахомъ, ієродіакономъ, противъ вышечисленной дачи *съ убавкою*, а въ иные дни на наши Государскіе ангелы у молебнаго пѣнія и ничего имъ не дается; и нынѣ били челомъ намъ, Великому Государю, кіевскихъ монастырей игумены и намѣстники и ієромонахи и ієродіаконы, съ прошлаго де со 184 (1675—1676 г.г.) по 205 (1696—1697 г.) годъ, по нашему Великому Государю указу давано имъ на наши Государскіе ангелы за молебное пѣніе по вся годы, а нынѣ даютъ имъ въ году только въ 2-хъ числѣхъ: іюня 29, да марта 31-го, а въ прочихъ 9-и числѣхъ не даютъ, и намъ Великому

Государю пожаловати бы ихъ: велѣть съ прошлаго 205-го года по нынѣшній 1703 годъ *недодаточныя молебныя деньи имъ выдать и впредь давать имъ противъ прежнихъ дачъ, почему давано имъ со 184 г. по 205 годъ*. Государь указалъ: «кіевскихъ монастырей игуменомъ, іеромонахомъ и іеродіакономъ, которые будутъ на наши Государскіе ангелы въ соборной церкви съ богомольцемъ нашимъ, съ преосвященнымъ Варлаамомъ Ясинскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ и Малыя Россіи, у молебнаго пѣнія *въ дѣйствѣ и въ облаченіи*, молебныя деньи въ нынѣшнемъ 1703-мъ году *давати на всѣ дни столна*, почему имъ давано до 205-го года изъ Кіевскихъ доходовъ, и тѣ дачи записывать въ Кіевѣ въ Приказной палатѣ въ расходныя книги и въ смѣтные годовые списки: писать имянно всякаго порознь и особо статьею по именамъ; а впредь по чему имъ игуменомъ, и іеродіакономъ, и іеромонахомъ на наши Государскіе ангелы отъ молебнаго пѣнія давать, о томъ нашъ, Великаго Государя, указъ присланъ будетъ впредь».—(Срав. *Ibid. Кн. Кіев. Повѣтъя*, № 37, л. л. 2—5).—Оплачивалось также, по опредѣленной тактѣ, и панихидное пѣніе. (*Ibid. Кн. Кіев. Повѣтъя*, № 6, л. 32 об.; № 8, л. 15 об.; № 29 л. л. 46, 47 и друг.).

48) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повѣтъя*, № кн. 38, л. 30; № кн. 42, л. 37 и друг.—Обычно давалось «по десяти алтынъ».

49) Ректору и префекту давались иногда митрополитомъ почетныя порученія, что—разумѣется—соединено было съ нѣкоторыми матеріальными выгодами. Такъ въ 1692 году ректоръ кіево-могилянскій коллегіи Іоасафъ Кроковскій и *префектъ Силуанъ Озерскій* посланы были митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ г. Вильно для ознакомленія на мѣстѣ съ волненіями («смятеніями»), происходившими въ Виленскомъ православномъ братствѣ, «для разсмотрѣнія чину духовнаго и для избранія старшаго Виленскаго». (Обширный отчетъ объ этой поѣздкѣ, составленный Кроковскимъ, находится въ упомянутомъ дѣлѣ 1693—1694 г. г., хранящемся въ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Отчетъ этотъ, *отъ начала до конца избилующій цѣнными исто-*

рическими данными, приготовленъ нами къ печати и войдетъ въ одинъ изъ первыхъ томовъ *Матеріаловъ*, уясняющихъ прошлое нашей Академіи, появленіе которыхъ въ свѣтъ, благодаря *живѣйшему участию* въ семъ дѣлѣ пресвященнаго отца ректора нашего, можно ожидать не въ отдаленномъ будущемъ).—«Въ (1)712 году августа въ первыхъ числѣхъ присланы были изъ Кіева отъ митрополита игуменъ Кириловскій Евстратій Санбуровичъ *да префектъ училищъ кіевскихъ Селивестръ Пиковскій для осмотра по церквамъ блаочинія* въ протопопію Гадицкую» и другія три (Арх. Минист. Иностр. Дѣль. *Дѣла Малорос.* 1712 г., № 38).—Въ 1703 г., ректору Академіи Гедеону Одорскому дано было порученіе освятить въ Бѣлой Церкви костель, отобранный отъ католиковъ (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Книги Кіев. Повѣтъя*, № 39, л. 229 об.).—Въ 1692 году на освященіе «мурованной» церкви Преображенія Господня въ монастырѣ мгарскомъ лубенскомъ вмѣстѣ съ митрополитомъ приглашены были многія духовныя лица города Кіева, а въ томъ числѣ и ректоръ кіево-могилянскои коллегіи Іоасафъ Кроковскій.—Разумѣется, подобныя приглашенія случались не часто; но все-таки случались и иногда оплачивались щедро. Приведемъ здѣсь очень любопытную выдержку о расходахъ мгарскаго монастыря при освященіи упомянутой Преображенскои церкви, записанныхъ современникомъ въ мѣстную лѣтопись, подъ рубрикою: *За посвященіе церкви кому яка нагорода была*. «Напредъ,—читаемъ здѣсь,—Ясне въ Богу Преосвященному его милости митрополиту отцу Варлааму Ясинскому червонихъ двадцять и талярей двадцять; колясу пароконную с конми и шорами, и с коверцами, и что до коляси належить, и другую колясу пароконную с конми бѣлыми и с коверцами; палубъ пароконный и што въ палубъ належить; возовъ с конми шесть простихъ, з накладама жита осмачокъ пятьдесятъ, пшеницѣ осмачокъ двадцать; и еще коверцовъ два; роструханъ з цокрышкою великій позлоцѣстій.

Отцу Силвестру Головчичу, игумену Золотоверхомихайловскому, червонихъ пять и талярей пять, и кубокъ срѣбній злоцѣстій дали.

Отцу Инокентію Монастырскому, игумену Святокирилскому, червонихъ пять, талярей пять и кубокъ злоцѣстій дали.

Отцу *Иоасафу Круковскому* (sic!), *иумену Святоニコлскому киевскому* (выше онъ титулуется и ректоромъ), червонихъ пять и талярей пять, и кубокъ злоцѣстій дали.

Диякону ею Косовскому два талляри дали.

Челяди ею два талляри дали.

Отцу Пахомію Прокоповичу, архидиякону пастирскому, червонихъ десять и талярей десять, и кубокъ злоцѣстій, и колясу пароконную московскую (за сѣмь рублей купили), и палубъ с конми, и наметъ дали.

Отцу Мелетию, архидиякону пастирскому и подскарбому, червонихъ десять и талярей десять; дали и роструханъ.

Поповскому, сестренцевѣ пастирскому, ложекъ двѣ складанихъ, сребранихъ, пстро позлоцѣстихъ дали в талярей двадцать.

Отцу Антонию Левенцу, писару пастирскому, червоного и три талляри дали.

Отцу Иосифу Стрижевскому, подархидиякону, червоного и пять талярей дали и колясу.

Отцу Іанникию Селѣтовичу, дякону пастирскому, червоного и пять талярей дали.

Отцу Иустину Базѣлевичу, казнодѣи, червоного и три талляри дали.

Отцу Захарію Корнилевичу червоного и два талляри дали.

Отцу Ефрему Смѣдинскому, капелану пастирскому, червонихъ два и талярей пять, и кубокъ злоцѣстій дали.

Отцу Анфилохію, кухмистру, талярей пять дали.

Кухарамъ и паштетникомъ золотихъ двадцать дали.

Каленнику, слузѣ покоевому, талярей пять дали.

Трояновскому, также слузѣ, талярей пять и опанчу дали.

Ластовскому, конюшому пастирскому, талярей шесть и опанчу дали.

Хлопцамъ пастирскимъ двомъ чотирѣ талляри дали.

Спѣвакамъ десять золотихъ дали.

Возницямъ пастирскимъ десять золотыхъ дали».

Далѣе идутъ расходы при освѣщеніи церкви на угощеніе, очевидно, громадной массы народа. (Изъ рукописи, принад-

лежащей священнику Полтавской епархии о. В. Романову. Около половины этой рукописи занимает: «Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи святаго обители монастыря Густинскаго святаго живоначальнїя Троицы храма: въ лѣто Бытія мира 7111, отъ воплощенія же Бога Слова тысяча шесть сотъ тринадцатого, мѣсяца мая пятого дня»,—лѣтописецъ почти ничѣмъ,—кромѣ незначительныхъ вариантовъ,—не отличающійся отъ изданнаго въ Читеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1848 г.; но вторая половина его, состоящая изъ разнаго рода документовъ и замѣтокъ,—въ полномъ видѣ еще не издана. Въ настоящее время приготовлена къ изданію помянутымъ о. Романовымъ, которымъ сообщена намъ для нѣкоторыхъ указаній при предположенномъ ея изданіи).

50) См. цитованное выше письмо Θεоф. Прокоповича къ кіев. архіепископу Рафаилу Заборовскому, отъ 8 марта 1736 года.

51) Подробнѣе см. въ упомянутой нашей статьѣ: «Очерки изъ исторіи Кіев. Академіи за XVIII стол.».

52) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ, 1865 года. Письмо 30.

53) О многочисленности воспитанниковъ Кіев. Академіи свидѣтельствуетъ москов. священникъ Іоаннъ Лукьяновъ (см. «Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей». Кіевъ, 1874 г., отд., II, стр. 121).—Болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ учащихся въ Академіи («болѣе 2000») находятся въ «Запискахъ» датскаго посланника при Петрѣ Великомъ Юста Юля, бывшаго въ іюнѣ—іюлѣ 1711 года въ Кіевѣ (см. переводъ съ датскаго сихъ Записокъ Ю. Н. Щербачева въ *Чтен. Импер. Общества Исторіи и Древ. при Москов. Университетѣ* за 1899 г., кн. 3, отд. III, стр. 346).—Чума, свирѣпствовавшая въ Кіевѣ съ марта 1710 г. по январь 1711 года, когда жители разбѣгались изъ города, разознала большинство и питомцевъ Академіи (оставалось въ 1711 г. только около 100,—о

чемъ см. того же Юста); но, разумѣется, это было явленіемъ временнымъ.

5*) Помѣщаемъ въ полномъ видѣ инструкцію, данную академическимъ начальствомъ для воспитанниковъ, размѣщавшихся въ домахъ при кіевскихъ церквахъ,—инструкцію, по времени относящуюся къ половинѣ XVIII стол., но, безъ сомнѣнія, констатирующую бытовья черты и болѣе ранняго времени.

«ИНСТРУКЦІЯ

находящимся по школамъ при церквахъ Кіевоподолскихъ студентамъ, въ Академіи Кіевской 1750 года, февраля « » дня сочиненная.

1.

Въ началѣ которіе студенты желаютъ въ школѣ жить, входилибъ въ онія непремѣнно за благословеніемъ настоятелей; которимъ студентомъ, ежели будутъ угодни къ пѣнію или чтенію церковному, или хотя и неуютни явятся, однакъ ежели не с природы неуладни, но толко потому, что в томъ не обучалися, а обучатися прямо желаютъ, от отцевъ настоятелей, ежели не послѣдуетъ добримъ, прежде въшедшимъ въ школу, студентамъ утѣсненія, не будетъ возбранено въ школѣ жить.

2.

На утренью ежеденно долженъ учрежденній сеніоръ вислать двоихъ студентовъ очередно, и буде ли гдѣ ихъ студентовъ много живеть, то и болше, для чтенія Псалтири, канонъ, и для пѣнія; а въ которой день въ школахъ латинскихъ не обучаются, яко то въ недѣльные, праздничніе, а найпаче выкторіальные и высокаторжественніе дни,—то всѣ, сколко ихъ живеть въ школѣ, должны быть на всѣхъ отправахъ церковныхъ на крилосахъ, развѣ единого оставить на куренѣ, и то такого, который менше годится.

3.

Гдѣ (при) всякой школѣ двѣ избѣ, то одна должна быть студентамъ въ жильѣ, а другая дячку для обученія прихожанскихъ
Кіевск. Академія въ концѣ XVII и нач. XVIII стол.

дѣтей, ежели онихъ прихожанскихъ дѣтей будетъ довольно, и по пропорціи числа студентовъ; буди же малое число таковыхъ прихожанскихъ дѣтей, а студентовъ много, то студенты і въ дячковской избѣ должны мѣститися, безъ всякой обыди дячку. А естли в школѣ одна изба, то должны битъ в ней два стола: еденъ для студентовъ, а другой для дячка и для прихожанскихъ, у него обучающихся, дѣтей, и тіе столи били бѣ такоужъ по пропорціи студентовъ и прихожанскихъ дѣтей, почему студенты дѣтей прихожанскихъ от их стола отганять и книжками их об землю бросать отнюд не должны.

4.

Церковніе книги для клироса въ дячковомъ вѣдомствѣ быть должны и безвѣдома настоятеля или дячка онихъ студенты отнюд не бралиб къ себѣ.

5.

Учащихся дѣтей у дячка русской грамоти до себе студенты не отнимали бы, и не переманивали бы, развѣ бы самъ отецъ настоятель, по усмотрѣнію своему, или родитель учащагося (яко в волѣ отческой дѣти состоятъ) поручилъ сына своего въ наученіе студенту; в такомъ случаѣ, такоужъ и когда уже дѣти заправляются латини, дячокъ студентамъ не долженъ мѣшать.

6.

Естли покажется в какой школѣ сварливой между студентами, или непостоянной, или къ церквѣ вовся лѣнливій, то священникъ приходскій по третомъ увѣщаніи словесномъ, силенъ такогогъ вислатъ изъ школы без сношенія съ Академією.

7.

Мѣста въ школѣ и коморки въ жильѣ студентамъ, гдѣ кому по достоинству школы, прилежанію въ ученіи, постоянству, способности и раченію къ церквѣ, опредѣлитъ настоятель, тѣмъ бы всякъ и довольствовался, а сами бы собою мѣстъ и коморокъ не занимали.

8.

Опредѣлено въ первомъ пунктѣ, чтобы никто без настоятелскаго вѣдома въ школу не входилъ, а здесь опредѣляется, чтобы поживши въ школѣ, ежели которому на вакаціи либо епетиціи случится изъ школы отлучиться, то возвратившись с вакацій, паки долженъ благословитися у отца настоятеля входить въ школу. Такожъ и ежели бы якого съ собою нишаго привелъ, и того долженъ отцу настоятелевѣ представить и благословеніе на него взять. А многихъ мѣщанскихъ или священническихъ дѣтей, могущихъ на квартерахъ прокормитися, въ школу входит и съ ними коморки занимать, и тѣмъ другихъ утѣснять, отнюд студенты не дерзали бы.

9.

Гдѣ в шпиталяхъ калѣки, не могушіе звонить, или старцов мало, или вовся их нѣтъ, то когда звонить во всѣ звони надобно, таковая услуга хлопцами студентскими или самими студентами меншихъ школъ отправлятися должна.

10.

О праздникахъ Рождества и Воскресенія Христова съ крестомъ по прихожанамъ не должни всѣ студенты, въ школѣ живучіе, ходить, но имѣеть сеніоръ очередно, по три или четири человекъ, опредѣлять для полученія на всю бурсу милостини, и чтобы опредѣленіе, ходя, не похищали, не упивались и не задирались ни з сами съ собою ни съ дячкомъ.

11.

Чистоту по школамъ в метеніи избы, о бережност в паленіи печи и всякій порядокъ противъ общей бурси, во всемъ по школамъ содержанъ битъ долженъ.

12.

Наконецъ, вси студенты, живучіе по школамъ, священникамъ, а найпаче отцамъ настоятелямъ, досаждать, договаривать, фучать, противъ ихъ глаза викривлять и какъ нибудъ презируютъ ихъ, весма не дерзали бѣ; но напротивъ того должное имъ по

таніе чинили бѣ, и со всякою учтивостію пред ними обходилися бы, чимъ особливую къ себѣ отцевъ настоятелей склонность и благопрезрѣніе могут снискать; а противніи, какъ сему конечному, такъ и всѣмъ здѣ означеннымъ пунктамъ, безъ респекту, гдѣ надлежитъ. будутъ наказаны». (Съ копій, хранящейся въ Архивѣ Кіево-Выд. монастыря).

⁵⁵⁾ О «*бурсь Братское стѣвацкое*» упоминается въ «выписи з книгъ мѣскихъ права Магдебурского Ратуша кіевскаго», заключающей осмотръ (въ маѣ 1693 г.) имущественныхъ владѣній братскаго монастыря въ г. Кіевѣ, произведенный мѣстными властями по просьбѣ ректора Іоасафа Кроковскаго (см. *прилож.* къ сочиненію Н. Мухина: «Кіево-братскій училищный монастырь», № XXI, стр. 376.—Срав. Памятники Кіев. Ком. для разбора древ. актовъ. Изд. 1898 г., т. II, № XXXV, стр. 481).

⁵⁶⁾ *Возобновителемъ* конгрегацій, учрежденныхъ П. Могилою, преосв. Евгеній («Описание Кіево-Соф. собора». Кіевъ, 1825 г.; см. *прибавленія*, стр. 205) считаетъ ректора кіево-могилянскоѣ коллегіи Іоасафа Кроковскаго. Но такъ какъ свое заявленіе преосв. Евгеній не подкрѣпилъ ссылкой на документальныя данныя, то за послѣднее время этотъ фактъ подвергается сомнѣнію. «Надобно полагать,—пишетъ въ своемъ сочиненіи о «Кіевскоѣ Академіи за вторую половину XVII стол.» проф. Н. И. Петровъ (см. стр. 120), — что Іоасафъ Кроковскій *не возстановилъ устроенныя будто бы Петромъ Мошилою конгрегаціи*, но или одну прежнюю конгрегацію раздѣлилъ на двѣ, т. е. на меньшую для учениковъ низшихъ классовъ, съ посвященіемъ ея св. Владиміру, и на большую для студентовъ богословія и философіи, съ посвященіемъ Борису и Глѣбу, или же, что вѣроятнѣе, далъ прежнимъ конгрегаціямъ новыя названія».—Но дѣло было именно такъ, какъ представляетъ его преосв. Евгеній, т. е. что *возобновителемъ* конгрегацій (точнѣе, *конгрегаціи*, на двѣ части подраздѣлявшейся) былъ Кроковскій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохраняющееся до настоящаго времени въ конгрегаціонной церкви Евангеліе въ серебрянномъ окладѣ («Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа, и при немъ

Псалтирь», изд. 1692 г. въ Кіево-Печ. Лаврѣ, in 4), пожертвованное 25 марта 1701 года Іоасафомъ Крочовскимъ, въ то время архимандритомъ кіево-печерской Лавры, и на окладѣ имѣющее надпись, констатирующую указанный фактъ. Евангеліе это извѣстно было В. Аскоченскому: онъ даже приводитъ надпись, вычеканенную на его окладѣ,—но приводитъ въ страшно искаженномъ видѣ, что и не избавило изслѣдователей (Н. И. Петрову надпись, искаженная Аскоченскимъ, была извѣстна) отъ недоразумѣній. Приводимъ надпись, какъ она вычеканена на окладѣ упомянутаго Евангелія:

«Hoc sanctum Iesu Christi Evangelium obtulit *sodalitati | Marianae Kiiivomohilaeanae* in perpetuum usum Illustrissimus | ac Reverendissimus in Christo Pater Iosaphus Krokowski, Sacrae Thaumaturgae Lavrae Pieczariensis Abbas Emeritissimus, *Erector Congregationis ejusdem post Mohilam piae Memoriae primus.* anno quo Deus erexit lapsum hominem, 1701 Martii 25» ¹⁾.

На нижнихъ поляхъ этого Евангелія (начиная съ 5-го по об. 16 включительно) находится слѣдующая собственноручная надпись (полууставомъ) тогдашняго ректора кіево-могилянскоі коллегіи Прокопія Колачинскаго: «Сіе Божественное Евангеліе надавъ по милости своей | Ясне въ Богу Превелебный Его Милость Господинъ отецъ | Іоасафъ Крочовскій, Архимандрита святія великія чудотворніа Лавры Печерскіа Кіевскія | до Собранія Младенческаго подъ именемъ | Благовѣщенія Пресвятія Дѣвы Богородици, въ Колеюмъ | Братскомъ Кіевскомъ обрѣтающагося, которое | Евангеліе да никтоже отъ тогожде Собранія дерзнетъ оддалити, себѣ употребляючи | подъ неблагословеніемъ Божиимъ, и запрещеніемъ Пресвятои Дѣвы Богородици, тое Собраніе сыновъ своихъ | покровомъ святымъ своимъ соблюдающей, сице подъ писаніемъ руки моеи власной дерзнухъ извистити, | аще и не достоинъ, Прокопій Колачинскій, ректоръ | и Ігуменъ мона-

¹⁾ Приводимъ надпись, какъ она напечатана В. Аскоченскимъ: «Hoc sanctum Evangelium obtulit societati Marianae *Academiae Kiiioviensis rector emeritissimus, archimandrita Kiiivopieczariensis Lavrae sanctae Iosaphus Krokowski* anno, quo Deus exerit lapsum hominem, 1701 Martii 25». (Кіевъ съ древѣйшимъ училищемъ—Академією, т. I, стр. 261).

стыря Братского Кіевского, року **МѢ** (1701), мѣсяца марта, дня **КѢ** (25)».

⁵⁷⁾ См. печатное «Извѣщеніе вкратцѣ како сооружися Божественное Евангеліе», пожертвованное въ началѣ XVIII стол. въ конгрегационную академическую церковь бывшими коллегіатами.—Извѣщеніе это вполнѣ перепечатано нами въ *примѣч.* къ статьѣ о *Гедеевѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 622—628).

⁵⁸⁾ Видепрефекты назывались также *ассистентами*, нотаріи—*секретарями*. Приводимъ здѣсь подписи на прошеніи представителей конгрегаций, отъ 5 ноября 1725 года (внизу прошенія на правой сторонѣ): «*Теодоръ Трофимовичъ*, Большой конгрегациі *Префектъ*.—*Андрей Нарожнѣцкій*, *Ассистентъ первый* той же конгрегациі.—*Тихонъ Щербацкій*, *Секретарь* той же конгрегациі.—*Николай Величковскій*, *Ассистентъ* той же конгрегациі.—*Теодоръ Волянскій*, *нотарій* того же собранія».—Противъ этихъ подписей, на лѣвой сторонѣ: «*Иоанъ Богдановичъ*, *префектъ* меншой конгрегациі.—*Василій Зарудній*, *ассистентъ* первый той же конгрегациі.—*Михайло Велецкій*, *Ассистентъ* вторій.—*Иоанъ Пѣковецъ*, *секретарь* меншой конгрегациі.—*Петръ Галецкій вице-секретарь*» (Румянцовскій Музей въ Москвѣ. *Собрание рукоп. Лукашевича*, № 375).

⁵⁹⁾ См. только что процитованный (въ *примѣч.* 58) документъ, заключающій жалобу конгрегациі о возвращеніи взятыхъ у нея заимообразно 1000 злотыхъ, доселѣ неуплаченныхъ. Это—подлинникъ. На немъ сохранился и оттискъ печати конгрегационной.

⁶⁰⁾ См. «Краткое извѣстіе о началѣ Кіев. Академіи... и проч., помѣщенное въ *прибавленіяхъ* къ «Описанію Кіево-Соф. Собора» (Кіевъ, 1825 г.), подъ № 41.—Ученики низшихъ классовъ коллегіи, выпрашивая по домамъ подаваніе, обыкновенно пѣли стихи, начинавшіеся словами: «*Миръ Христовъ* да водворяется въ домахъ вашихъ (или: въ сердцахъ вашихъ), за молит-

вами отецъ нашихъ»...,—почему это пѣніе и выпрашиванія назывались *миркованьемъ*.—Другіе способы пропитанія бѣдныхъ питомцевъ Академіи: «Въ вакаціи лѣтнія, составилъ изъ себя артели, уходили они по разнымъ губерніямъ и слободскимъ полкамъ для збору подаяній, пѣвали по церквамъ приходскимъ службы, а по домамъ разныя канты, и также говорили рѣчи, представляли діалоги, комедіи, трагедіи и проч. Сіи хожденія назывались *епетиціями*». (До нашего времени сохранилось нѣсколько удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ отъ академическаго начальства для такихъ, отправлявшихся на вакаціонныя сборы, воспитанниковъ). «Лучшіе студенты и ученики, по выбору и назначенію префекта Академіи, имѣли пропитаніе отъ шляхетныхъ достаточнѣйшихъ дѣтей, жившихъ по квартирамъ, нанимаясь у нихъ въ инспекторы надъ ученіемъ и поведеніемъ, и такой наемъ назывался *кондиціею*».—Этотъ обычай видимъ въ кіево-могилянскоѣ коллегіи съ первыхъ годовъ ея существованія (см. наше сочиненіе: «Исторія Кіев. Дух. Академіи. Вып. I, Кіевъ, 1886 г.—прилож., № XI, стр. 78; о началѣ XVIII стол. см. рукоц. Кіево-Соф. Библ., № 219 in fin.; въ духовномъ завѣщаніи Ивана Берла,—отца извѣстнаго Арсенія Берла, епископа переяславскаго, питомца кіево-могилянскоѣ коллегіи,—говорится: «не безъ кошту и тое било черезъ колко роков намъ из жоною Мазапетовною господи наймовати, за науки школъ киевскихъ синамъ Василю и Арсенію инспекторамъ платити ютовизною и кому того часу належало». См. Кіев. Старину за 1899 г., № 1, стр. 126). Обычно кондиціи первѣе всего предоставлялись нуждавшимся ученикамъ богословскаго и философскаго классовъ. Уклоненіе отъ этого правила, напр., предпочтеніе риторовъ предъ богословами и философами,—вызывало со стороны послѣднихъ энергичныя протесты и жалобы къ митрополиту на академическое начальство.—Могли быть и другія случайныя (а потому не частыя и для не многихъ) источники вспомошествованій. Въ дневникѣ извѣстнаго шотландца Патрикія Гордона, въ 1684—1685 г.г. жившаго въ Кіевѣ, подъ 3-мъ ноября 1684 г., описываются похороны его недорослаго сына. Въ похоронной процессіи участвовали учителя и

ученики братской школы: послѣдніе участвовали въ качествѣ свѣченосцевъ и пѣвчихъ. По окончаніи церемоніи, передъ гробомъ два студента произнесли утѣшительныя рѣчи. Пѣвцамъ и обоимъ ораторамъ дано было 1½ рубля; а студентамъ, несшимъ свѣчи, двѣ гривны. (Извлеченія изъ означеннаго дневника въ *Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1875 г.; см. № 2, стр. 61). О произнесеніи студентами коллегіи рѣчей надъ гробомъ боярыни Шереметевой, *Ibid.*, № 5, стр. 194.

61) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ, 1874 г., отд. II, стр. 120—121.

62) Описаніе Кіево-Соф. Собора. Кіевъ, 1825 г. *Прибавл.*, № 41, стр. 208 и слѣд.

63) «Въ Философіи и Богословіи, вмѣсто экзаменовъ, были годовые публичныя диспуты, которые производились торжественнѣе по окончаніи двугодичнаго курса. Въ семь случаѣ наканунѣ диспутовъ, или въ тотъ день по утру, прибита бывала на святыхъ воротахъ Братскаго монастыря конклюдія предметовъ диспута большимъ разрисованнымъ листомъ. *Въ послѣднія же времена сіи листы бывали уже печатные съ посвященіемъ имени Архипастыря*» (*Ibid.*, стр. 224). Къ подчеркнутымъ словамъ слѣдуетъ сдѣлать поправку: «конклюдія» предметовъ диспута (тезисы) *печатались и въ XVII столѣтіи съ посвященіями ихъ митрополиту*. (Очевидно, обычай этотъ идетъ отъ временъ могилянскихъ). Приведемъ относительно этого извѣстіе изъ сочиненія Теофила Рутки конца XVII столѣтія, тѣмъ болѣе любопытное, что оно свидѣтельствуетъ объ одной слабой сторонѣ тогдашняго богословствованія коллегіатовъ, какъ не вполне еще освободившихся отъ латинскихъ догматическихъ воззрѣній. Вотъ это извѣстіе: «Collegium Kijowskie... sentencyi pobożney o Niepokalanym Poczęciu Panny Najświętszey mocno i zgodne (rozumie, że non sine Numine et Lumine Mariae) chwyciło, którą Papieżowie Rzymscy trzymają; co się iasne z roznych konkluzji tak filosoficznych iako i Theologicznych, w Kijowie drukowanych y tym wyznaniem iakoby zapieczętoowanych, pokazuię, a osobliwie z tych,

ktore tam R. P. 1695 wydrukowano i I. M. O. Barlaamowi Iasienskiemu, Metropolicae Kijowskiemu, przypisano. Во сїє в них слова conclusionе 7 najduią: «Beatissima haec sponsa, et ante partum, in partu, et post partum est Virgo sine labe Originali concepta» (*Herby albo znaki kościoła Prawdziwego.. et caet. Lublin, 1696 г.*).

64) «Въ прежднія времена—говорить преосв. Евгеній—не только академическіе учителя, но и сторонніе, и ученые ино-вѣрцы допускаемы были предлагать на разрѣшеніе свои возраженія, и часто диспуты происходили жаркіе по нѣскольку часовъ» (Описаніе Кієво-Соф. собора. *Прибавл.* стр. 224). Мы уже упомянули (см. *примѣч.* 16), что въ 1646 году былъ даже трех-дневный диспутъ кієвскихъ коллегіатовъ съ іезуитомъ Циховскимъ (два дня онъ происходилъ въ самой коллегіи. а одинъ день въ кієво-нікольскомъ монастырѣ, гдѣ въ то время настоятельствовалъ Исаія Трофимовичъ Козловскій, бывшій предъ тѣмъ ректоромъ коллегіи. Но, разумѣется, диспутъ этотъ былъ изъ ряда обычныхъ выходящій).

65) Въ упомянутомъ дневникѣ Гордона есть извѣстіе, что онъ *въ великую пятницу* со многими другими отправился *въ Братскій монастырь*, чтобы быть тамъ *на школьной церемоніи* (Shulactus),—которая, надо полагать, состояла въ произнесеніи приличныхъ случаю діалоговъ воспитанниками коллегіи *въ самой церкви* (какъ, напр., это бывало во Львовскомъ братствѣ).

Что діалоги, комедіи и т. п. составлялись не только профессорами поэтики, но и учениками, притомъ коллективно, объ этомъ свидѣлствуютъ находящіяся на нѣкоторыхъ изъ такихъ произведеній замѣтки съ указаніями на ихъ авторовъ.

66) Трехсвятительская и Воздвиженская церкви, съ ихъ угодьями. приписаны были къ кієво-братскому монастырю *въ 1638 году* (подробности см. въ нашемъ сочиненіи: «Кієв. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники». Кієвъ, 1898 г., т. II, стр. 435 и слѣд.). О судьбѣ Трехсвятительской церкви см. нашу статью въ Трудахъ Кієв. Дух. Академіи за 1899 г., № 1, подъ заглавіемъ: «Къ исторіи Трехсвятительской церкви въ

XVII стол.»—Воздвиженская церковь «въ 184 (1676—1677) году, въ приходъ неприятелискихъ крымскихъ людей, отъ пушечной стрѣльбы сгорѣла». Въ 1690 году, когда въ Братскомъ монастырѣ приступлено было къ постройкѣ каменной Богоявленной церкви въ замѣнъ небольшой деревянной того же имени, послѣдняя была перенесена на мѣсто сгорѣвшей Воздвиженской и освящена во имя св. апостола Андрея Первозваннаго, съ каковаго времени носила двойное названіе—*Андреевской* и *Воздвиженской*. Подробности объ этомъ см. въ обширномъ примѣчаніи къ нашей статьѣ о *Гедонѣ Одорскомъ* (Труды Кіев. Дух. Академіи, 1900 г., № 12, стр. 614—619). Благовѣщенская церковь до пожара 1658 г., помѣщалась «въ самыхъ воротахъ» (не вблизи ли воротъ?) Братскаго монастыря («Путешествіе антиох. патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в.» Павла Алеппскаго. Переводъ Г. Муркоса, вып. II, Москва 1897 г., стр. 78). Борисоглѣбская небольшая церковь была въ каменной трапезѣ, о чемъ см. Москов. Арх. Минист. Юстиціи; *столбцы Малорос. приказа*, № 5921, а также «древнѣйшій рисунокъ» этой иконы, сдѣланной въ 1706 г. Иларіономъ Мигурою, съ надписью къ нему (Надпись эта приводится у В. Аскоченскаго на 346 стр. 1 ч его «Кіева съ древнѣйшимъ училищемъ Академіею»). О торжественномъ совершеніи Богослуженія «въ день памяти великаго князя Владиміра *въ нижнемъ городѣ, въ Братскомъ монастырѣ*», упоминаетъ Гордонъ (Кіев. Епарх. Вѣд., 1875 г., № 11 стр. 378).

67) Москов. Архивъ Минист. Юстиціи. *Книги Кіев. Повѣтъя*. № кн. 11, л. 105; *Ibid.* № кн. 12, л. 126; *Ibid.* № кн. 33 (1699 г.), л. 71 и друг.—Въ это время пальба происходила и изъ пищалей, находившихся на городскихъ укрѣпленіяхъ. «Генваря въ 6 день, на праздникъ Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, стрѣляли по большому и по меньшому городѣхъ изъ большихъ и изъ малыхъ изъ 25 пищалей, въ томъ числѣ изъ одной голанской пищали, и на ту стрѣльбу изошло зелья пушечнаго 7 пудовъ, 33 гривенки, да ручного зелья на затравки 32 гревенки, 75 мѣшковъ холщевыхъ пушеч-

ныхъ большихъ и малыхъ, да на пыжи 4 пуда пеньки, 10 гривенокъ фитилю варенаго» (*Ibid.* № кн. 9, 1684 г., л. 103 об.). Срав. извлеченіе изъ Дневника Патрікія Гордона (Кіев. Епарх. Вѣдом. за 1875 г., № 5 стр. 185—186). Съ такою же торжественностію (разумѣется, сообразно съ обстоятельствами нѣсколько видоизмѣнявшеюся) праздновалось въ Кіевѣ Богоявленіе и во всѣ послѣдующія времена, какъ празднуется и на нашихъ глазахъ. Приведемъ указаніе объ этомъ отъ начала прошлаго столѣтія. Въ дневникѣ кіев. митрополита Серапіона (обширная рукопись, принадлежащая намъ) подъ 6 января 1805 г., между прочимъ, читаемъ: «Въ 9 часовъ поѣхалъ служить въ Братской Богоявленской монастырь въ парадной каретѣ, и были тогда присланы отъ общества градскаго четыре верховыхъ для препровожденія до монастыря. У монастыря встрѣченъ во святыхъ вратахъ со крестомъ и со всѣми служащими; обѣдню служилъ, по обычаю, съ архимандритами братскимъ и Самуиломъ пріѣзжимъ. Проповѣдь говорилъ братскій архимандритъ и ректоръ, хозяинъ; народу и господъ было довольно въ церквѣ, былъ и военный губернаторъ. Послѣ обѣдни ходилъ на воду со всѣмъ духовенствомъ на рѣку Днѣпръ... Народу при сей церемоніи очень много было и при началіи пѣнія: Во Иорданѣ крещаящуся, пушала ракеты и палили въ пушки, а потомъ троекратный былъ выстрѣлъ изъ ружей олоно. Возвратился въ церковь монастырскую.. шелъ изъ церкви въ мантии, съ духовенствомъ, предносимымъ отъ ключаря крестомъ, при звонѣ, въ домъ Магистратской, гдѣ всѣ первейшіе чиновники и военный генералъ губернаторъ дожидали насъ. При входѣ въ домъ на крыльцѣ встрѣчены войтомъ и всѣми чиновниками магистрата; по входѣ въ покои была читана протодіакономъ ектенья, и потомъ отпускъ и многолѣтіе Государю Императору и всей фамиліи; потомъ подходили къ кресту и были мною кроплены святою водою; послѣ сего... были подчиваемы кофеемъ и чаемъ, и послѣ водкою.. затѣмъ пошли всѣ въ большую палату за столъ и, по обычаю ихъ, трактваны обѣдомъ, а при питіи за здоровье Императора, потомъ мое, а послѣ военнаго губернатора палили въ пушки и играли въ митавры; также потомъ пили за здоровье генералитета и всѣхъ

духовныхъ вмѣстѣ же, а послѣ войта съ чиновниками всѣми и съ мѣшанствомъ, а въ заключеніе войска ихъ, и тоже *палили для встѣхъ въ пушки*. Послѣ обѣда подчиваны вареньемъ и яблоками, кофеемъ и чаемъ,—и въ 4-мъ часу, въ исходѣ, изъ дому сего отѣхалъ провожень будучи до кареты всѣми чинами Магистрата и при ираніи въ стѣняхъ въ литавры, и восемь человекъ людей около кареты ѣхали верхами до моего дому, посланные отъ общества градскаго для почести провожать».

⁶⁸⁾ Памятники, изд. Кіев. Комм. Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXXII.

⁶⁹⁾ Описаніе Кіево-Соф. Собора. *Прибавл.*, стр. 223.—Поминовение П. Могилы совершалось въ день его кончины и въ кіево-печерской лаврѣ. Изъ наиболѣе содержательныхъ и хорошо составленныхъ проповѣдей «на рочины» Петра Могилы укажемъ на двѣ проповѣди Антонія Радивиловскаго, напечатанныя М. Марковскимъ въ его сочиненіи: «Антоній Радивилоскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в.» Кіевъ, 1894 г. (см. *прилож.* стр. 1—12).

⁷⁰⁾ Памятники, изд. Кіев. Комм. Кіевъ, 1898 г., т. II, № XXXII.

⁷¹⁾ Одинъ изъ катихизисовъ «содалесовъ» напечатанъ въ *прилож.* къ сочиненію Н. И. Петрова: «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII стол.» (см. стр. 147 и слѣд.)—Кромѣ напечатанной нами въ примѣч. 54 Инструкціи студентамъ, живущимъ при кіево-подольскихъ церквахъ, см. болѣе раннюю и, безъ сомнѣнія, то же констатирующую давніе обычаи инструкцію (1734 г.) въ соч. В. Аскоченскаго: «Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академією». Кіевъ, 1856 г., ч. II, стр. 102—108.—См. «Описаніе Кіево-Софійскаго собора», преосв. Евгенія; *прибавл.* стр. 219.

⁷²⁾ Безспорно, что Теофанъ Прокоповичъ принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины XVIII столѣтія. Онъ былъ «но-

второмъ и въ догматикѣ и въ проповѣдничествѣ, горячимъ врагомъ и схоластики съ риторствомъ, и латинства, почитателемъ, преимущественно, протестантскихъ богослововъ». Лекціи Теофана въ Академіи его недоброжелатели называли опасными, усматривая въ нихъ «новое ученіе». Лекціи эти дѣйствительно были новостью въ Академіи того времени, еще не совсѣмъ отрѣшившейся отъ богословствованія съ латинскимъ ртѣтникомъ (см. примѣч. 63).

73) Риторическихъ и поэтическихъ произведеній, въ особенности мелкихъ, сохранилось отъ разсматриваемаго времени весьма значительное количество. Большинство ихъ не предназначалось къ печати, и извѣстно по рукописнымъ оригиналамъ или спискамъ. Всякія торжества—имянины, крестины, свадьбы и т. п.,—если въ нихъ принимали участіе коллегіаты, не обходились безъ поздравительныхъ рѣчей и виршей,—и нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ произведеній не лишены литературныхъ достоинствъ и нерѣдко въ этомъ отношеніи превосходятъ подобныя произведенія, предназначавшіяся для печати и напечатанныя. Нѣкоторыя изъ нихъ не лишены и юмора. Для образца приведу небольшую выдержку изъ поздравительныхъ виршей, подъ заглавіемъ: *Wieniec Triumfalny*, составленныхъ «аудиторомъ елоквенціи» Теодоромъ Криницькимъ ко дню бракосочетанія Василя Кочубея, сына генеральнаго судьи войскъ запорожскихъ, съ дочерью миргородскаго полковника Анастасією (находится въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ въ числѣ рукописей, пожертвованныхъ княземъ Оболенскимъ). Такъ какъ Василій Кочубей былъ питомцемъ кіево-могилянскои коллегіи, то авторъ въ своихъ виршахъ олицетворяетъ тѣ школы, въ которыхъ В. Кочубей обучался, и отъ лица ихъ привѣтствуетъ новобрачнаго. Вотъ привѣтствіе отъ школы синтаксиса:

«Ehey! Kiedys to y ja toba się szczyciła,
a dziś się już mnie odrzekł moja duszo miła.
Iasniol toba moy komput y wszystkie konteczki,
wesoley zażywałaм codziennie piosneczki.

Wszak że znasz, że ia to cię wyszey promowała,
bo by Rhetorikac tych talentow nie dała.
Wyszczom classis bezemnie nikt się nieobeydzie:
kto u mnie *foe*, to Philosoph taki będzie»... и т. д.

74) Для уясненія вопроса о томъ, на какомъ уровнѣ развитія находилась богословствующая (употребляемъ это слово въ широкомъ его значеніи) мысль тогдашнихъ кіевскихъ ученыхъ, нужно имѣть въ виду не одни дошедшія до насъ ихъ лекціи по богословскимъ предметамъ, но и учено-литературные ихъ труды. Одинъ изъ подобныхъ трудовъ, относящійся ко времени нами разсматриваемому, имѣетъ столь *важное значеніе* для указанной цѣли, что мы рѣшаемся привести его почти въ полномъ видѣ. Трудъ этотъ — коллективная докладная записка кіевскихъ ученыхъ, составленная ими по порученію митрополита Варлаама Ясинскаго. Порученіе вызвано было затрудненіями, возникшими по вопросу о посвященіи въ епископы Діонисія Жабокрицкаго. Извѣстно, что Жабокрицкій, послѣ смерти Аеанасія Шумлянскаго († 1694 г.) избранный волинскою шляхтою на луцкую епископію, *былъ женатъ на вдовѣ*, съ которою разошелся, причемъ она опять вышла замужъ и въ данное время находилась въ живыхъ. Обстоятельства эти, по «правиламъ св. отецъ» заграждавшія Жабокрицкому доступъ къ іерархическимъ степенямъ, волинской шляхтѣ, разумѣется, хорошо были извѣстны, но она въ виду выдающихся достоинствъ Жабокрицкаго, какъ челоѣка заслуженаго, ученаго, вліятельнаго, извѣстнаго своею ревностью къ православію, «крѣпко при томъ стояла», чтобы онъ, «а никто иной былъ у нихъ епископомъ». Извѣстны были эти обстоятельства (черезъ «резидентовъ» въ Польшѣ) и московскому правительству, но и оно, въ виду указанныхъ волинскою шляхтою соображеній, не препятствовало посвященію Жабокрицкаго въ епископы, о чемъ указомъ отъ имени государей 12 авг. 1695 г. и сообщено было кіевскому митрополиту. Однако въ указѣ подчеркивалось, что это посвященіе должно быть совершено «за благословеніемъ святѣйшаго кирь Адріана», патріарха московскаго, — совершено «по правиламъ св. Апостолъ и св.

отець». Немедленно по полученіи этого указа митрополитъ Ясинскій и обратился къ кievскимъ ученымъ съ предложениемъ, чтобы они, принявши во вниманіе всѣ обстоятельства, касающіяся дѣла Жабокрицкаго, «подумали и посовѣтовали духовнѣ: достоинтъ-ли быти рукоположенну въ епископа», хотя бы и по вуждѣ, «тому, иже понялъ бы себѣ вдову въ жену?»

Упомянутая нами коллективная докладная записка кievскихъ ученыхъ (наход. въ Москов. Синодальной библиот., въ сбор. № 1, л.л. 423—426) и представляетъ научно мотивированный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

«На сей вопросъ—читаемъ здѣсь—мыслящимъ намъ како отвѣщати, обрѣтохомъ отвѣщающія за насъ самыя правила святыхъ апостолъ и прочіихъ соборовъ святыхъ отецъ, яже извѣстнѣйша суть вашему Преосвященству. Явѣ бо в правилѣ апостольскомъ, числомъ осмнадесятюмъ, пишется сице: пущеницу, или рабу, или вдовицу, или плясовицу поемый, не священникъ есть. Чтохомъ же и инныхъ святыхъ отецъ правила, возбраняющая таковымъ быти епископами, иже вдовы поймаваху въ жены. Обаче та чтуше, внимаеть и овымъ: яко церковь Христова еще первобытная даде крайнимъ властемъ архіерейскимъ таковую силу, ею же могутъ ослабу творити правилу апостольскому или соборному святыхъ отецъ въ нарочитыхъ нуждахъ церковныхъ, наипаче егда православная вѣра в бѣдахъ остатнихъ гдѣ бываетъ, отъ коихъ бѣдъ сохраненна быти не можетъ, развѣ ослабою, сотворенною чрезъ церковь; но та ослаба съ опаснымъ разсужденіемъ должна есть бывати: *Въ первыхъ*, да въ таковой ослабѣ не утаевается хула противъ тайны Тройческаго единосущнаго Божества, или единаго коего отъ Тронцы лица, любь противъ коего-либо догмата вѣры, отъ святыхъ отецъ на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ составленнаго. *Второе*, да ослаба таковая не бываетъ кромѣ нарочитыя послѣдней нужды церковныя. *Третье*, да таковою ослабою правило то, ему же нужды ради ослаба бываетъ, не мнитя кому отнюдь навсегда истребленно и уничиженно быти, но паче по нуждной той ослабѣ за хранится въ таковой же крѣпости, в яковой прежде ослаба составленна бѣ. Таковыхъ ослабъ употребляли в нуждахъ

сенія челоуѣческаго и сами апостолы святыи, противу правиламъ, отъ нихъ же самихъ составленнымъ. Пишетъ бо ся въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ (въ главѣ 15), яко восташа нѣции отъ ереси фарисейскїя, вѣровавши въ Христа, глаголюще: потребно быти обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова обращающимся отъ языкъ къ Богу,—и тако молвяще, возмушаку братію, иже отъ языкъ, развращающе души ихъ. О сей убо молвѣ, извѣщени суще въ Іерусалимѣ апостоли отъ Павла и Варнавы, сотвориша соборъ, на немъ же уставиша правило таково: яко весьма непотребно есть обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова къ вѣрѣ Христовой,—и съ тѣмъ правиломъ апостольскимъ послани быша въ Антіохїю Павелъ и Варнава съ прочими апостолами, идѣже твердо проповѣдаша, да правило то о необрѣзанїи и нехраненїи закона Моисеова хранимо будетъ. Обаче вскорѣ по соборѣ томъ Іерусалимскомъ приде Павелъ въ Дервѣ и Листру (Дѣян. глав. 16). идѣже обрѣте Тимоѳея, единого отъ вѣрныхъ, сына жены юдейныни вѣрныя, отца же еллина, и при немъ обрѣза его за юдей сущихъ на мѣстѣ томъ, в коемъ обрѣзанїи, уже запрещенномъ, не истреби навсегда Павелъ правила апостольскаго, установленнаго о необрѣзанїи, но сотвори то отъ особыя нужды, спасенїя ради іудей тамо сущихъ, видяще бо многихъ в Дервѣ и Листрѣ іудей быти преклaniaющихся къ вѣрѣ Христовой, точїю твердо мнящихъ быти потребно къ той же Христовой вѣрѣ обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова; о нихъ же предувидѣ Духомъ Святымъ Павелъ, яко іудеи тыи, прїемше вѣру Христову, познають потомъ сами просвѣщенїемъ Духа Святаго, яко непотребно есть къ вѣрѣ Христовой обрѣзаніе и храненіе закона Моисеова, точїю дабы первѣе прїятенъ былъ проповѣдію своею тѣмъ іудеямъ, обрѣза Тимоѳея, ослабляя на едино то время, въ нуждѣ той, правило апостольское; по обрѣзанїи же Тимоѳеевомъ паки Павелъ проповѣда твердо хранили уставы, сужденныя отъ апостолъ и старецъ, иже въ Іерусалимѣ. Посемъ паки (Дѣян. глав. 21) приде Павелъ въ Іерусалимъ, идѣже совѣтомъ Іакова святого сотвори себѣ очищенїе, в законѣ Моисеевомъ написанное, явися в сонмищи. Очищенїе то законное сотворити Павлу совѣтова Іаковъ святой сего ради, яко видяще проповѣдъ

Павла святаго имѣти велію в себѣ Духа Святаго силу, в сердцахъ невѣрныхъ дѣйствующую, восхотѣ убо, дабы Павелъ святыи в сонмищи проповѣдалъ вѣру Христову; но понеже слухъ проиде о Павлѣ святомъ въ Иерусалимъ, яко онъ весьма отвергаетъ законъ Моисеовъ, убося, да не возбранится не точію проповѣдь, но и входъ в сонмище Павлу святому, тѣмъ же совѣтова Іаковъ святыи, да Павелъ святыи очищеніемъ законнымъ явится отвнѣ іудеомъ, яко не весьма отвергаетъ законъ Моисеовъ, и ради внѣшняго того явленія да не будетъ возбраненъ внити въ сонмище и проповѣдати тамо вѣру Христову; совѣтова же Іаковъ святыи Павлу святому такожде не въ уничиженіе и истребленіе правила апостольскаго о нехраненіи закона Моисеова, понеже словеса самого апостола святаго Іакова правило то апостольское составися и совершенно утвердися, но ради спасенія Іудейскаго: якоже толкуютъ отцеве святыи.

И Петръ святыи, по соборѣ апостольскомъ Иерусалимскомъ, многажды предъ іудеи творяшеся хранити законъ Моисеовъ и удалятися отъ общенія съ языки, аще и самъ присутный бѣ собору апостольскому, и явленіе имѣ съ небеси родомъ языческимъ не гнушатися и творити ихъ общники благодати Христовой: понеже нѣсть у Бога на лица зрѣнія, но равно іудеомъ и еллиномъ хоцетъ всѣмъ спастися и в разумъ истинный пріити; обаче Петръ святыи безгрѣшно лицемѣряшеся ради удобнѣйшаго преклоненія Іудеевъ къ вѣрѣ Христовой, оба съ Павломъ святымъ глаголюще: *со всеми всякъ бѣхъ, да всѣхъ приобрящу.*

Каковъ имать быти епископъ? Преднаписа Павелъ святыи къ Тимоѳею и Титу образъ достоинства епископскаго, между иными же: *да не будетъ епископъ новокрещенный.* Обаче Амвросій святыи, епископъ Медиоланскій, еще точію оглашень сый, а не крещень, избранъ есть въ епископа,—избранъ же не своею любоначалія волею, ниже благословеніемъ человѣческимъ, но самою силою Божіею; ибо малъ отрокъ первѣе въ церкви возгласи: «Амвросій да будетъ епископъ!»—посемъ единогласно всѣ возопиша: *Амвросію подобаетъ быти епископомъ,*—и тако волею и радостію всѣхъ избранъ есть въ епископы еще не крещень сый, неволею же и смущеніемъ своимъ въ епископы по-

Кіевск. Академія въ концѣ XVII и нач. XVIII стол. 7

ставленъ окрещенный. И сіе избраніе Амвросія святого въ епископа, точію оглашеннаго, не бѣ въ уничтоженіе или истребленіе правила святого апостола Павла, но ослаба бѣ правилу тому ради нужды церковныя; ибо тогда церковь Медиоланская бѣ въ великой бѣдѣ отъ аріанскаго гоненія. Превидѣвъ же Богъ, яко Амвросій святой своимъ богомудріемъ, остроуміемъ, краснорѣчіемъ и ревностію благоразумною можетъ спасти вѣрныхъ отъ налоговъ хулныхъ аріановъ, изволи самъ ослабу сотворити на время правилу Павла святого.

Вспоманутися здѣ можетъ и произведеніе на санъ архіерейскій Григорія святого, Неокесарійскаго чудотворца, иже освященъ есть на санъ архіерейскій отъ блаженнаго Федима, епископа Амасійскаго, не по чину тому, егоже самъ Христось уставилъ на освященіе архіерейское; Христось бо усты своими къ устамъ апостольскимъ глагола: *Примѣте Духъ Святъ...* и прочая... *сіе творите въ мое воспоминаніе... шедше научѣте вся языки крестяще ихъ...*, постави апостоловъ, присутныхъ іереевъ и архіереевъ, и таковой образъ предаде апостоломъ; апостоли же своимъ наслѣдникомъ поставленія на іерейство и архіерейство, и сего ради святой апостоль Павелъ тайну священнодѣйствія зоветь возложеніемъ рукъ. Но Федимъ святой, далече отстоящаго Григорія святого поставляя на архіерейство, како возлагалъ руцѣ свои на того, иже не бѣ присутенъ? Како глаголаше усты къ устамъ, отстоя далече? Невѣжа ли бѣ Федимъ блаженный, или гордь и уничтожитель чина и образа, на поставленіе іерейское и архіерейское самымъ Христомъ установленнаго? *Ни*: но сотвори сіе странное и весьма нечинное поставленіе архіерейское нужды ради церковныя. А яковая тогда бѣ нужда церкви Неокесарійскія? Зрѣти въ житіи Григорія Неокесарійскаго. Того ради воспоминашася сія вся, яко нужды ради церковныя могутъ архіерее, крайнюю власть имѣющіи, правилу коему церковному на время ослабу творити.

Въ всѣхъ странахъ тѣхъ, ими же обладаютъ иновѣрныи, пачеже и весьма невѣрныи погане, нѣсть гоненія тако тяжкаго на людей нашихъ православныхъ, якоже въ королевствѣ Польскомъ: до болѣзнующихъ неволно священникомъ ити съ пре-

честными тайнами явно, ибо потиры святых изъ рукъ священническихъ восхищаются, и тайны святых, з потира на землю опровергаемы, бывають ногами попираемы; преставльшихся отъ житія сего не есть вольно нести явно ради погребенія при святомъ церковномъ храмѣ, ибо телѣса тѣхъ изъ носилъ на землю низвергаются, священники же проводящи и людие з ними благочестивыи нещадно бѣемы бывають; земли монастырскіи и церковныи насиліемъ чрезъ ксендзовъ и уніатовъ отыймуются, и не точію земли, но и монастырѣ и церкви насиліемъ отъ благочестія православнаго отторгаются доселѣ и къ уніи римской соединяются. Отческое, душеспасительное, благочестивое пресвѣтлѣйшихъ монарховъ нашихъ бѣ попеченіе о церквахъ православныхъ. в королевствѣ Польскомъ сущихъ, когда уставися примиреніе вѣчное ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества з королевствомъ Полскимъ; уставися тогда, да четыре епископства: Луцкое, Премыслское, Лвовское и Бѣлорусское,—повинуются въ всемъ митрополиту Кіевскому. якоже и прежде. На сію же статію и самъ королевское Величество крестъ цѣловалъ, но крестное то цѣлованіе въ смѣхъ отъ нихъ вмѣняется. По примиренію же между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ а королевствомъ Полскимъ, безчисленныи монастырѣ и церкви отторгненны суть отъ православія святаго, а къ уніи римской приданы. Епископство Премыслское совѣмъ отторгнено з многими и древними монастырями: с монастыремъ Угорницкимъ, отъ котораго монастырь Скитскій имѣеть начало, з монастырями Лавровскимъ и Щеплотскимъ, а в тѣхъ монастырехъ бяху старцы зѣло искусныи, подражатели древнимъ предводителемъ нашимъ пустынножителемъ; о прочіихъ меншихъ подгорскихъ монастырахъ и не воспоминается. Въ епископствѣ Луцкомъ до трехъ сотъ парохіальныхъ церквей, такожде по примиреніи ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества з королевствомъ полскимъ, унѣаты, отъ православія отторгнувше, себѣ соединиша. Отторгнуша унѣаты монастырь Зимненскій, пресловутый издревле; в томъ монастырѣ церковь каменная изящная, и ограда каменная; той монастырь бѣ зданіе благочестивыхъ князей російскихъ Кіевскихъ, волынскими землями обладающихъ. Отторгнуша монастырь Низки-

ницкій, зданіе блаженныя памяти Адама Киселя, воеводы Кіевскаго; прочіи же монастырѣ меншіе Волянскіе и не воспоминаются. Такожде не воспоминаются монастырѣ Подляскіе и в князствѣ Литовскомъ, которыи уже по примиреніи отторгнены суть.

Но понеже королевское Величество з своимъ сенатомъ глаголють: яко постановленныя статіи о епископствахъ не нарушаютъ и нарушити не хотятъ; убо аще бы епископъ былъ таковый, или Луцкій, или Премыслскій, или Львовскій, или Бѣлорусскій в державѣ Полской, который бы умѣлъ и могъ договариватися у королевскаго Величества, по что дѣломъ не исполняются статіи, постановленныи между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ а королевствомъ Полскимъ,—чаемъ, яко была бы отрада кая-либо нашимъ православнымъ, не тако дерзновенія ради нашихъ православныхъ, тамо живущихъ, яко страха ради пресвѣтлѣйшихъ: нынѣ же ни единъ человекъ тамо таковъ обрѣтается ни между чиномъ духовнымъ, ни между мірскимъ, иже бы, в лице ставши королевскому Величеству и сенатови, купно з резидентомъ ихъ царскаго пресвѣтлаго Величества, допоминался: по что дѣется не по статіямъ, но сопротивно? Нынѣшній же нареченный епископъ Луцкій, Діонисій Жабокрицкій. имѣеть отъ Бога себѣ толику силу, яко могъ бы в лице стати озлобляющимъ православіе наше, ибо православія есть ревнитель великъ зѣло, учителенъ, краснорѣченъ, дерзновенъ, породою изяшенъ, отчинами своими власными богатъ, королевскому Величеству и всему сенатови . и знаемый и приступъ имѣющей мудрости своя ради. Имѣеть же сію точію препону: яко жену вдову имяше. Но понеже и во времена апостольская и послѣжде, великихъ ради нуждъ церковныхъ, бывала на время ослаба правиламъ церковнымъ, и нынѣ убо, образомъ самыхъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, мощно сему быти... по всемилостивому призрѣнію святѣйшаго и всеблаженнѣйшаго великаго господина нашего Кѣрѣ Адріана, архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, яко равную власть съ четверопрестольными патріархами имѣющаго, на людей нашихъ православныхъ в королевствѣ Полскомъ су-

нихъ, въ всегдашнемъ озлобленіи и гоненіи стѣнящихъ и руки помощи отъ прекрѣпкія десницы пресвѣтлѣйшихъ и примилостивѣйшихъ монарховъ нашихъ ожидающихъ. Благонадеждны есмы о нареченномъ нынѣшнемъ епископѣ, яко не точію епархіи епископства Луцкаго, но и прочимъ можетъ пособствовать: древнее лицемѣріе нарицающагося православнымъ епископомъ Львовскимъ Шумлянскаго можетъ обличити и лихоимство укротити. Молимъ убо смиренно вашего преосвященства, изволь ваше преосвященство усердный быти ходатай къ святѣйшему и всеблаженнѣйшему великому господину Курь Адріану, архіепископу Московскому и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, да благословитъ помянутаго Діонисія Жабокрицкаго, нареченнаго епископа Луцкаго, самымъ дѣломъ поставити въ епископа здѣ в Кіевѣ. Первый се образъ будетъ, дѣломъ исполняющій статіи вѣчнаго примиренія между ихъ царскимъ пресвѣтлымъ Величествомъ и королевствомъ Полскимъ о четырехъ епископствахъ тамошнихъ православныхъ, имущихъ повиноватися митрополиту Кіевскому. Аще же онъ Діонисій Жабокрицкій не поставится въ епископа въ Кіевѣ, боимся да не прійдутъ в отчаяніе, и да нашимъ бѣднымъ тамошнимъ православнымъ не будутъ послѣдняя горшая первыхъ, отъ чего да сохранить ихъ Господь. И повторяюще убо о томъ смиренное моленіе наше, да изволиши преосвященство ваше усердно ходатайствовать къ верховнѣйшему архипастыру нашему, великому господину святѣйшему и блаженнѣйшему всероссійскому патріарсѣ, о благословеніе преосвященству вашему рукоположити сего, нужно потребнаго защитника православія Діонисія Жабокрицкаго на епископство. Сей челобитный отвѣтъ нашъ не словесно подаемъ, понеже коегождо отвѣтствующаго вещь долгаго требовала бы времени, но на писаніи семъ з подписомъ рукъ нашихъ, собравшихся единодушно и согласно в монастырѣ свято-Михайловскомъ Златоверхомъ Кіевскомъ року тысяча шестьсотъ девятьдесять пятаго мѣсяца септемврія дня 20».

Подъ документомъ, послѣ обычнаго обращенія къ митрополиту, подписались слѣдующія лица:

Сильвестерь Головчичъ, игумень монастыря Михайловскаго Золотоверхаго Кіевскаго.

Кіевскаго Кириловскаго монастыря игумень Иннокентій Монастырскій.

Монастыря свято Никольскаго пустынскаго Кіевскаго игумень, коллегіумъ Кіевскаго *ректоръ Иосафъ Кроковскій*.

Варлаамъ Страховскій, игумень монастыря Выдубицкого Кіевскаго.

Стефанъ Яворскій, префектъ школъ Кіевскихъ.

Захарія Корниловичъ, намѣстникъ свято Софійскій катедральный митрополитскій Кіевскій.

Софроній Подгаецкій, старецъ соборный судовъ духовныхъ митрополитанскихъ.

Иеромонахъ Иеронимъ Симановскій, учитель философіи Кіевскій.

Иеромонахъ Товія, проповѣдникъ слова Божого Кіевскій.

Иеромонахъ Калистъ, проповѣдникъ слова Божого при кафедрѣ митрополитанской Кіевской.

Иеромонахъ Ефремъ, духовникъ митрополитанскій.

Іоанъ Углицкій, протопопъ Кіевскій.

75) Вызовы въ Москву, а впослѣдствіи и въ Петербургъ, кіевскихъ ученыхъ были очень частые. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, относящіеся къ центральному пункту времени, нами разсматриваемаго (самому началу XVIII стол.). Въ 1701 году по «имянному государеву указу» потребованы были въ Москву изъ Кіевской Академіи *шесть, поимянно указанныхъ*, учителей, которые, — за исключеніемъ большаго Иларіона Ярошевскаго, замѣненнаго однако другимъ — Мелетіемъ Канскимъ, — вскорѣ и были отправлены при довольно обширномъ посланіи кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго на имя государя, датированнымъ 27 апрѣля 1701 года.

«Премилостивѣйшій Вашего царскаго пресвѣтлаго Величество монаршескій исполняя указъ (писалъ митрополитъ послѣ обычнаго титула), отпускаю въ царствующій градъ Москву отъ православныхъ *Академіи Кіевскія* учителей, на полезную церкви

святой услугу, шесть: *Рафаила Краснопольскаго, Иосифа Турбовскаго, Аванасія Соколовскаго, Григорія Гошкевича, Антонія Стрешовскаго и Мелетія Канскаго, вмѣсто немоствоющаю Пларіона Ярошевскаго*, ихъ же съ нижайшимъ покорственнымъ поклоненіемъ и повиновеніемъ благодатному монаршескому Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества пріятію и милостивому призрѣнію всемирно вручаю. О семъ радуется и весьма веселится все цѣлое православіе и усердно себѣ привѣтствуетъ сицеваго благополучія, яко Ваше царское пресвѣтлое Величество, православный монархъ, благочестивѣйшій царь, многими военными трудами и бѣгодарованнымъ благоразуміемъ своимъ распространяя окрестныя предѣлы вселюбезнаго отечества своего, *и о ученіи душеполезномъ въ церкви Божіей, ревностію святою Параклита распалляемый, прилежное и изряднѣйшее благоволиши имѣти попеченіе*. Сія Ваше царское пресвѣтлое Величество по природномъ благоутробію творя, не токмо прародителиви своему, благовѣрному самодержцу, великому князю Владимиру святому, отъ греческихъ странъ по воспріятію вѣры святыя стяжавающему книжное ученіе, ревнуеши, но и древнѣйшимъ царемъ, любителямъ ученія, послѣдуеши; якоже еще прежде пришествія на землю Христа. Царя небеснаго, Премудрости Божія, царици Египетскому *Птоломью Омяделфу*, собиравшему 70 учителей израильскихъ на преведеніе книгъ закона Моисеева и пророческихъ отъ языка еврейскаго на греческій; по пришествіи же Христовомъ—первому въ царѣхъ христіанскихъ святому равноапостольному великому *Константину*, начальнику собиранія на вселенскія соборы богомудрыхъ іерарховъ къ ученію православныя вѣры; таже—правовѣрнымъ и богонаученнымъ греческимъ царемъ *Феодосіямъ*, правдоучительному *Юстиніану*, храма Премудсть Божія въ Царѣградѣ создателиви, *Льву* премудрому, и прочимъ всехвальныя памяти достойнымъ монархомъ православно учительнымъ, подражая ихъ на вся полезному благочестію, егда сохраненія ради, растенія же и расширенія святыя православныя Восточныя вѣры *новыя въ юсударствѣ своемъ православно благоволиши воздвигати учительныя Афины, откуда узрять послѣдніе роды богомыслныхъ Арпаитовъ, великихъ Василіевъ, Богослововъ*

Григоріевъ, нравоучительныхъ Златоустовъ, богодухновенными своими ученіи догмата святыхъ отецъ утверждающихъ. Вся же сія да сбудутся въ помноженіе похвалы вся премудростію создавшаго Бога, въ Троицѣ святой славимаго, и въ похвалу Матери Премудрости, пренепорочней Владычицы нашея Богородицы Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ богомудрыхъ угодниковъ Божіихъ; благочестивѣйшему же Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества Маестатови въ вѣкопомную честь и во вспріятіе отъ пастырей Начальника, Учителя наивышшаго Бога Слова, премудрости Наставника, неувядаемаго вѣнца славы»... и проч. (Москов. Архивъ Мин. Юстиціи. *Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспед.*; № кн. 5/1733, л.л. 97—108.—Здѣсь же помѣщены: донесеніе гетмана Мазепы къ государю о мѣрахъ съ его стороны къ наискорѣйшему прибытію означенныхъ учителей въ Москву, и его письмо по сему же предмету къ боярину *Феодору Алексѣевичу Головину*. Въ послѣднемъ Мазепа пишетъ: «Какъ скоро по имяному монаршему Великаго государя нашего, указу... преосвященный Варлаамъ Ясинскій... выслалъ въ царствующій великій градъ Москву честныхъ и ученыхъ иноковъ для ученія дѣтей, то я, нимало ихъ въ Батуринѣ не задержавъ, съ подорожнымъ моимъ листомъ отпустилъ въ належашую дорогу, и что (такъ какъ) они въ тѣхъ краяхъ не бывали и пути не знаютъ, послалъ для провожанія Григорьева полку Анненкова капитана для лучшаго и скорѣйшаго тѣмъ законникомъ на назначенное мѣсто проѣзда, и вельмъ имъ, по приѣздѣ къ Москвѣ, съ симъ моимъ листомъ.. явитися скоро предъ Вашу вельможность»).

1702 года, іюля 16, по распоряженію Государя, «въ приказъ Малыя Россіи къ боярину Феодору Алексѣевичу Головину съ товарищи изъ приказа духовныхъ дѣлъ писано о *взятыхъ къ Москвѣ изъ Кіевской Академіи учителей: Викентія Покорнаго, Досифея Чернушкою (и) Дорофея Кроткевича, на перемѣну прежнимъ, взятымъ изъ Кіева, учителямъ: Антонію Стрешовскому, да Венедикту Лукашевичу, и вмѣсто умершаго жъ учителя ихъ Афанасія Соколовскаго, и о дачѣ имъ отъ Кіева до Москвы подводъ на подъемъ денежнаго жалованья противъ прежнихъ дачъ*». Вслѣдствіе сего изъ Малороссійскаго приказа посланы были соотвѣтствующія

«грамоты» къ митрополиту Варлааму Ясинскому, гетману Мазепѣ и къ кievскому воеводѣ генераль-маіору Юрью Өамендину (последнему о выдачѣ вызываемымъ учителямъ подъемныхъ денегъ «по 10 рублей человѣку изъ Кіевскіе палаты»). Въ концѣ октября означеннаго года «по благословенію преосвященнаго Варлаама Ясинскаго»... отпущены были изъ Кіева въ царствующій градъ Москву «для ученія въ латинскихъ школахъ» слѣдующія лица: «велебный отецъ *Іоакимъ Савельскій, казнодѣя монастыря Свято-Никольскаго пустыннаго Кіевскаго, отецъ Инатій Мишталскій з монастыря братскаго кіевскаго* и отецъ Дорофей Кроткевичъ з монастыря Михайловскаго Золотоверхаго кіевскаго жъ». Съ ними вмѣстѣ («при нихъ») отпущены были и ученики. Въ дорогѣ имъ приказано было давать «вездѣ невозбранно по 17 подводъ» (Москов. Арх. Мин Юстиціи. *Дѣла Кіев. Повытѣя*, № кн. 37, л.л. 485—488).

Въ концѣ января (или самомъ началѣ февраля) 1703 года воспослѣдовало «повелѣніе великаго Государя, чтобы взять къ Москвѣ *немотчавъ* (немедленно) з монастыря Печерскаго Кіевскаго іеромонаха Юстина Басилевича, блюстителя пещеры ближней преподобнаго отца нашего Антонія, и іеромонаха *Иннокентія Поповскаго*, трудившаго (трудящагося) въ училищахъ монастыря Братскаго Кіевскаго, *постриженца тою же монастыря Печерскаго Кіевскаго*, и о томъ написать къ преосвященному митрополиту Кіевскому и къ архимандриту Печерскому, *чтобъ указу Государеву не противилися и тѣхъ двухъ іеромонаховъ немотчавъ къ Москву высылали*, а о подводахъ и о деньгахъ на подъемъ писать къ воеводѣ кіевскому Өамендину» (Москов. Арх. Мин. Юстиціи. *Дѣла Кіев. Повытѣя*; № кн. 39, л. 86 об.).—Въ грамотѣ къ митрополиту (2 февр. 1703 г.), посланной по этому поводу, включена оговорка, что если Иннокентія Поповскаго, «префекта школъ кіевскихъ», «ради богословскаго ученія невозможно отпустить», то взамѣнъ его отправитъ *Амвросія Бѣлиневича, шумена Мгарскаго* (Ibid. л. 88 об.).

Вызываемы были въ это время кіевскіе ученые и для миссіонерскихъ цѣлей. 1700 года, іюля 20, воспослѣдовалъ указъ великаго Государя. «чтобъ въ Кіевскихъ монастыряхъ, подра-

жая во святомъ и богоугодномъ дѣлѣ, выбрать людей добрыхъ и ученыхъ иноковъ, всякаго—и благаго и непорочнаго житія свидѣтельствованныхъ, неперестарѣлыхъ, 2 или 3 человекъ, которые бы могли въ Сибири и въ Китайскомъ государствѣ въ слѣпомъ идолослуженіи и въ прочихъ невѣрствіяхъ законныхъ людей, наука святой православной вѣры, святымъ крещеніемъ просвѣтити, и въ познаніе и въ поклоненіе истиннаю живаю Богу привести; которые идолопоклонники моглибъ, свое суевѣріе познавъ твердыми святаго Евангелія доводами, отъ той сатанинской темной области въ свѣтъ познанія Христа Бога нашего придти и тамо живущихъ и пріѣзжихъ христіанъ отъ ирелести идолослуженія и всякихъ неподобныхъ дѣлъ отбыть; и жили бы у построенной въ Китайскомъ государствѣ Божіи церкви въ служеніи своемъ житіемъ блажимъ и непорочнымъ, которымъ бы моли хана Китайскаго, и ближнихъ его людей, и вообще народъ ихъ привести къ тому святому дѣлу—къ вѣрѣ христіанской, и къ людямъ Россійскаго народу, которые по вся годы с караваны для торгу и для всякихъ посылокъ пріѣзжаютъ, сотворити со всякою ласкою склонительныхъ» (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспед. № кн. 5, 1732, л.л. 61—62).

Хотя митрополитъ Варлаамъ Ясинскій «радовался и весьма веселился», что Государь, ревнуя древнимъ науколюбивымъ вѣнценосцамъ, имѣть прилежное попеченіе о распространеніи просвѣщенія, съ каковою цѣлію требуетъ присылки учительныхъ людей изъ Кіева въ Москву; но частые вызовы послѣднихъ, какъ приготовленныхъ къ занятію тѣхъ или иныхъ, требовавшихъ научнаго образованія, должностей и уже занимавшихъ оныя,—ставили митрополита, да и другихъ начальствующихъ духовныхъ лицъ, въ затруднительное положеніе. Варлаамъ Ясинскій въ своемъ письмѣ Стефану Яворскому отъ 29 марта 1701 года, извѣщая его о предстоявшей, по обстоятельствамъ нѣсколько замедленной, высылкѣ упомянутыхъ нами (требуемыхъ П. Великимъ въ Москву) шести учительныхъ лицъ и «усердно моля о ходатайствѣ» предъ государемъ, «дабы не изволилъ (за промедленіе) своего монаршего на него, немощного старца, положить гнѣва»,—о состояніи дѣлъ въ Кіевской

Академін, между прочимъ, пишетъ: «А что о магистрахъ—отецъ Туробойскій не докончилъ реторики и здѣсь зпю былъ надобенъ на маистровство вилософіи послѣ моею племянника (какъ видно изъ другихъ данныхъ—Иннокентія Поповскаго); но бояся ипва монаршескаю, и тотъ скончивъ свою риторикую прежде Свѣтлаю Воскресенія, а діалектику хотя больному вручивъ отцу Муравскому, отпущенъ будетъ.—А братъ Ярошевскій маистеръ, сынъ Тактицкій, болъзнуеть лихорадкою подлинно, а на его мѣсто разве пошлется изъ Николскою монастыря подобный ему Мелетій Канскій, хотя и тотъ здѣсь надобенъ бы былъ къ ученію, чтобы и здѣсь не праздно было.—А что о маистрахъ вилосовіи, разве мой племянникъ принужденъ будетъ трилтъннюю вилосовію, какъ ни есть, продолжать, покамѣстъ не смѣется иной послѣ его». (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. Дѣла Малороссійскаю Приказа, № кн. 83, л. л. 468—471).—Іоасафъ Кроковскій, въ то время архимандритъ кіево-печерскій Лавры, въ письмѣ своемъ къ гетману Мазепѣ, отъ 16 декабря 1701 года, между прочимъ пишетъ: «Снми времени присланъ съ Москвы монаршескій указъ, дабы нашъ нынѣшній намѣстникъ Новопечерскій Свинскій, пречестной отецъ Филофей Лешинскій ѣхалъ къ Москвѣ для воспріятія нѣкоторою начальства по благословенію преосвященнаго его милости отца Димитрія, митрополита Ростовскаго, что есть намъ съ великою скорбію, понеже частыя перемѣны бывають новопечерскихъ намѣстниковъ» (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. Дѣла Правит. Сената по Малорос. Экспедиціи, № кн. 5/1732, л. 118 об.).

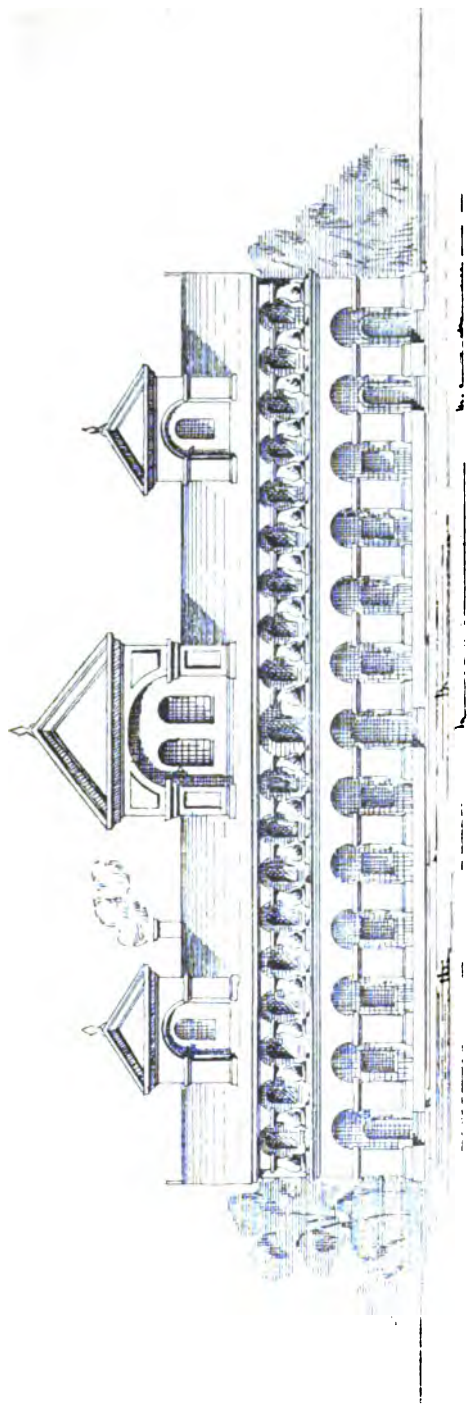
Повидимому, неохотно отправлялись въ Москву и вызываемые туда кіевскіе ученые. О предназначенныхъ къ отсылкѣ шести лицахъ, поименованныхъ въ государевомъ указѣ 1701 года, В. Ясинскій выражается (въ цитованномъ его письмѣ, къ Стефану Яворскому, отъ 29 марта означеннаго года), что они «заскорбли». Этою «скорбію»,—назовемъ ее скорбію по родинѣ,—объясняется и то, что нѣкоторые изъ вызванныхъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ, по истеченіи извѣстнаго времени, подъ благовидными предлогами ходатайствовали передъ государемъ объ отпускѣ ихъ обратно въ тѣ мѣста, откуда они были взяты. Такъ

упомянутый іеромонахъ Іоакимъ Савельскій въ апрѣлѣ 1703 года, обратился къ государю съ челобитьемъ: «въ прошломъ де 1702 году, по указу великаго государя и по грамотѣ изъ государственнаго посольскаго приказа взять онъ изъ Кіева изъ Никольскаго монастыря къ Москвѣ въ школу славяно-латинскую въ учителя, и училъ, а нынѣ де вмѣсто его въ той школѣ есть иной учитель, іеромонахъ Антоній Стрешовскій, а у него де *объщаніе по прежнему въ томъ Никольскомъ пустынномъ кіевскомъ монастырѣ* (пробывать), и великій государь пожаловалъ бы ею, *вельмѣ отпустить ею въ Кіевъ*»... (Москов. Арх. Минист. Юстиціи. *Дѣла Кіевскаго Повытѣя*, № кн. 39, л. 520). Такихъ примѣровъ можно указать и еще нѣсколько. Но большинство вызываемыхъ въ Москву кіевлянъ свыкались съ своимъ положеніемъ (да болѣе необходимыя изъ нихъ *и не были отпускаемы*) и на сѣверѣ созидали свою карьеру на разнообразныхъ поприщахъ

⁷⁶⁾ Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха (впослѣдствіи москов. митрополита) Макарія Булгакова. Спб. 1843 г., стр. 103.— Кульминаціоннаго своего пункта, въ смыслѣ *широты* просвѣтительнаго вліянія, Кіевская Академія достигла въ началѣ XVIII столѣтія. Съ теченіемъ времени, когда начинаютъ возникать и въ другихъ мѣстностяхъ высшія учебныя заведенія, значеніе нашей Академіи естественно умалется, но и послѣ сего еще довольно долго, даже послѣ открытія Московскаго университета, она и въ указанномъ отношеніи продолжаетъ занимать выдающееся мѣсто. Въ 1765 году кіевскій генераль губернаторъ И. Ф. Глѣбовъ въ своемъ всеподаннѣйшемъ докладѣ, ходатайствуя о назначеніи пособія Кіевской Академіи, представилъ *краткій очеркъ ея исторіи и современнаю состоянія*. Въ очеркѣ этомъ, состоящемъ изъ 12 пунктовъ, въ послѣднемъ говорится: «Изъ обучающихся въ сей Академіи студентовъ немалая часть съ пользою къ разнымъ церковнымъ нуждамъ употребляется, а имянно: въ священники и діаконы, для проповѣди Слова Божія, во учителя при разныхъ епархіяхъ для распространенія наукъ, опредѣляются въ кадетскій шляхетной сухопутной корпусъ въ

іеромонахи и іеродіаконы для наставленія кадетовъ догматами православної вѣры, и посылаются къ находящимся при чужеземныхъ дворахъ министрамъ въ капеляны; а прошлаго году отправленъ по указу іеромонахъ Ефремъ Діаковскій въ Англію; сверхъ того берутся и въ другія должности, сирѣчь: въ переводчики разныхъ языковъ и въ медикохирургическую науку, въ которую предъ нѣсколькими годами, по указу Св. Синода, взяты до ста, а въ 1761 году 50 человекъ, изъ коихъ и нынѣ дѣйствительно не малое число при арміи В. И. В. лѣкарями и подлѣкарями служатъ, а иные въ чужіе краи для совершеннаго обученія медицинѣ отправлены, изъ коихъ нѣкоторые, возвращаясь, въ докторскую должность опредѣлены» (Съ копіи доклада, хранящейся въ старыхъ дѣлахъ *архива Кіевскаго цубернскаго правленія*; сообщена намъ А. А. Андреевскимъ).

Рис. 1

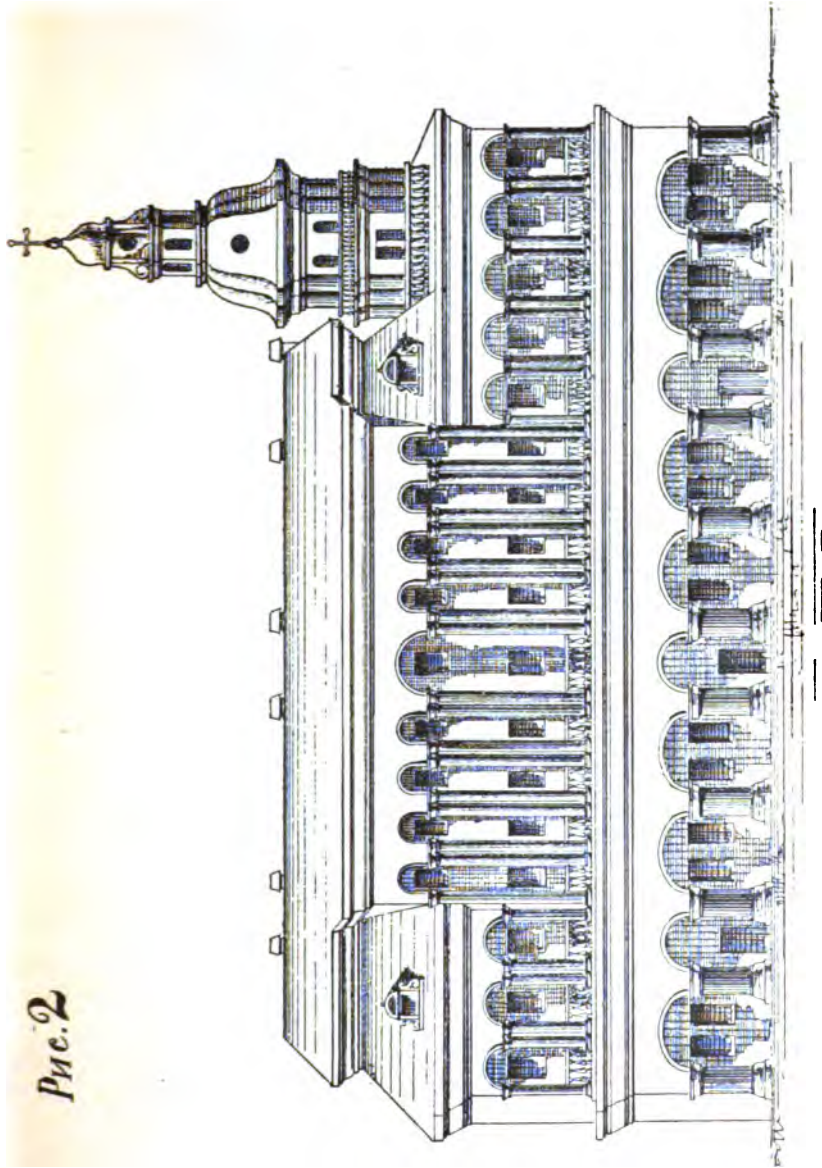

Рис. 2

